

Джонхей Билл

Моллю Муж

ОСТАВЛЕНАЕТ ВРЕМЯ

Annotation

Молли Мун — Девочка-сирота, обладающая удивительными гипнотическими способностями. По просьбе знакомой она отправляется в Америку, чтобы разобраться в окутанных завесой мрака преступных делах миллиардера Клетса. Девочка оказывается лицом к лицу со страшным противником. Праймо Клетс — виртуозный гипнотизер, сумевший подчинить себе умы самых ярких Голливудских звезд и вынашивающий планы стать президентом США, а потом и всего мира. Очутившись в Лос-Анджелесе, Молли, ее друг Рокки и собачка Петулька проникают на церемонию вручения «Оскаров», и последствия их авантюры оказываются непредсказуемыми. В ходе опасных приключений Молли делает потрясающее открытие — она способна останавливать время! Ей приходится не раз применить это открытие на практике. Кроме того, девочке наконец удастся разгадать тайну своего рождения...

- [Джорджия Бинг](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)

- [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Глава тридцать первая](#)
 - [Глава тридцать вторая](#)
 - [Глава тридцать третья](#)
 - [Глава тридцать четвертая](#)
 - [Глава тридцать пятая](#)
 - [Глава тридцать шестая](#)
 - [Глава тридцать седьмая](#)
 - [Глава тридцать восьмая](#)
 - [Глава тридцать девятая](#)
 - [Глава сороковая](#)
 - [Глава сорок первая](#)
 - [Глава сорок вторая](#)
 - [Глава сорок третья](#)
 - [Глава сорок четвертая](#)
-

Джорджия Бинг
Молли Мун останавливает время

Посвящается Тигру

Глава первая

Дивина Наттель сидела в собственном лимузине, за спиной у личного шофера, и читала в глянцевого журнале статью о себе. Со страницы ей улыбалось ее же круглое личико, окруженное рекламными плакатами всех фильмов и концертов, в которых она участвовала

«Девочка-суперзвезда Дивина Наттель, — гласила статья, — вернулась на Бродвей и снова выступает в прославленном шоу „Звезды на Марсе“. После ухода таинственной незнакомки Молли Мун, неожиданно покинувшей Нью-Йорк, мисс Наттель стала основной претенденткой на главную роль».

Дивина вскипела. Ей до смерти надоело, что имя Молли Мун без конца упоминают рядом с ее собственным.

— Остановитесь у кафе-мороженого на Мэдисон, — рявкнула она шоферу

Тот кивнул и осторожно повел машину, лавируя среди четырех полос шумной нью-йоркской улицы.

Сегодня Дивина была не в своей тарелке. И спасти ее могло только большое вкусное мороженое. День не задался с самого утра, когда она, как обычно, приехала в бродвейский театр репетировать новую песню к «Звездам на Марсе». Во-первых, разболелось горло, и она никак не могла взять верхние ноты. Потом ее окончательно вывело из себя то ужасное происшествие. Дивина сердито царапала ногтем кремово-белую кожаную обивку сиденья. С родителями она виделась не часто, но сегодня была рада, что они наконец-то дома и можно пожаловаться им на невзгоды.

Как посмел тот чокнутый бизнесмен ворваться без приглашения в ее гримерку? Как он сумел незамеченным пробраться мимо охраны? И какая наглость — предложить ей рекламировать его вшивую линию одежды «Домашняя Мода»! Неужели он не знает, что сначала нужно поговорить с ее агентом? И до чего же бесславно ей пришлось покинуть театр! Дивина выбежала через служебный вход и плюхнулась в поджидавший лимузин, даже не успев наложить на лицо специальный макияж для поездки домой!

Дивина никак не могла выкинуть из головы этого жуткого мистера Клетса. При одной мысли о нем по спине пробегал холодок. Его взгляд въелся ей в самый мозг — как солнце, если долго смотреть на него, оставляет свой отпечаток на всем, что видишь. Стоило зажмуриться, и перед глазами снова вставали эти безумные зрачки. Дивина вспомнила, как

он с силой схватил ее за руку и заставил смотреть на себя. Она и взглянула, но только на миг. Потом вырвалась и убежала.

Чтобы успокоиться, Дивина принялась любоваться фотографией в журнале. До чего же яркие и улыбочивые у нее глаза! Такие синие, такие красивые — не то что глаза другой девчонки, которые запомнились Дивине очень хорошо. Близко посаженные темно-зеленые глаза Молли Мун. Так почему же при одном ее имени она, Дивина, скрипит зубами от зависти? Молли Мун — всего лишь жалкая посредственность: глаза навывкате, нос картошкой, тощая, чумазая. «Что же все в ней находят?» — недоумевала Дивина. Она знала только одно: Молли Мун украла у нее роль, заграбастала тысячи долларов, которые по праву принадлежали Дивине, и свела с ума весь Нью-Йорк. Даже сейчас, хоть Молли Мун и уехала из города, ее до сих пор называли «Звездой двадцать первого века», а этот титул тоже должен был достаться Дивине.

Лимузин остановился возле ее любимого кафе-мороженого на Мэдисон-авеню. Дивина застегнула черную соболью шубку и надела подобранные в тон меховые перчатки. Вечер был холодный. Она вышла из машины и снисходительно махнула шоферу: мол, домой пойду пешком. С наслаждением прислушиваясь к цокоту каблучков по мостовой, девочка направилась к кафе.

Она заказала фирменное блюдо. Оно называлось «Понедельнично-вторнично-средо-четвергово-пятнично-субботний воскресный десерт». Решительно выкинув из головы все мысли о Молли Мун, Дивина достала ручку с золотым пером и принялась отрабатывать автограф на бумажной салфетке. Как лучше — сохранить подпись с завитушками или изменить стиль?

Когда принесли десерт, она съела всю порцию целиком.

Через двадцать минут она, совершенно разбитая, шла домой. Все-таки холодный мартовский вечер — не самое подходящее время для громадной порции мороженого.

Дивина задумалась о том, чем заняться, придя домой. Позвонить подругам? Но подруг у нее не было. Она не желала их заводить. Не хотелось даже думать о том, чтобы делиться с кем-то своими красивыми нарядами. К тому же Дивина не терпела, когда ей возражают.

Вдалеке показался ее дом, огромный, многоквартирный. Странно, подумала Дивина, обычно его силуэт обведен гирляндой зеленых огоньков. Они что, перегорели? Темное здание высилось посреди улицы мрачной громадой. Надо будет пожаловаться привратнику. А вот и он: стоит у дверей со светящимся жезлом, которым подзывают такси.

Дивина пересекла широкую улицу. До парадного входа оставалось рукой подать — всего сотня метров, но они были залиты темнотой, свет пробивался лишь в одном месте, там, где уличный фонарь отбрасывал на тротуар круглую оранжевую лужицу. Дивина пошла к фонарю. Она любила купаться в лучах прожекторов.

На тротуаре в лужице света белел какой-то мятый прямоугольник — мусор, наверное. Еще один повод пожаловаться привратнику. Однако, подойдя поближе, Дивина увидела, что белый прямоугольник — не мусор, а конверт. И — странное дело — на этом конверте написано ее имя!

Очередное письмо от поклонника? Дивина зажмурилась от удовольствия.

Она сняла перчатки, подняла конверт и достала листок. В письме было всего две строки:

«Дорогая Дивина!

Прости, но ты слишком много знаешь».

Вдруг Дивину схватила за плечо тяжелая рука. Девочка подняла глаза — на нее, улыбаясь, смотрело сверху вниз знакомое лицо. Дивина оцепенела от страха. Лютый зимний холод сковал все тело. Уши словно ватой заложило. Она больше не улавливала привычного нью-йоркского шума. Машины и такси, гудки и сирены — всё куда-то исчезло. Дивина слышала только свой собственный голос; она отчаянно визжала, отбиваясь от сильных рук, тащивших ее к припаркованной рядом машине. Девочка бросила полный надежды взгляд на привратника в униформе — тот стоял вдалеке, подняв светящийся жезл. Она закричала еще громче. — Помогите! Помогите!

Но привратник не шелохнулся. Он стоял и смотрел в другую сторону. Железные руки швырнули отбивающуюся Дивину в «роллс-ройс» — бесцеремонно, точно бродячего щенка в собачий фургон. И увезли в непроглядную ночь.

Глава вторая

Молли Мун весело подкинула в воздух огромный пакет медовых пшеничных хлопьев. Тот перекувырнулся над узким проходом между рядами полок в супермаркете, и толстая картонная пчела на нем совершила свой первый и последний в жизни настоящий полет. Потом пакет с хрустом приземлился в тележку для покупок.

В яблочко! Двадцать очков в мою пользу, — удовлетворенно воскликнула Молли, Из-за стеллажа

с кукурузными хлопьями на нее посыпался дождь разноцветных коробочек с жевательной резинкой «Отпад».

— Ну как Руби умудряется съесть столько жвачки? — спросил хрипловатый мальчишеский голос — Ей всего-то пять лет.

— Она ею картинки приклеивает, — ответила Молли, толкая металлическую тележку к рыбным

консервам. — А мне хотелось бы узнать, как Роджер лопает столько сардин? Холодными, прямо из банки. Жуткая отравка. И картинки сардинами приклеивать нельзя.

— Десять очков за эти жвачки, зеленоглазая, и удвой счет, потому что я кидал их с другой стороны стеллажа. — Из-за высоченного штабеля банок с фасолью показался мальчишка. Его кудрявую шевелюру над темно-коричневым лицом венчала белая шапка с опущенными ушами. Он положил в тележку большую бутылку концентрированного апельсинового сока.

— Спасибо, Рокки, — отозвалась Молли. Она обожала концентрированный апельсиновый сок. И пила его, не разбавляя.

Покопавшись в спутанных кудрях, Молли достала из-за уха ручку и записала итоги в потрепанный блокнот.

Молли 45 100 140 175 210

Рокки 40 90 133 183 228

— Ладно, молодчина. На этой неделе ты выиграл. Но до Пасхи я тебя одолею.

Потом Молли заглянула в список покупок. В нем говорилось:

Покупки для Счастливого Приюта

Скучное:

*Картошка пастернак салат
помидоры баклажаны сельдерей цыплята
отбивные сосиски молоко хлеб
масло кофе чай в пакетиках пшеничная мука
сахар медовые пшеничные хлопья овсяная крупа
замороженный горошек сливки 10 банок сардин
яйца корм для попугайчиков корм для собак
корм для мышей
орехи кешью*

Интересное:

*«Кьют» газированная вода чипсы печенье
кетчуп конфеты зефир в шоколаде
батончики «Небо» концентрированный апельсиновый сок
крекеры с сыром
щербет журналы*

Подарки:

*жвачка «Отпад» поп-корн
пена для бритья и лезвия
шоколад
блеск для губ отбеливатель для зубов*

Счастливым Приютом назывался сиротский дом, где жили Молли и Рокки. Когда Молли была совсем маленькой, ее подкинули к дверям приюта в коробке из-под зефира в шоколаде кондитерской фабрики «Мун». Так она и получила свою фамилию. До недавних пор детский дом назывался Хардвикским приютом, а в доме с таким неблагозвучным названием, как нетрудно догадаться, и жизнь нелегка. Но незадолго до Рождества девочке-подкидышу выпал удивительный шанс. В библиотеке близлежащего городка Брайерсвилля она нашла старую книгу в потрепанном кожаном переплете. Написал ее доктор Логан, и называлась она «Гипноз». Эта книга переменила всю жизнь Молли. Выучив описанные в ней приемы, девочка обнаружила, что обладает мощными гипнотическими способностями. Тогда Молли ушла из Хардвика, прихватив с собой приютского мопсика Петульку, и отправилась в Нью-

Йорк. Там она с помощью гипноза получила главную роль в бродвейском мюзикле под названием «Звезды на Марсе». Молли одурачила и подчинила своей воле сотни людей и заработала кучу денег. Но ее секрет раскрыл мошенник, называвший себя профессором Нокманом. Он похитил Петульку и вынудил Молли ограбить для него банк.

Жизнь Молли превратилась в кошмар, но тут, на счастье, появился ее друг Рокки. Он помог подруге справиться с Нокманом. Молли покинула Нью-Йорк, увезя с собой заработанные деньги и большой бриллиант, который попал к ней в день ограбления банка. Дела в Хардвикском приюте наконец-то пошли на лад. Молли отправила подальше жуткую старую ведьму — директрису, переименовала дом в Счастливый Приют. Помогать по хозяйству вызвалась добрая, хоть и простодушная, вдовушка по имени миссис Тринкелбери, которая и раньше нередко подрабатывала в приюте. Теперь она поселилась здесь насовсем. Молли рассказала ей, что деньги, привезенные из Америки, передал богатый благотворитель, желающий помочь детскому дому. Кроме того, Молли загипнотизировала грабителя банков Саймона Нокмана и привезла его с собой — в помощь трудолюбивой миссис Тринкелбери. Нокман стал для девочки кем-то вроде подопытного кролика. Молли под гипнозом внушила ему, что он должен делать только хорошие дела, и надеялась, что рядом с такой доброй женщиной, как миссис Тринкелбери, он и сам исправится, станет по-настоящему добрым человеком. До сих пор эксперимент проходил успешно.

Молли еще раз заглянула в список. Почти все куплено.

Вся здоровая пища, овощи и фрукты, которые заказывала миссис Тринкелбери, была сложена на самом дне тележки под бутылками с молоком и газировкой. Поверх других покупок лежали подарки, которые Молли купила для шестерых детей, на время уехавших из приюта

Гордон Бойлз и Синтия Редмон проходили курс адаптации к самостоятельной жизни, и Гордон, чтобы выглядеть злее, побрил голову. Молли купила ему пену для бритья и лезвия, а для Синтии — шоколадку.

Гизела Хеккерсли и Крейг Редмон, брат-близнец Синтии, занимались на курсах бальных танцев, поэтому Молли приготовила им блеск для губ и отбеливатель для зубов.

Джинкс и Руби, двое пятилетних малышей, жили на свиноферме у добрейшей сестры миссис Тринкелбери. Молли собирала для них посылку с поп-корном и жевательной резинкой.

Молли почесала голову, беспокоясь, не подцепила ли она опять вшей.

— Осталось только купить подарки для тех, кто ждет нас в приюте.

Роджеру нужны грехи, то есть орехи.

— Бедняга Роджер. Мозги у него стали как орехи, — заметил Рокки, бросив в тележку пакетик с кешью. Роджер и впрямь немного сдвинулся. С самого Рождества мозги у него все больше и больше съезжали набекрень, и сейчас он целыми днями сидел на большом дубе во дворе приюта

— Да-а, — согласилась Молли. — Кетчуп для меня и корм для попугайчиков мистера Нокмана... купили. Шербет для Джеммы и крекеры с сыром для Джерри... вот они. Осталось только взять конфет и журналы для миссис Тринкелбери.

Молли покатила тяжело нагруженную тележку к выходу из магазина и по дороге подхватила с полки пачку ирисок, пакет леденцов и большую коробку зефира в шоколаде.

Со стеллажа с журналами Рокки снял «Клуб знаменитостей» и «Добро пожаловать в мой мир: в гостях у звезд».

«Похищена малышка Наттель», — возвещала большими черными буквами «Брайерсвилльская вечерняя хроника», но Рокки не взглянул на газеты. Вместе с Молли он выложил покупки на черную ленту конвейера перед кассой. Румяная девушка с пышными волосами и изящными руками принялась быстро выстукивать цены на кассовом аппарате. Молли взглянула на ее круглое деревенское лицо и нейлоновый фартук. Эта девушка так сильно отличалась от красавиц на глянцевых обложках журналов, разложенных перед ней, словно принадлежала к другому биологическому виду.

«Оскар! Специальный выпуск!» — трубили заголовки «Клуба знаменитостей», а под ними сияло снятое крупным планом лицо золотоволосой блондинки с улыбкой такой широкой, что Молли подумала — уж не вживили ли ей дополнительные зубы? Губы у нее были похожи на блестящих розовых червяков, а глаза — как у леопарда, Молли хорошо знала это лицо. Да все его знали.

«Сьюли Шампань, номинантка на „Оскар“, демонстрирует свою коллекцию туфель».

Миссис Тринкелбери будет рада. Близилось ее любимое время года — пора присуждения наград Американской киноакадемии, когда Голливуд вручает самым талантливым деятелям кино свою главную премию — «Оскар». Обычно в эти дни добрая старушка ни о чем другом не говорила.

«Добро пожаловать в мой мир» поместил фотографию мужчины, больше похожего на божество, чем на человека. Кожа у него была черна как уголь, и на нем была набедренная повязка, как у Тарзана. Он стоял над морем, на вершине утеса, и длинные черные кудри эффектно развевались

на ветру.

— Если одеть меня в такой наряд, я буду выглядеть точь-в-точь как он, — ухмыльнулся Рокки, — Надо только волосы отрастить подлиннее.

— И мускулов добавить, — бросила Молли.

«Геркулес Стоун приглашает нас на свою виллу в Малибу», — возвещал заголовок возле блестящего живота актера.

На миг Молли ощутила укол сожаления. Если бы она продолжала свою звездную карьеру в Нью-Йорке, то сейчас грелась бы у моря на калифорнийском солнышке и блистала на обложке «Добро пожаловать в мой мир». Гипнотический талант помог бы ей подняться на самую вершину, но она отказалась от славы и богатства ради того, чтобы вернуться домой, к друзьям. Теперь она если чем-то и выделяется из толпы, так только своей заурядностью, в точности как девушка за кассой. Молли протянула ей две хрустящие банкноты. Быстро подсчитала в уме, какая сумма осталась в банке на счету Счастливого Приюта, и прикусила губу. Деньги, привезенные из Нью-Йорка, таяли на глазах. Приходилось оплачивать так много счетов — за жилье, за отделку дома, за покупки, за одежду, за продукты.

Потом Молли вспомнила о спасительном средстве, висевшем на шее под футболкой, и перестала тревожиться. Рука невольно потянулась к маленькому твердому бугорку величиной с миндальный орех. Огромный бриллиант. Стоит, наверно, кучу денег.

Молли взяла сдачу, радостно вздохнула и, выходя из магазина, бросила мелочь в картонную коробку перед сумасшедшей нищенкой, которая всегда сидела на ступеньках у выхода, кутаясь в спальный мешок и разговаривая сама с собой.

— Спасибо, дитя мое, — ощерилась нищенка беззубой улыбкой.

Молли не любила, когда кто-нибудь называл ее «дитя мое», потому что она была круглой сиротой — никому не дитя. Но ей не хотелось говорить этого печальной старухе, жившей на крыльце супермаркета.

— Не за что, — ответила она, — С Новым годом вас... то есть с новым мартом

Глава третья

Видавший виды оливково-зеленый автомобиль миссис Тринкелбери поджидал ребят на стоянке возле реки Брайер. Молли и Рокки толкали тележку с покупками по центральной улице, мимо лавки мясника, где часто покупали вкусные обрезки для Петульки, мимо фотомагазина, мимо булочной. Через несколько минут багажник был загружен. Рокки повез пустую тележку обратно в магазин, собираясь по пути заглянуть в скобяную лавку — купить шурупов.

Молли открыла переднюю дверцу машины, уселась на пассажирское сиденье и плотнее запахнула джинсовую куртку. От нечего делать она принялась выщипывать поролон, вылезавший кое-где из швов белой виниловой обивки, и задумалась о том, как провести остаток выходных.

Можно помочь Рокки собирать коляску или пойти на ипподром и попросить урок верховой езды.

Наверное, ребята захотят сходить в брайерсвилльский бассейн поплавать. Но ни одна из этих идей не вдохновляла Молли — на самом деле в глубине души ей больше всего хотелось заняться гипнозом. Это желание сжигало ее уже несколько месяцев. Но нельзя. Она обещала Рокки, что больше никогда не будет никого гипнотизировать. Молли понимала, для чего нужно это обещание, она была согласна с Рокки в том, что гипноз — оружие опасное и рано или поздно непременно навлечет на них беду. К тому же было бы просто нечестно применять это мастерство себе на пользу. Рокки умел гипнотизировать голосом. Он тоже научился этому из книги доктора Логана. Молли так толком и не освоила голосовой гипноз — когда книга попала к ней, страницы о нем были оттуда вырваны. Но сила ее гипнотических глаз далеко превосходила возможности голоса Рокки. Гипнотизм изменил ее жизнь, и не только потому, что с его помощью она многого достигла; самое главное — она в первый раз почувствовала, как это здорово, когда у тебя что-нибудь получается. Вот этого-то ощущения ей и не хватало. Она по нему ужасно скучала. Без гипнотизма жизнь стала неинтересной. Проклятое обещание связывало ее по рукам и ногам.

С самого Рождества ее беспокоило еще одно обстоятельство. Куда подевалась женщина, благодаря которой Молли отыскала и прочитала книгу по гипнотизму? Эта таинственная дама по имени Люси Логан работала в брайерсвилльской библиотеке и была правнучкой знаменитого автора книги. Люси загипнотизировала Молли, чтобы та нашла книгу в

библиотеке, усвоила уроки из нее и затем, после множества приключений, вернула ее на место. Молли считала Люси великолепным человеком, самым замечательным из взрослых. Она была очень благодарна ей и хотела бы подружиться. Но теперь Люси Логан исчезла. Она уволилась из библиотеки и куда-то уехала.

Тусклое мартовское солнце играло на поверхности холодной речной воды, среди желтоватых бликов плавала грязная белая утка с селезнем. Молли долго смотрела на них, стараясь отвлечься от гипнотизма и от исчезновения Люси. Ей стало интересно, где же у них гнездо, а потом мысли ни с того ни с сего вдруг перескочили с уток на совсем другие вещи. Наверное, зерно этих новых размышлений попало к ней в голову, когда нищенка назвала ее «дитя мое». Молли невольно поймала себя на том, что в тысячный раз спрашивает себя, кто же ее родители.

Этот вопрос, словно назойливый комар, время от времени пытался проникнуть в ее жизнь. Когда он кусал особенно больно, нельзя было не почесаться.

Если настроение было хорошим, Молли воображала своих родителей интересными веселыми людьми, которые по каким-то неведомым, не зависящим от них причинам потеряли своего ребенка. А когда настроение было паршивым, родители представлялись ей отъявленными негодяями, которые хотели утопить свою дочь, как никчемного котенка. Но в любом настроении мысли о родителях приносили одно огорчение. Потому что девочка понимала: как ни старайся вообразить папу с мамой, их все равно не найти. И не узнать, кто они такие.

Молли закрыла глаза и попыталась успокоиться, вытряхнуть из головы непрошенные мысли.

Это у нее получалось очень хорошо: с раннего детства она научилась с головой уходить в мечтания. Размеренно дыша, Молли, как обычно, представила, что взлетает вверх, из машины миссис Тринкелбери, поднимается вдоль реки Брайер выше холмов, прямо к высокой горе. Молли парила как птица. Почувствовав далеко внизу невероятную тяжесть земли и древнее спокойствие горных хребтов, она напонила себе, как велик мир и как мелки по сравнению с ним ее заботы и тревоги.

успокоившись, Молли открыла глаза. Потом достала из сумки батон, отломала горбушку, открыла бутылку с кетчупом и выдавила на горбушку несколько капель. Девочка долго и с наслаждением жевала любимый бутерброд и смотрела на реку.

На дальнем берегу реки, за заборами, тянулись сады, среди них стояли домики с террасами. Молли часто думала, как здорово было бы жить в

таком коттедже. Один из садов был больше других. В нем, кажется, стояли два дома. Тут-то Молли и заметила нечто новое.

В этом саду недавно высадили несколько густых зеленых кустов, подстриженных в форме животных и птиц. На верхушке одного куста была выстрижена большая птица с длинным хвостом, рядом — сидящий заяц с длинными ушами. На верхушке тиса восседал большой пес с круглыми пустыми глазами. Казалось, он сторожит дом.

На блестящей листве зеленой собаки играли яркие солнечные блики. Когда лучик света отразился от глянцевого прутика на том месте, где у собаки должна быть пасть, девочке показалось, что причудливый зверь ей улыбнулся.

Молли вспомнила, как замечательно было в первый раз загипнотизировать Петульку, приютского мопсика. Это случилось в ноябре прошлого года. Девочка вздохнула и сунула в рот остатки хлеба с кетчупом. Как трудно сдержать обещание и никого не гипнотизировать! Все равно что не ходить на руках, когда ты этому научился, или подавить порыв подпрыгнуть до небес, если имеешь силы скакать выше деревьев. Молли до смерти хотелось снова испытать то же самое чувство слияния, которое захлестывало ее, когда гипнотическая сила в глазах достигала высшей точки.

Молли заглянула в подмигивающие лиственные глаза зеленого пса, и тут ее осенило. Она дала Рокки обещание не гипнотизировать никого. Но никто не запрещает ей гипнотизировать неодушевленные предметы.

Чувство слияния было необычайно приятным. Молли казалось, что по ее жилам заструились лучи тропического солнца. Ласковый голос в голове звал ее дальше.

«Ну давай же, продолжай, смелее, — говорила она себе. — Это тебя согреет. Загипнотизируй собаку на кусте. Чего ты боишься? Что она перепрыгнет через реку и укусит тебя?» Молли впиалась глазами в куст. Загипнотизировать растение? Но кусты не поддаются гипнозу.

«Вот именно, — звучал голос в голове. — Но тебе от этого станет лучше».

Поэтому, опустив окно, Молли устремила только ей доступный взгляд на кустовую собаку. Перед глазами поднялась теплая волна, и весь мир, кроме зеленого пса, стал расплывчатым. Потом она попыталась найти внутри себя ощущения куста и прутиков, и чем дольше она смотрела на куст, тем сильнее притягивали ее подстриженные листья, тем дальше уплывали будничные городские звуки.

У Молли душа была не на месте. Если Рокки узнает, чем она

занимается, он ее не похвалит. Надо закончить поскорее, пока он не вернулся. Она ждала, что внутри тела вот-вот начнет медленно подниматься чувство слияния. Сначала ничего не происходило. Потом появились первые признаки: словно далекая, пришедшая извне электрическая искра пробежала по позвоночнику, поднялась в голову, закружилась, запульсировала между глазами. Голова пошла кругом, в ушах зазвенели крохотные колокольчики. По телу пробегали электрические волны.

Но странное дело: ощущение было совсем не таким, как всегда. Жаркие волны, пробегающие по телу, не были похожи на привычное чувство слияния. Чем дольше Молли пересохшими глазами смотрела на собаку, тем сильнее искажалось знакомое ощущение. Вместо теплого покалывания по коже пробежали ледяные иголки, и тело покрылось мурашками. Молли в ужасе ахнула и рывком выдернула себя из транса.

Из-за реки слышались резкие щелчки, и Молли заметила пару садовых ножниц, подравнивавших клюв большой птицы на вершине куста. Садовника не было видно, но, кем бы он ни был, неведомые хозяева явно стремились поддерживать живую изгородь в порядке, обуздывать буйную поросль причудливых зверей, украшавших кусты тиса и бирючины.

В боковое зеркальце Молли увидела миссис Тринкелбери. Проворная толстушка в вязаном пальто тащила к машине полные сумки шерсти. Гипнотические эксперименты придется отложить.

Когда миссис Тринкелбери подошла поближе, Молли увидела, что старушка крайне взволнована.

— Т-т-только послушай, к-к-какая ужасная новость, — сообщила она, протянув Молли газету.

Поперек всей страницы тянулся кричащий заголовок:

«Девочка-звезда исчезла!»

Внизу была помещена фотография юной актрисы и певицы Дивины Наттель в костюме астронавта, созданном специально для роли в мюзикле «Звезды на Марсе».

«Дивина Наттель исчезла на пороге своего дома в Манхэттене. На месте происшествия найдена соболья перчатка. Нью-йоркская полиция считает, что имело место похищение».

Миссис Тринкелбери была вне себя от волнения. — Б-б-бедная девочка. Б-б-бедные родители. Нет, Молли, ты м-м-можешь себе

представить?

Молли могла. С легкостью. Ей довелось столкнуться с похищением, когда Нокман в Нью-Йорке украл ее любимую собачку Петульку — это было ужасно.

К тому же Молли приходилось встречаться со знаменитой Дивиной Наттель, так что новость для нее была вдвойне ошеломляющей. Хотя Молли и не любила Дивину, но все же теперь искренне встревожилась за нее.

— Какой ужас! — ахнула Молли.

— В-в-видишь, и у знаменитостей жизнь б-б-бы-вает нелегка, — наставительно произнесла миссис Тринкелбери и, прищелкивая языком, как зяблик, запечатлела на лбу Молли пахнущий пирожными поцелуй. — Что-то я проголодалась. А ты? Н-н-иаде-юсь, мистер Н. готовит нам обед. Смотри-ка, я взяла нам на сегодня кассету. Фильм с Глорией Сердсенс. Т-т-той самой, которую в п-п-прошлом году избрали лучшей актрисой. Она чудесна Отвлечемся от м-м-мы-слей о Дивине.

* * *

По пути домой миссис Тринкелбери, чтобы приободриться, подпевала песням на радио. Ей страшно нравился этот мальчик, юная поп-звездочка Билли Боб Бимбл, и она обожала его хит «Сорока».

*«Не отдавай свое сердце, — заливалась она. —
Он хочет его украсть.
Украсть твое сердце, о-о-о,
Не отдавай свое сердце,
Он, как сорока,
Хочет его украсть, о-о-о,
Как сорока,
Хочет украсть звезды с неба,
Солнце и луну,
И тебя, о-о-о.
Как сорока».*

Через двадцать минут они доехали до Счастливого Приюта. Фасад скрывался за перекрестьями строительных лесов. Половина здания

сверкала безупречной белизной, другая половина еще оставалась ветхой, серой, обшарпанной. Миссис Тринкелбери понесла сумки с шерстью к парадной двери.

Навстречу ей, как черная ракета, выскочила Петулька. Виляя коротким кривым хвостиком, собачка вскочила к Молли на ноги и в виде подарка опустила девочке на коленку камушек. Потом развернулась, пронеслась по гравиевой дорожке и выскочила из дома еще раз, сжимая в зубах письмо.

— Спасибо, Петулька, — поблагодарила ее Молли, взяла из собачьей пасти замусоленный конверт и всмотрелась в адрес.

Когда-то на нем аккуратными зелеными буквами было выведено имя Молли, но теперь почти все буквы размазались, и можно было разобрать лишь «Мо/// //н». И адрес тоже был слизан. Видимо, Петулька долго присматривала за конвертом.

— Молли, помоги мне дотащить сумки, — окликнул подругу Рокки. — Такие тяжелые, все пальцы изрезал.

Молли сунула конверт в карман и взяла у Рокки сумки. Вот почему она не сразу прочитала письмо.

Глава четвертая

Всю жизнь Моллин дом был развалюхой. Но недавно в этой развалюхе был произведен капитальный ремонт. Теперь Счастливый Приют изнутри полностью преобразился. Например, обшитая дубовыми панелями гостиная, холодная и продуваемая сквозняками, где много лет располагался зал для собраний, стала гораздо уютнее: в ней постелили новые ковры, повесили картины. Вдоль стен поставили удобные кресла, диваны, столы с книгами. Для обогрева в уголке целыми днями весело пылал камин. Заново отполированные стены пахли пчелиным воском, в вазах розовели цветущие яблоневые ветки, собранные в диком саду неподалеку от деревни Хардвик. В одном углу поставили теннисный стол, в другом — батут.

В кресле возле камина сидела семилетняя Джемма и читала детектив. В стеклах ее очков отражались пляшущие языки пламени. Как только Молли опустила сумки на пол, в прихожей раздался громкий стук.

— Сколько? — пропыхтел Джерри, распахивая дверь велосипедным колесом, Джемма посмотрела на часы.

— Пять минут десять секунд. На этот раз хуже.

— Это потому, что меня занесло, когда я ехал через лужу.

В столовой зазвенел колокольчик

— После обеда попробуешь еще раз, — сказала Джемма — Когда подзарядишься энергией.

За стойкой посреди столовой стоял мистер Нокман. От кастрюль с горячими овощами, сосисками и картошкой поднимался пар, и в его клубах лицо повара лоснилось от пота. Он выглядел в десять раз лучше, чем в те дни, когда Молли впервые встретила его. Лицо заметно похудело, приобрело здоровый цвет, на нем обрисовались скулы. Белки глаз стали в самом деле белыми, а не желтыми и не налитыми кровью, лысина сверкала чистотой.

Сегодня на нем были мешковатые серые фланелевые брюки и синяя куртка на молнии с широкой красной полосой вдоль спины. На плече восседал его любимый волнистый попугайчик Цыпа Тика. Попугайчик весело посвистывал и время от времени скакал по плечу, чтобы дружески клюнуть хозяина в ухо. Ребята разобрали тарелки с едой и расселись за столы.

Загипнотизировав прежнего, плохого Нокмана, Молли обнаружила, что единственным существом, которое он любил, был попугайчик по имени

Пушок. Тот попугайчик умер. Чтобы помочь Нокману свернуть с преступного пути, Молли назначила ему специальное лечение — попугаетерапию — и пришла к выводу, что она дает неплохие результаты. Каждый раз, когда Нокман поступал обдуманно, делал что-нибудь по-настоящему доброе, Молли разрешала ему купить нового попугайчика. Правда, девочку немного тревожило, что вскоре дом может переполниться птицами, потому что теперь Нокман совершал удивительно добрые поступки почти каждый день. С Рождества он заработал уже двадцать птичек. Через шесть месяцев их количество возрастет до двух сотен. Но к тому времени гипнотические внушения Молли развеются, и, надеялась девочка, Нокман и сам научится вести себя хорошо.

Теперешний Нокман неизменно лучился улыбкой. И прямо сказать — он никогда в жизни не был так счастлив. Бывший преступник положил на тарелку миссис Тринкелбери три идеально сваренные сосиски, специально припасенные для нее.

— Не шелаете ли фасоли, торогая моя? — спросил он со странным немецким акцентом, который под гипнозом внушила ему Молли.

— О, б-б-благодарю вас, Саймон, — ответила почтенная дама и свернула для него из салфетки бумажную птичку.

* * *

После обеда все собрались в маленькой телевизионной комнате. Миссис Тринкелбери села в кресло, остальные пристроились вокруг, кто на мешке с фасолью, кто прямо на полу.

Нокман потряс старенький видеоманитофон, чтобы вернуть его к жизни, миссис Тринкелбери вставила кассету, и начался ее любимый фильм — «Летние вздохи».

* * *

Если не считать короткого перерыва, когда Джерри ловил мышек, сбежавших из кармана, больше двух часов все не отрываясь смотрели фильм. Когда закончилась последняя сцена и Глория Сердсенс бросилась с обрыва в море, миссис Тринкелбери заплакала, и Молли сунула руку в карман за носовым платком.

Ее пальцы наткнулись на письмо, принесенное Петулькой. Молли

незаметно выскользнула из комнаты, чтобы прочитать его. Петулька не отходила от нее. Они поднялись на верхнюю ступеньку лестницы и сели.

Молли разорвала конверт. Внутри оказалась слегка пожеванная открытка с обратным адресом:

*Брайерсвилль
Луговая улица, 14.*

Далее зелеными чернилами шел текст, при виде которого сердце Молли затрепетало — взволнованно и в то же время с облегчением.

*Пятница
Дорогая Молли!*

Прости, что не давала о себе знать раньше, но я попала в аварию и лежала в больнице. Не волнуйся, со мной все в порядке, хотя поначалу было туговато.

Сейчас я снова дома и хотела бы повидаться с тобой. Расскажу тебе все новости, но больше всего мне не терпится услышать рассказ о твоих приключениях с гипнотизмом.

Кроме того, мне нужно сообщить тебе кое-что очень важное.

Заходи на чай в воскресенье, часа в четыре.

Надеюсь тебя увидеть. Думаю, ты будешь... очень пунктуальна.

*С наилучшими пожеланиями,
Люси Логан.*

— Ух ты! Вот это да! Подумать только, Петулька! — радостно воскликнула Молли, обнимая собачку. Она была очень довольна. Наконец-то она снова увидится с Люси Логан! Молли ждала и не могла дождаться этой встречи. Она не раз задумывалась, почему Люси уволилась из библиотеки и почему так давно не сообщала девочке о себе. Но, наверное, она все это время была в больнице. Молли надеялась, что библиотекарь не слишком сильно пострадала в аварии.

Молли вспомнила, как накануне прошлого Рождества она, будто снежинка, гонимая ветром, пришла в библиотеку, чтобы вернуть таинственную книгу по гипнотизму. Люси загипнотизировала Молли, внушив ей поступить именно так, и пробудила ее от гипнотического забытья словами «очень пунктуальна». Прочитав те же слова в письме,

Молли улыбнулась.

Интересно, чего хочет от нее Люси? Ей самой не терпелось поблагодарить библиотекаршу, рассказать ей о Нью-Йорке, поговорить о гипнотизме. Была и еще одна причина, очень серьезная.

Молли готова была лезть на стенку оттого, что приходилось соблюдать данное Рокки обещание и воздерживаться от гипноза. При мысли о том, что она никогда больше не сможет пустить в ход заложенную в ней силу, Молли чувствовала себя обделенной, как будто внутри у нее умерла очень важная частичка души.

Когда-то Люси говорила Молли, что пускает в ход гипнотизм для того, чтобы делать людям добро. Перед тем как уехать из Нью-Йорка, Молли и Рокки тоже совершили доброе дело с помощью гипноза. Они записали гипнотический телевизионный ролик «Посмотри на ребят, что живут по соседству». Они надеялись, что этим заставят людей уделять больше внимания детям, которые живут рядом с ними. Телекомпания обещала показывать этот ролик много раз, так что он, несомненно, принесет хоть немного добра. Молли хотела, чтобы Люси поговорила с Рокки, сказала ему, что щедрый, бескорыстный гипнотизм идет людям только на пользу. Тогда он, может быть, согласится снять запрет. Девочке хотелось объяснить все это Люси так, чтобы Рокки не слышал.

Поэтому Молли решила идти в дом 14 по Луговой улице одна.

Глава пятая

Воскресное утро выдалось таким солнечным и ярким, что глянцевые листья на деревьях возле Моллиного окна блестели, будто мокрые. Молли полной грудью вдохнула холодный воздух и зажмурилась от восторга. Сегодня она идет на чай к Люси Логан!

Два дрозда уселись на колючий куст с красными ягодами и принялись их клевать. Глядя на них, Молли заметила тощую фигуру Роджера Фиббина — он копался в палой листве и сухих ветках под старым дубом. Крючковатый нос и резкие, порывистые движения делали его похожим на странную длинноногую птицу, выискивающую червяков. Наверно, он искал волшебную дверь в далекую страну.

Роджер немного повредился в уме. Он жил в пугающем выдуманном мире, где листья и камни нашептывали ему что-то. Он бродил по городу, выслушивая секретные сообщения, и складывал из бумаги самолетики с записками внутри. В них, например, говорилось: «Скорее пришлите подмогу! Инопланетяне пожирают мой разум!» Или: «Осторожно! Мозговые сороконожки уже здесь!» Или: «Не судите о себе по внешнему виду».

Он раскидывал эти записки по всему Брайерсвиллю — опускал в почтовые ящики, бросал через заборы в сад, засовывал в машины, оставлял в магазинах. Однажды он умудрился проникнуть в кинотеатр через запасный выход и запустить в зрительный зал полсотни своих самолетиков.

Молли задумывалась, не подцепил ли он какую-нибудь мозговую инфекцию, когда, по развившейся у него странной привычке, ел отбросы из брайерсвилльских мусорных баков. Но врач сказал, что Роджеру нужен только покой, хорошее питание и добрая атмосфера,

Молли открыла окно и крикнула:

— Роджер, все в порядке?

Роджер бросил встревоженный взгляд через плечо, проверяя, не подслушивают ли его.

— Да, сегодня они до меня не доберутся.

— Не хочешь ли покататься на велосипеде?

— Не могу, Молли. Слишком много дел. Как-нибудь в другой раз.

— Ладно, когда захочешь — скажи. Думаю, тебе понравится.

Она закрыла окно и покачала головой. Поправится ли Роджер когда-нибудь?

Утро сменилось солнечным днем.

Как весело было ехать на велосипеде в Брайерсвилль! Путь лежал вниз под горку, по свежему воздуху, под синим небом. Вдоль обочины проклевывались тонкие зеленые ростки, цвели крокусы и нарциссы. Под теплым ветерком покачивали ветвями цветущие яблони. Другие деревья после зимы еще стояли голыми, замерзшими, но кончики веток, там, где вот-вот готовы были распуститься молодые листья, налились темно-розовыми почками.

Дорога петляла среди полей, на которых паслись коровы. Молли проехала через деревню Хардвик, покатила мимо Брайерсвилльской начальной школы, где по случаю воскресного дня было пусто и тихо, и въехала в город. Городская ратуша с высокой зеленой крышей стояла закрытая, на широкой улице возле нее не было ни души.

Луговая оказалась узкой мощеной улочкой, она пересекала реку по мосту и дальше сворачивала направо. Дом номер четырнадцать, симпатичный особняк с окнами-фонариками, стоял среди таких же старинных зданий. Молли прислонила велосипед к стене, ухватила за дверной молоток в виде львиной лапы и дважды постучала. Потом расстегнула куртку, посмотрела на футболку и обнаружила, что за обедом заляпала ее соусом. Девочка попыталась слизать остатки подливы, но в этот миг дверь медленно приоткрылась. Молли поспешно выплюнула край футболки.

Ее глазам предстало кошмарное зрелище. Перед ней стоял персонаж из фильма ужасов, однако одетый в аккуратную плиссированную юбку, белую рубашку с воротничком и гладкий синий кардиган, когда-то принадлежавший Люси Логан. Голова была плотно обмотана широкими бинтами, из-под них виднелись только волосы на затылке, уложенные в элегантный пучок. Молли видела знакомые голубые глаза Люси Логан да ее рот, но в остальном все лицо скрывалось под белыми повязками.

Люси стояла, опираясь на костыли. Левая нога была обута в шлепанец, а правая сверху донизу закована в гипс. Из самого кончика гипсовой трубы выглядывали только пальцы с аккуратно покрашенными розовыми ногтями.

Молли изумленно таращилась, не зная, что сказать.

— А, Молли, здравствуй. Прости. Тебя, наверно, пугает мой вид.

Девочка кивнула и с трудом выдавила:

— Что с вами? Что случилось?

Люси высунулась на улицу и настороженно огляделась по сторонам. Потом втащила Молли в дом.

— Я тебе все расскажу, только входи скорее — у меня ноги замерзли.

Молли очутилась в небольшом холле. На полукруглом столе из вишневого дерева тихо тикали каминные часы. Напротив на стене покачивали маятником небольшие старинные ходики. Люси взяла у Молли куртку и повесила ее на спинку кресла. Повеяло запахом поджаренного хлеба, Молли стояла в недоумении, не понимая, почему хозяйка дома только что озиралась с такой подозрительностью.

— Пойдем на кухню, там теплее, — пригласила Люси и, неуклюже ковыляя на костылях, повела девочку мимо узкой лестницы в безукоризненно прибранную кухню. Здесь царила такая чистота, что Молли с неприятным чувством вспомнила о своем пятне на футболке и укорила себя за то, что не переделалась.

Люси усадила Молли на скамью в форме полумесяца, стоявшую в оконной нише.

— Чаю хочешь?

— Гм, лучше горячего апельсинового сока, если у вас есть. — Молли не посмела признаться, что с гораздо большим удовольствием выпила бы концентрированного сока. Она не хотела, чтобы Люси сочла ее чокнутой.

— Хорошо, — ответила Люси и поставила чайник на плиту.

Молли сидела на скамейке, зажав ладони между колен, и старалась не смотреть на забинтованную голову Люси и закованную в гипс ногу. Что же это за кошмарная авария? Девочка не находила подходящих слов. И ладони тотчас же вспотели — так бывало всегда, когда она нервничала. Люси первой нарушила молчание.

— Молли, прости, что я так долго не давала о себе знать. Ты, наверное, решила, что я про тебя забыла. Так вот, я исчезла по двум причинам. Во-первых, в мою жизнь вошло нечто очень серьезное, и я никому не могла рассказать об этом. А затем я попала в аварию. Мой автомобиль загорелся. Лицо страшно обожжено. Я до сих пор не могу есть как следует — приходится сосать суп через соломинку и жевать печенье, которое тает во рту. Горло повреждено дымом. Голос, как слышишь, тоже изменился.

Он, наверное, навсегда останется таким хриплым, и я при пении никогда больше не смогу взять высоких нот. Врачи говорят, что у меня на лице до конца жизни останутся шрамы, а волосы кое-где так и не вырастут. Но, — Люси грустно улыбнулась, — мне повезло хотя бы в том, что я жива, и теперь я стала относиться к жизни гораздо серьезнее.

От ужаса Молли не могла произнести ни слова и только неловко молчала. В последние месяцы она обижалась на Люси за то, что та забыла о ней. Ей и в голову не приходило, что с библиотекаршей могло случиться такое жуткое происшествие. Теперь Молли стыдилась своего бездушия.

— Не беспокойтесь из-за меня, — торопливо проговорила она. — То есть я и вправду задумывалась, куда вы исчезли, но у меня было столько хлопот в приюте — ремонт, отделка, куча всего другого. И все это случилось только благодаря вам, Люси. Теперь у нас стало гораздо уютнее. Все довольны. И в школе стало лучше, потому что миссис Жаббс ушла. Ну, точнее говоря, ее уволили.

— Я слышала, ее выгнали из-за того, что она говорила всем и каждому, какая она ужасная учительница, — откликнулась Люси.

— Она и впрямь была ужасная, — подтвердила Молли, надеясь, что Люси не осудит ее за то, что она под гипнозом вынудила сварливую миссис Жаббс говорить о себе гадости. — Но с тех пор я прекратила заниматься гипнозом. Почти с самого Рождества, с той минуты, когда я сошла с самолета, я ни разу никого не загипнотизировала. — Она надеялась, что Люси похвалит ее за такую самоотверженность, но библиотекарь окинула ее пристальным взглядом.

— Прекратила заниматься гипнозом? Почему? Разве тебе ничего не нужно? — Эти вопросы застали Молли врасплох.

— Я... гм... я об этом не задумывалась. Просто я пообещала Рокки, что никогда больше не буду гипнотизировать.

— Ну и ну. — Люси надолго замолчала. Потом сказала: — Бери свой сок и это печенье. Пойдем в гостиную. — И заковыляла к другой двери Молли последовала за ней, вошла в гостиную и на миг даже забыла о Люси и ее повязках — так ошеломило ее великолепие комнаты. Это был настоящий храм гипнотизма.

Посередине стоял стол, на крышке которого был медью инкрустирован узор в виде спирали. Молли взглянула на рисунок. Примерно такая же спираль украшала маятник, который когда-то был у нее. Казалось, медные витки притягивают ее взгляд к точке в самом центре стола. На девочку нахлынула приятная расслабленность. Она тотчас же отвела глаза.

— Этот столик — гипнотический?

— Не исключено, — ответила Люси.

— В этот раз я буду следить за вами, Молли. — Помните, как легко вы меня загипнотизировали в библиотеке в прошлом году?

— Ну, как я уже говорила, мне хотелось, чтобы ты нашла книгу, — сказала Люси. — Не волнуйся, больше мне нет нужды тебя гипнотизировать.

— Все равно я теперь настороже, меня уже не удастся так легко застать врасплох, — ответила Молли, проводя пальцами по завиткам медной спирали. — Я так думаю.

Молли и впрямь насторожилась. Вся обстановка этой комнаты напоминала ей о немыслимой силе

гипнотизма Над камином, в котором весело полыхал огонь, висел портрет викторианского джентльмена с бакенбардами, в черном фраке и цилиндре. Из верхнего кармана жилетки свисала золотая цепочка, на конце которой блестели карманные часы. Молли тотчас же узнала старика, изображенного в книге о гипнотизме.

— Да, это и есть великий доктор Логан, — подтвердила Люси, усаживаясь в кресло. — А все вещи, какие ты здесь видишь, когда-то принадлежали ему и передаются из поколения в поколение. Например, этот стол. А в шкафу у тебя за спиной лежат те самые часы, которые он держит на этом портрете. Он использовал их в качестве маятника. Объездил с выступлениями всю Америку, демонстрировал возможности гипноза. Так он и разбогател. У меня есть множество фотографий с его концертов. А вот его коллекция миниатюрных часов. Взгляни.

Молли подошла к шкафу. Он был полон коричневатых фотографий в серебряных рамках. На них были люди в пышных викторианских нарядах. На фотографии доктор Логан театрально позировал на сцене возле очень странной фигуры. Женщина совершенно прямо лежала на спинках двух стульев — голова на одном, ноги на другом. Тело ее ничем не поддерживалось. Длинное платье было подвязано, как сложенный зонтик, чтобы не свисало до пола. Спина женщины была твердой, как доска. Молли знала — это известный гипнотический трюк. Другая фотография с подписью «Брайерсвилль-Парк» изображала огромный дом с высокими колоннами возле парадной двери и с роскошным крыльцом, выходящим на гравийную дорожку.

Молли осмотрела золотые карманные часы, затем — маленькие каретные часики. На стене возле шкафа висело еще трое часов: одни круглые, другие — в форме маяка, третьи — похожие на кубок. И все они показывали точное время.

— Никогда не видела в одном доме столько часов, — сказала Молли.

— Ну, ты никогда не бывала в гостях у коллекционера, — ответила Люси. — Часы напоминают мне, что жизнь коротка и нельзя терять время понапрасну.

Молли задумалась об этом и выглянула из окна гостиной. Тут-то она и заметила животных, выстриженных из кустов. Оказывается, они росли именно в саду у Люси.

— Ух ты! А я как раз вчера разглядывала ваших зверей на кустах, — воскликнула Молли. — Вот уж не знала, что они ваши. Они у вас недавно?

Я часто смотрела на реку со стоянки у магазина и никогда их не видела

— Да, они здесь недавно. Я купила взрослые кусты и сама их подстригла.

— Мне понравился пес с большими глазами, — поделилась Молли. Люси засмеялась.

— Я пыталась сделать лемура. Пожалуй, нужно поучиться на курсах по стрижке деревьев. — Она

взяла печенье. — Угощайся, Молли. Мне-то уже хватит есть. После аварии я набрала лишний вес. Поедаю печенье килограммами. — Она пошевелилась, как будто юбка была ей тесновата, и немного расстегнула молнию. — Эти кусты здесь посажены не просто так, — добавила она. — А для того, чтобы никто не заглядывал в окна.

И снова Люси встревоженно огляделась по сторонам, как будто чего-то боялась.

— Откуда мне знать, кто на меня смотрит в эту минуту, — прошептала она Помолчала, потом заговорила очень серьезно; — Молли, сегодня мне нужно рассказать тебе очень многое. Но сперва я хочу услышать обо всем, что случилось с тобой после того, как ты прочитала книгу. Мне очень важно это знать. А потом я тебе расскажу, над чем я работаю. Но сначала ты. Мне давно не терпится послушать о твоих приключениях.

— Конечно, — отозвалась Молли. Ей было любопытно узнать, чем же таким таинственным занята Люси, но еще больше хотелось поведать свою историю. И она начала рассказ.

— Это было невероятно. Пожалуй, лучшее время в моей жизни. И одновременно самое худшее...

Люси Логан слушала очень внимательно, но, как показалось Молли, ее не слишком интересовали проделки Молли в Брайерсвилле и Нью-Йорке. Больше всего слушательницу занимало другое: она хотела знать, кого именно Молли загипнотизировала и каким образом. Она расспрашивала Молли, как той удалось завоевать симпатии зрителей на брайерсвилльском конкурсе талантов и выиграть его, потом — как она загипнотизировала стюардессу, потом — работников отеля в Нью-Йорке. Ей нужно было в точности знать, как Молли справилась со своим агентом Барри Хватом, а еще — как она подчинила своей воле полный зрительный зал на спектакле «Звезды на Марсе». Она расспрашивала о каждой детали тех методов, с помощью которых Молли и Рокки ограбили Шорингс-банк, когда Нокман шантажом вынудил их это сделать. Вопросы были очень дотошными, словно Люси экзаменовала девочку.

— Значит, — сказала она наконец, — ты вернула все деньги и

драгоценности обратно в банк. На редкость честный поступок. Мало кто способен на такое.

Молли ничего не ответила. Ее пальцы машинально потянулись к бриллианту, висевшему на шее. Она решила пока не говорить о нем. Не хотелось услышать от Люси неодобрительные слова.

— Люси, — сказала она вместо этого, вытирая губы рукавом. — А вы? Теперь ваша очередь рассказывать о гипнотических приключениях.

— Конечно, расскажу, — ответила Люси и взяла еще одно печенье. — Но не сейчас — Голубые глаза смотрели на Молли из-за бинтов, словно из белой рамы. Голос был очень серьезный. — Молли, сейчас нет времени на мои похождения. У меня есть дело, из-за которого я и оставила работу в библиотеке. И дело очень тяжелое. Вот почему я не звонила тебе. Не хотела втягивать тебя в это, подвергать опасности. Но тебе пришлось время узнать, что происходит на свете. — Люси глубоко вздохнула, — Ты думала, что идешь ко мне на чай отдохнуть, весело поболтать, но я пригласила тебя для того, чтобы поручить тебе дело. Очень, очень важное. Мне ужасно жаль, но другого выхода нет. Время на исходе.

Молли сглотнула подступивший к горлу комок. Ей было совсем не по вкусу, что приятный визит обращается в нечто рискованное.

Люси встала.

— Пойдем со мной.

Молли вышла вслед за женщиной из гостиной, прошла по коридору, увешанному еще полудюжиной часов. Длинная каменная лестница вела в подвал. Люси медленно ковыляла по ступенькам.

Внизу оказалась дверь с четырьмя замками: двумя кодовыми и двумя обычными, для ключей. Молли стало страшно: какие секреты приходится скрывать за такой дверью?

— Там хранятся тайны, — сказала Люси, — которые нужно прятать от посторонних глаз. И эти тайны тебя интересуют. Входи.

Глава шестая

Комната в подвале оказалась совсем не такой, в какой рассчитывала оказаться Молли. В доме библиотечарши она ожидала увидеть длинные ряды полок со старыми книгами и шкафы с каталожными карточками, а очутилась в ультрасовременном зале, обставленном по последнему слову техники, с металлическими стеллажами вдоль стен. На дальней стене темнел плазменный экран. Встроенные в потолок лампы освещали серый ковер и бросали отблески на полированный стол в центре зала. На столе лежала белая клавиатура, компьютерная мышка на бархатном коврикe и стояли два миниатюрных деревца-бонсай. Под экраном располагалась стеклянная витрина. В ней были выставлены шесть пар крохотных разноцветных туфельек.

— Это старинные китайские туфельки-лотосы, — пояснила Люси, заметив интерес в глазах Молли. — Некоторые из них относятся к эпохе династии Тан, около 900 года нашей эры. В те времена девочкам очень туго бинтовали ноги, чтобы они не выросли большими, а потом надевали такие туфельки. Красивые, правда?

— Вы в своих, приключениях добирались до Китая? — спросила Молли. Странные маленькие туфельки разбудили в ней тревогу.

— Нет. — Люси опустилась во вращающееся хромированное кресло и жестом пригласила Молли сесть в соседнее. Потом повернулась к компьютеру. С большого стеллажа, полного аппаратуры, донеслось тихое журчание, и на огромном настенном экране появилось меню, содержащее множество файлов.

— Молли, — очень серьезно произнесла Люси. — Я уволилась из библиотеки, потому что год назад обнаружила кое-что удивительное. И все последние месяцы я была занята исследованиями этого явления. В мире происходит нечто очень страшное. И это касается и тебя, и меня — всех.

Молли твердо знала: чем бы ни был этот таинственный кошмар, она не желает иметь с ним никаких дел. Она вытерла вспотевшие руки о джинсы, а Люси дважды щелкнула мышкой по названию одного из файлов, обозначенного «ЛИА». На экране появилась первая страница из газеты «Лос-Анджелес Тайме». Заголовок гласил; «Похищена девочка-звезда Дивина Наттель». С фотографии улыбалось знакомое лицо юной артистки, прижимавшей к груди щенка.

— Думаю, ты об этом слышала, — сказала Люси. — Полиция не

может найти никаких следов. Несчастливая девочка как сквозь землю провалилась.

— Бедная Дивина, — проговорила Молли. — Пусть она не слишком хороший человек, но надеюсь, с ней все в порядке.

— Полагаю, что далеко не все, — возразила Люси. — Кроме того, подозреваю, что полиция будет не слишком усердно расследовать это исчезновение. Мне кажется, Дивину похитил человек, обладающий огромным влиянием на полицию, поэтому, скорее всего, его никогда не поймают.

— Кто этот человек? — спросила Молли. — Откуда вы знаете?

— Сначала я хочу тебе кое-что показать, а потом уже расскажу, кто он, по-моему, такой.

На экране вспыхнула череда картинок. Как ни странно, все они были выдержками из рекламы. Сначала появился красный спортивный автомобиль «Праймоспид», потом зеленая газонокосилка «Стриж», потом — компьютер «Компьюклетс», шоколадное мороженое «Небо». Перед глазами Молли мелькали десятки разных предметов, не имевших между собой ничего общего. Многие из них были ей знакомы. Сине-серебристая чернильная ручка «Вдохновение», складной нож «Трик-трак», платье в горошек из линии «Домашняя Мода», банка супа «Морячка», пакет медовых пшеничных хлопьев, рулон туалетной бумаги «Шелест», баночка крема «Свежий Взгляд», йогурт «Витавелл» и бутылочка моющего средства «Веселые Пузырьки». Молли не понимала, какое отношение имеют эти повседневные вещи к ужасному похищению Дивины Наттель.

Люси неожиданно спросила:

— Молли, как ты выбираешь, что купить?

— Я знаю, чего хочу, — неуверенно ответила девочка, не понимая, такого ли объяснения от нее ждут. На экране, словно желая помочь, запрыгала банка «кьюта».

— Но откуда ты знаешь, чего хочешь? — продолжала спрашивать Люси. — На свете столько чудесных вещей. Например, взгляни-ка на эти конфеты. — Люси щелкнула мышкой, и по экрану поплыли конфеты десятка сортов. Жвачка «Зубастик», ириски «Ку-ку», батончики «Небо». — Откуда ты знаешь, какие конфеты покупать?

— Ну, я же знаю, какие мне нравятся.

— Да, но прежде чем ты впервые попробовала эти конфеты и поняла, какие из них тебе нравятся, как ты решила выбрать их?

— Потому что я о них слышала.

— От кого?

— От друзей.

— И?

— И из рекламы.

— Вот именно, — произнесла Люси.

Молли задумалась, куда она клонит. Она не считала, что реклама — это хорошо. Когда-то ей казалось, что напиток «кьют» способен изменить ее жизнь, потому что у него была сказочная, блестящая реклама. А на самом деле он вызывал только отрывку. Неужели вся реклама нужна лишь для промывания мозгов?

— Я рада, что ты понимаешь, что реклама способна заставить людей покупать вещи, — продолжала Люси. — Теперь всмотрись внимательно в эти лица.

На экране поплыли портреты знаменитостей, и Молли узнавала почти всех. Были там кинозвезды, певцы, другие известные личности. Глория Сердсенс — «королева Голливуда», юная звездочка Сьюли Шампань, мальчик-певец Билли Боб Бимбл, Геркулес Стоун, Космо Ас, боксер Кинг Лосе, каратист Тони Вам.

— Скажи, — спросила Люси, оставив на экране фотографию рыжеволосой женщины с большими карими глазами. — Знаешь ли ты, чем это дама любит подкрепиться после занятий гимнастикой?

Вопрос был странный, но внезапно Молли поняла, что прекрасно знает, чем питается Стефани Гулляш, знаменитая певица. На прошлой неделе Гизела заказала купить ей именно эти хрустящие батончики.

— «Тонкие Звонкие», — ответила Молли, чувствуя себя, как на телевикторине.

— Совершенно верно, — кивнула Люси. — А этот киногерой, Геркулес Стоун? Каким дезодорантом он пользуется?

— «Дубовая Роща». — Слова слетели у Молли с языка даже раньше, чем она успела обдумать ответ. Крейг целыми днями только и говорил о Геркулесе Стоуне — как он питается, что носит, чем брызгает свои знаменитые подмышки.

— Вот именно, — повторила Люси. — Видишь, эти знаменитости, как и реклама, рассказывают людям о том, что надо покупать.

Молли кивнула.

— Миллионы людей, как и ты, знают эти вещи. Это-то меня и беспокоит.

Молли не понимала, из-за чего Люси тревожится. Может быть, она немного старомодна и считает, что звезды не должны впускать посторонних в свою личную жизнь. Но какое отношение это имеет к

похищению Дивины Наттель?

Люси вызвала на экран подборку видеоклипов. Рекламный ролик, в котором крохотная Стефани Гулляш сидит на гигантском подобии знаменитого батончика. Геркулес Стоун фехтует громадным дезодорантом-карандашом «Дубовая Роща», отбиваясь от целой стаи мелких зеленых страшилищ. Двадцать роликов, рекламирующих все что угодно — от губной помады до стиральных машин и компьютеров. И участвовали в них самые знаменитые деятели шоу-бизнеса, спортсмены, телеведущие Молли узнавала почти всех.

— И вот что самое важное, — добавила Люси. — Все эти товары изготовлены компаниями, принадлежащими одному и тому же человеку. Всякий раз, когда продается одна из этих вещей, он становится богаче.

— Наверно, он очень богат, — заметила Молли.

— Почему так много знаменитостей дружно рекламируют именно его товары? Не слишком ли странное совпадение? — сказала Люси. — Ни один из них не предлагает зрителям ни одного товара других компаний.

— Наверное, он платит им за это кучу денег, — предположила Молли.

— Не думаю, — ответила Люси и внезапно, повернувшись в кресле, заглянула Молли прямо в лицо. — Мне кажется, он их гипнотизирует.

— Что?!

— Молли, ты наверняка понимаешь, какой могучей силой обладает гипнотизм. Знай: в плохих руках он может превратиться в опасное оружие.

Молли медленно кивнула. Ей не хотелось слышать того, что будет сказано дальше.

— Я давно подозревала, — продолжала Люси, — что когда-нибудь найдется человек, который захочет разбогатеть с помощью секретов гипнотизма. Мой прадедушка — а он разбогател, демонстрируя публике свои таланты, — всегда боялся такой ситуации. И он был прав. Гипнотической силой обладают не только хорошие, но и злые люди. И если плохой человек умеет гипнотизировать, то его алчность уничтожит все на своем пути. Этот бизнесмен крайне опасен.

Перед Молли появились, заполнив весь экран, громадная голова и плечи высокого седовласого человека в изысканном костюме и бейсбольной кепке. Он стоял, держа под руки двух знаменитых бейсболистов.

— Ему принадлежат компании, выпускающие кроссовки «Ракета», и батончики «Небо», и «Дубовую Рощу», и «Тонкие Звонкие», и массу других вещей, которые ты сегодня видела на экране. Он мультимиллиардер. Молли, он так богат, что за один день получает

больше денег, чем все жители Брайерсвилля за целый год. Его зовут Праймо Клетс.

На экране появлялись все новые и новые фотографии элегантного загорелого магната. Потрясенная Молли смотрела во все глаза. У Клетса было широкое лицо с крупным носом, квадратный подбородок и большой рот. Все его черты были ничем не примечательны, за исключением глаз. Один глаз был бирюзово-зеленый, другой карий, и вместе они казались странно притягательными, зовущими. В них хотелось смотреть и смотреть, не отрываясь. На одном снимке миллиардер был изображен на сафари с маленьким львенком на руках, на другом он вознесся на тысячу футов в корзине воздушного шара. Множество видеоклипов демонстрировали его в ресторанах, на вечеринках со знаменитостями, которые мелькали на экране полчасом раньше. Сьюли Шампань, Геркулес Стоун, Глория Сердсенс, Стефани Гулляш, Космо Ас.

— Я уверена, Праймо Клетс — гипнотизер, — сказала Люси. — Я тоже умею гипнотизировать, и очень неплохо. Именно потому, что я разбираюсь в этом искусстве, я и заподозрила его некоторое время назад. С тех пор я изучила все, что сумела найти о нем. Из этой комнаты я могу смотреть телепередачи со всего мира. И чем больше я узнавала, тем больше убеждалась в своей правоте. Скажу даже больше. Двадцать лет назад этого человека не знал никто. Смотри.

На следующей фотографии легко было узнать того же самого человека, только намного моложе, в футболке и джинсах, с плакатом «Сделайте вашего питомца вегетарианцем. Покупайте корм для животных „Ласковый Зверек“».

— Его первое начинание окончилось грандиозным провалом.

— Однако идея была неплохая, — добавила Молли, вспомнив, как Петулька любит клубнику.

— Вот, а теперь сравни этого человека с сегодняшним Праймо Клетсом. С каждым днем Клетс становится все богаче и могущественнее. Сейчас этот человек владеет сотнями компаний, и миллионы людей по всему миру покупают его товары. Звезды радостно рекламируют его продукцию — вещи, которые на самом деле им даром не нужны. Посмотри на эту фотографию Геркулеса Стоуна — он моет посуду жидкостью «Веселые Пузырьки». Это не принесет пользы карьере Стоуна. Такой звезде не к лицу работать по дому. Он бы не стал сниматься в этом ролике, если бы его не заставили — то есть не загипнотизировали.

Голова Молли лихорадочно работала. Ей было нелегко разобраться в теориях Люси.

— Может быть, надо было сообщить в полицию?

— Я туда ходила. Глупый поступок. Они, конечно же, сочли меня сумасшедшей. «Что за вздорная болтовня?» — сказали мне. А через неделю я попала в аварию. — При этом воспоминании Люси содрогнулась. — Мне еще повезло, что я сумела выбраться из горящей машины. Если бы не полиция, никакой аварии не произошло бы, я уверена. Праймо Клетс охраняет свои тылы. Человек, обладающий такими секретами, вынужден быть осторожным. У него есть свои люди среди высоких полицейских чинов и здесь, и в Америке. Я не сомневаюсь: если я заговорю опять, произойдет еще один несчастный случай. И тогда уже Клетс позаботится, чтобы я не выжила. С каждым днем ситуация ухудшается. Влияние Клетса распространяется, как плесень. Он властвует над умами людей, как вблизи, так и издалека, и люди об этом не догадываются. А умы людей должны быть свободны, Молли. Больше всего я боюсь, что амбиции Клетса не ограничиваются только богатством. Кое-кто из высокопоставленных лиц поговаривает, что его могут избрать президентом.

— Что? Президентом Соединенных Штатов?

— Совершенно верно. Если бы ты была маниакальной эгоисткой, рвалась к власти и могла заставить людей делать все что угодно, разве не захотела бы ты выйти в президенты? — Молли понимала, что это правда.

— У меня пока еще нет доказательств, что он хочет баллотироваться в президенты в этом году, — продолжала Люси. — Но это вполне возможно. Он способен сделать так, что люди его поддержат, а уж денег на избирательную кампанию ему не занимать.

Вдруг Молли в голову пришла неожиданная мысль.

— Но, Люси, со временем гипнотизм выветривается. Праймо Клетс не может годами держать под контролем тысячи людей. Ему нужно каждый раз заново гипнотизировать всех этих звезд, знаменитостей, полицейских чинов, политиков.

Люси кивнула.

— На первый взгляд кажется, что так оно и есть, но у него под каблуком тысячи людей, и многих из них он подчинил себе не один год назад. Я полагаю, он каким-то образом нашел способ держать людей под гипнозом постоянно. Наверно, открыл новую разновидность гипноза, более сильную, чем наша

Молли нахмурила брови, переваривая эту идею. Новость была путающей. Но Люси еще не закончила.

— Кроме того, я уверена, что за исчезновением Дивины Наттель стоит Праймо Клетс. Мне удалось узнать, что Клетс планирует в этом году

запустить в производство новую линию детской одежды «Домашняя Мода». В газетах несколько раз печатали фотографии того, как он выходит из манхэттенского театра после спектакля «Звезды на Марсе». Наверное, он хотел, чтобы Дивина рекламировала «Домашнюю Моду», точно так же, как и все остальные звезды, которые помогают продавать его товары. Мой инстинкт гипнотизера подсказывает, что у него что-то сорвалось. Может быть, Дивина отвергла его планы. Возможно, разгадала его секрет. Может, как ни странно, она сумела воспротивиться его гипнозу. Как бы то ни было, я полагаю, что он хочет от нее избавиться. Это похищение означает, что стиль преступлений Клетса резко изменился в худшую сторону. Мало того, что он управляет умами людей, он уже начал похищать детей. Это намного хуже. Этот человек закусил удила.

Если вы когда-нибудь катались на американских горках, то вам наверняка знакомо то тошнотворное чувство, которое возникает, когда вагончик медленно вползает на вершину и на миг замирает перед тем, как ринуться вниз. В живете волнами поднимаются самые дурные предчувствия. Интуиция подсказывала Молли, что через мгновение начнется жуткая, стремительная гонка. Ей хотелось закатить глаза и вцепиться в подлокотники так, чтобы пальцы побелели.

Люси коснулась ее плеча, как будто готовя к самому худшему.

— Мы должны выяснить, что это за новый вид гипноза и как он действует. Каким образом Клетс удерживает своих жертв под постоянным контролем.

— Мы? — упавшим голосом переспросила Молли.

— Молли, может быть, ты этого и не осознаешь, но у тебя к гипнозу не просто способности. У тебя необычайный талант. Твои гипнотические упражнения в Нью-Йорке совершенно изумительны. С Праймо Клетсом может состязаться только такой мастер, как ты. Потому что он, без сомнения, виртуозный гипнотизер. Он одним пальцем раздавит любого человека с меньшими способностями. Но ты великолепна. Я никогда ни у кого не встречала таких сил. Молли, ты сумеешь помочь. И, раз это в твоих силах, ты должна помочь. Если ты откажешься, весь мир покатится в тартарары. И подумай о бедняжке Дивине.

Молли вспыхнула. Слова Люси льстили ей, но в то же время она страшно боялась той просьбы, которая, как она понимала, вот-вот будет высказана.

— Чего вы от меня хотите?

— Хочу, чтобы ты поехала в Лос-Анджелес, в Америку, в штаб-квартиру Праймо Клетса. — На экране возникла фотография офисного

здания из синего стекла с пальмами у парадного входа. — Он работает здесь. А это — его дом. — Серый особняк среди раскидистых кедров, окруженный высоким забором, с воротами-металлоискателем у дверей.

— Прежде всего ты должна выяснить, связан ли Праймо Клетс с исчезновением Дивины. А потом разузнай, где она. Помоги ей, если сможешь. Изучи все, что связано с Клетсом. Поговори со звездами, которых он себе подчинил. И сообщи мне — Люси помолчала — Чтобы добыть все необходимые сведения, тебе придется много раз пускаться в ход гипнотизм. Но я не сомневаюсь, ты справишься. Поедешь, Молли?

Молли вспомнила, какой беспросветной была ее жизнь до того, как она нашла книгу о гипнотизме. И как счастлива она сейчас, И этим счастьем она обязана Люси. Как можно отказать ей в помощи? Но потом она подняла глаза на экран, взглянула на неприступные стальные ворота, представила себе, как хрупкая библиотечарша вылезает из горящего автомобиля, и внутренне затрепетала. Ей не хотелось ехать в Америку и иметь дело с этим опасным преступником, но, несмотря ни на что, Молли почувствовала, что кивает.

— Поеду, — ответила девочка. Потом, не удержавшись, выпалила: — А что, если Праймо Клетс загипнотизирует меня?

— Не исключено, Молли. Не буду лгать, дело рискованное. Но если это произойдет, уверяю тебя, я сделаю все, чтобы вернуть тебя сюда.

Молли потерла вспотевшие ладони о джинсы.

— Тебе, наверно, кажется, что такая задача по силам только взрослому человеку, — сказала Люси. — Но это не так Ты гениальная гипнотизерша И великолепное секретное оружие. Сейчас объясню, почему. Много лет назад моя мать дала мне хороший совет. Она сказала «Всегда создавай себе хорошее прикрытие, Люси. Тогда, если твоя сила понадобится, ты сможешь действовать, не вызывая подозрений». Библиотечарь Люси Логан, тихая серая мышка, была для меня идеальным прикрытием. За этой личностью я пряталась много лет. И таких, как я, очень много. Они скрываются за мирными профессиями, делают вид, что у них совсем немного сил. Но никто из них не подходит для этой работы так, как ты, Молли. У тебя — идеальное прикрытие. Ты можешь втереться в доверие к Клетсу и выяснить все о нем, не вызывая никаких подозрений, потому что ты — всего лишь ребенок. Праймо Клетс никогда не заподозрит ребенка

Молли казалось, что она только что проглотила волшебную таблетку, которая полностью изменит ее жизнь.

— Когда мне ехать? — спросила она.

Глава седьмая

Молли радовалась, что у нее на велосипеде есть фонарь: она засиделась у Люси до темноты. Девочка привязала к багажнику портфель с бумагами, который дала ей Люси, и, устало крутя педали, покатила через вечерний Брайерсвилль, потом выехала из города и повернула вверх, на склон холма.

Она чувствовала себя обманутой. Ей казалось, что Люси зовет ее поговорить о гипнотизме, рассказать что-нибудь интересное. А вместо этого Праймо Клетс похитил у них целых полдня. Уже за это Молли заранее возненавидела его.

Все, что она узнала, казалось каким-то нереальным. Представьте себе, что кто-нибудь собрал неопровержимые доказательства того, что птицы — это на самом деле космические пришельцы и намереваются захватить наш мир. Вы усомнитесь в том, что это правда, даже если вас поставят перед фактами. Точно так же Молли в душе относилась к Праймо Клетсу. Но все-таки Молли лучше других знала, как легко подчинить себе тысячи человек. Она нутром чувствовала, что Люси сказала правду.

Молли старалась не задумываться о том, что будет, если Праймо Клетс поймает ее за этим расследованием. Если он и вправду похитил Дивину и запросто избавлялся от других людей, то, значит, он настоящий псих и очень опасен. Молли пожалела, что у нее нет быстрого автомобиля с множеством современных приспособлений. А есть только велосипед.

Но были и два момента, которые радовали Молли. Во-первых, Люси снова разрешила ей заниматься гипнотизмом. А во-вторых, она едет в Лос-Анджелес!

* * *

А в Счастливом Приюте Джемма и Джерри чистили мышиную клетку. И сделали удивительное открытие.

Все десять Джерриных мышат суматошно бегали по картонной коробке.

— Когда ты в последний раз чистил эту клетку? — спросила Джемма, брезгливо морща нос

— С Рождества я четыре раза вычищал самые грязные места, А вот

здесь, где не пачкается, я и не трогал.

— А почему здесь не пачкается?

— Потому что тут мыши спят.

Джемма вытащила солому и обрывки подстилки. Джерри потянул за пачку бумаги в чистом уголке.

— Смотри, — сказал он. — Бумага как новенькая, только обгрызена по краям — Он бросил клочки на пол

— На ней что-то написано, — заметила Джемма и подняла обрывки. Потом собрала из них разорванную страницу. — Тут сказано: «Книга по ги...». Дальше не разберу, мыши сгрызли. А вот тут написано: «Уроки древнего искусства». Как ты думаешь, что это такое?

— Понятия не имею, — пожал плечами Джерри, взял губку и принялся мыть клетку. — Наверно, что-нибудь о рисовании в старой манере?

— Это ксерокопия, — Джемма осторожно разлепила станицы. — Это о... о гипнотизме. Джерри, где ты ее достал? Еще страницы есть? — девочка заглянула в глубину клетки.

— Наверно, были, только я выбросил. А что такое гипнотизм?

— Ну, это когда погружаешь кого-нибудь в сон заставляешь его делать всякие штуки. Откуда ты взял эти бумажки?

— Из мусорной корзины. Сто лет назад.

— Из чьей корзины?

— Не помню, может, у Руби, может, у Рокки, они всегда переводят больше всех бумаги. Рокки записывает слова своих песен, а потом их выкидывает. Я думал, это песня. Да ну ее, Джемма, хватит читать, ты обещала помочь мне с мышками.

Но Джемма слишком заинтересовалась находкой и забыла про мышей.

— А вдруг это очень важно? — пробормотала она. — Пойду-ка я к сушилке да прочитаю. Приходи ко мне туда.

Через двадцать минут Джерри и Джемма сидели, скрестив ноги, на ворохе полотенец в темном сушильном шкафу и водили тонким лучиком карманного фонаря по изодранной стопке ксероксной бумаги.

— Как ты думаешь, мы и вправду могли бы этому научиться? — спросил Джерри.

— Давай попробуем на мышках, — предложила Джемма,

— Прямо сейчас? У меня в кармане Виктор.

— Нет, сначала нужно научиться как следует. Как жаль, что тут не все уроки. Джерри, никому не говори. Это страшная тайна, понял?

— Понял, — отозвался Джерри, и оба скрепили договор, стукнувшись

кулаками.

* * *

Молли вернулась в Счастливый Приют. Ей до смерти хотелось поговорить с Рокки. Она надеялась, что он не ушел, по своей привычке, куда-нибудь побродить. В телевизионной комнате его не было — только миссис Тринкелбери смотрела передачу о шитье из лоскутков. Наконец она отыскала его в кухне — он сидел с Петулькой на коленях и читал газету. Рядом с ним Нокман изучал руководство по дрессировке птиц.

— Эй, — тихонько окликнула Молли приятеля.

— Угу, — отозвался он и вышел с Петулькой в коридор. Молли схватила его за рукав и потащила вверх по лестнице. — Что стряслось? Откуда у тебя этот портфель?

Молли подтащила его к скамейке у окна в самом конце коридора на верхнем этаже и, усадив, шепотом рассказала обо всем, что случилось у Люси Логан. Рокки слушал и, хмуря брови, пытался уловить что-нибудь в торопливом, сбивчивом рассказе подруги. Потом она открыла портфель и показала ему фотографии и карты лос-анджелесского района, где жил Праймо Клетс.

— Люси считает, что, раз мы дети, нам ничего не грозит, — закончила Молли. — Это вроде маскировки, потому что Клетсу в голову не придет, что ребенок может вникать в его дела.

Рокки пожал плечами.

— Лично мне все это кажется полной чепухой. Я не верю.

— Ты не веришь, потому что не хочешь ехать. Вот почему.

— А кто сказал, что я поеду? — спросил Рокки, повысив голос.

— Рокки, — тихо, но твердо произнесла Молли. — Ты должен мне помочь. Я здесь не единственная, кто умеет гипнотизировать.

— Но в этом я во много раз слабее тебя, Молли.

— Значит, ты все-таки веришь, что это правда?

— Этого я не говорил.

— Ладно, даже если не веришь, ты все равно будешь рад провести каникулы в Лос-Анджелесе, — уверенно заявила Молли.

— Но...

— С каких это пор Рокки Скарлет отказывается от поездки в солнечный Лос-Анджелес? — подначила Молли. — Там у тебя не будет ни одного приступа астмы.

— Но...

— Рокки, я ни за что на свете не поеду туда одна, — сказала Молли громче, чем намеревалась. — Послушай, там гораздо теплее, чем здесь, кругом пляжи. Мы поедem всего лишь на месяц или около того. Без тебя мне не справиться. Рокки, поехали, пожалуйста!

Внезапно Петулька села и энергично завиляла хвостом. В конце коридора кто-то появился.

К ним робко приблизились Джемма и Джерри. Сидя в сушилке, они невольно подслушали последнюю часть разговора Молли и Рокки, и теперь, хоть им и было стыдно, просто сгорали от любопытства.

— Что за каникулы? Что за пляжи? Куда вы едете? Мы тоже хотим, — сказала Джемма.

— Да, — подтвердил Джерри. — Нельзя нас оставлять. В прошлый раз, когда вы нас оставили, было ужасно. Помните?

— Но вам нельзя ехать, — начала Молли. И запнулась. У Джеммы и Джерри ни разу не было каникул. Она представила их себе на пляже, с ведерками и лопатками, или в море, как они качаются на волнах, или на экскурсии на одной из лос-анджелесских киностудий, и ее сердце растаяло. Им наверняка понравится, и помехой они не станут. Даже, пожалуй, пригодятся.

— Знаешь, Рокки, если взять миссис Тринкелбери, чтобы она за ними присматривала, то мы будем выглядеть как обыкновенная семья на каникулах. И Нокман тоже пригодится. — Молли подумала, что криминальные таланты Нокмана пошли бы им на пользу. Особенно хорошо он умел вскрывать замки. Молли подсчитала в уме оставшиеся приютские деньги, добавила к ним те средства, которые обещала Люси. Кроме того, Люси предположила, что еще немалую сумму Молли может выручить с помощью гипнотизма

— А что делать с остальными? — спросил Рокки. — На следующей неделе они вернутся со своих курсов.

— Может быть, попросить сестру миссис Тринкелбери, чтобы она пустила их пожить у себя на ферме? — предложила Молли и вопросительно посмотрела на друга Тот кивнул.

— Я поговорю с мистером Стратфилдом, — продолжала Молли, прикидывая, как загипнотизировать директора школы. — Хорошо, Джемма, когда миссис Т. закончит смотреть свою передачу, я скажу ей, что некий благотворитель пригласил нас в Лос-Анджелес.

Рокки ухмыльнулся.

— Я подыщу отель, где мы все остановимся, а Нокман организует

билеты. Выезжаем как можно скорее.

— Мы тоже поедem, правда? — неуверенно спросил Джерри.

— Конечно, — подтвердил Рокки.

— Ур-ра! — завопил Джерри. — Ур-ра-а-а! — И, не зная, куда выплеснуть нахлынувшую радость, запрыгал, как взбесившийся кенгуру. — Лос-Анджелес, Лос-Анджелес! — кричал он, бегая по коридору взад и вперед. Но вдруг остановился. — А где это?

— Это в Калифорнии, в Америке, — пояснил Рокки.

— Ух ты, в Америке! Вот это да! — Джерри окончательно разошелся. Он скатился по лестнице, проскакал пару кругов по вестибюлю, снова взлетел и долго носился так вверх-вниз, вопя: — Больше в школу не пойду! Больше в школу не пойду!

Джемма десять раз поблагодарила Молли и поспешила к себе в спальню — собирать вещи.

— Мы решили правильно, — сказала Молли. — Потому что, если мы поедem одни и с нами что-нибудь случится, им никогда уже не побывать на каникулах.

— А что с нами может случиться? — спросил Рокки, приподнимая бровь.

— Да то же самое, что с Дивиной! Откуда я знаю. Этот мистер Клетс — маньяк, рвущийся к власти. И великолепный гипнотизер. Черт возьми, Рокки, во что мы ввязались?

— В беду, — прозаическим тоном ответил Рокки.

— Еще в какую беду, — вздохнула Молли.

Глава восьмая

В последующие три дня Счастливый Приют бурлил от нетерпения. При известии о каникулах миссис Тринкелбери пришла в такой восторг, что на радостях зашвырнула фартук в камин. Ей не терпелось поехать в Лос-Анджелес, в Голливуд, кинематографическую столицу мира, где живут все обожаемые ею звезды. Она лелеяла надежду повстречать кого-нибудь из них.

Джерри очень тревожился за своих мышек и целыми днями мастерил для них дорожную клетку, а Джемма часами лежала на кровати и читала ксерокопии страниц из книги по гипнотизму, которые обычно прятала под подушкой.

— Как ты думаешь, Рокки, море там теплое? — расспрашивал Джерри, пока они обшаривали чердак в поисках чемоданов.

— Какое там — теплое! Оно горячее как кипяток. Мы же едем в Лос-Анджелес, Джерри. Это на побережье Тихого океана, на крайнем западе Америки. Там кругом пустыни. Дождей почти не бывает. В марте там жара в тридцать градусов. Жарче, чем в Брайерсвилле в разгар лета.

— А если пустыня, то как там люди живут? Что они пьют? Вряд ли там много народу, — комментировал Джерри, заглядывая в дыру за плинтусом. — Смотри-ка, тут мышка живет.

— В горах над городом построено множество плотин, — объяснил Рокки. — И сооружены большие водохранилища, откуда вода поступает в город. Нокман говорил, в Лос-Анджелесе живет восемь с половиной миллионов человек. Кстати, во всей Америке двести семьдесят миллионов.

— Интересно, а сколько в Америке мышей? — задумчиво спросил Джерри.

— Наверно, миллиарды. — Рокки вытащил из-за выцветшей красной коляски пыльный чемодан.

Спустившись вниз с чемоданом и тремя старыми портфелями, ребята обнаружили, что ни один из них не открывается. Мистеру Нокману пришлось изрядно повозиться с кодовыми замками и поковырять отверткой в замочных скважинах чемодана.

Нокман был не особенно рад возвращению в Америку. Там он провел почти всю жизнь и не хотел, чтобы ему напоминали о неблагоприятном прошлом и совершенных там преступлениях. Он боялся, что его одолеет соблазн снова сделать что-нибудь нехорошее, но миссис Тринкелбери,

руководившая его

перевоспитанием, сказала, что поездка пойдет ему на пользу. Поэтому Нокман старательно сколачивал дорожную клетку для своих двадцати попугайчиков. Молли сказала ему, что благотворитель уладит все дорожные формальности с перевозкой домашних животных. Нокман автоматически поверил ей. Он всегда прислушивался к тому, что говорила Молли, хотя до конца и не понимал, почему. Он был рад, что птицы поедут с ним, потому что иначе он сам отказался бы от путешествия.

* * *

С помощью гипнотизма пришлось уладить два дела. С одним из них справился Рокки, с другим — Молли.

Задача Рокки заключалась в том, чтобы найти подходящий отель. Поездка в Лос-Анджелес выпадала на самую напряженную пору года. Через неделю должно было состояться вручение наград Американской киноакадемии, когда лучшие актеры, актрисы, режиссеры, продюсеры и прочие кинематографисты получают за свою работу золотые статуэтки — «Оскары». Все до единого номера во всех отелях города на этот период бронируются за несколько месяцев.

— До чего же не хочется это делать, — поморщился Рокки, снимая телефонную трубку. — Из-за нас кто-то останется без забронированной комнаты.

— Может, ты волнуешься, потому что разучился гипнотизировать на расстоянии? — осведомилась Молли. Но Рокки покачал головой.

— Гипнотизировать — это как ездить на велосипеде. Раз научившись, никогда не забудешь, как это делается. — Молли восхитилась уверенностью Рокки, а когда он десять минут спустя вышел из телевизионной комнаты и сообщил, что заказал два бунгало и номер в отеле под названием «Шато Мармозет», она взглянула на него с уважением.

— Мне нужно только время, и больше ничего, — ответил Рокки. — Чем дольше они меня слушали, тем сильнее таяли, словно масло в руках.

Однако Молли страшно волновалась из-за своей части задания. Ей предстояло посетить директора школы и загипнотизировать его, чтобы он отпустил всю их компанию — ее, Рокки, Джемму, Роджера и Джерри — в Лос-Анджелес, а всем остальным приютским ребятам разрешил пожить на ферме у сестры миссис Тринкелбери. Молли боялась, что растеряла свои гипнотические навыки, особенно после того страшного, холодного чувства

слияния, которое нахлынуло на нее, когда она гипнотизировала зеленый куст.

Но волнения оказались напрасными. В школе, в кабинете директора, ей даже не пришлось сверлить мистера Стратфилда взглядом своих зеленых глаз.

Она начала объяснять, что путешествие в Калифорнию задумано в чисто образовательных целях. Они многое узнают о землетрясениях и пустынях, об американском парламенте, который называется Конгрессом, поэтому поездка будет весьма информативной. Кроме того, добавила Молли, большая часть их отлучки придется на весенние каникулы, и пропустят они всего лишь пару последних недель третьей четверти.

— А остальные ребята просили разрешить им остаться на ферме. Там они многое узнают о свиньях... ну, сами понимаете — свиньи, корма, навоз, прочее сельское хозяйство. Тоже весьма познавательно.

Мистер Стратфилд, видимо, нашел идею замечательной, потому что сказал:

— Я очень ценю, что ты, Молли, самостоятельно пришла за разрешением. Мне нравятся инициативные дети. Хороший игрок в гольф всегда должен быть инициативным. Он должен иметь чутье — если хочешь, чтобы мяч летел в нужную сторону, умей направить его туда. Не жди, пока кто-нибудь другой ударит по мячу за тебя — ты со мной согласна?

— Да, сэр.

— По моему мнению, все фермы должны отдать вой поля под площадки для гольфа. Как ты полагаешь?

Молли промолчала

— Значит, вы разъезжаетесь, кто в Лос-Анджелес, кто на свиноферму. Что ж, я думаю, вы проведете время с большой пользой, узнаете много нового... И, если будет возможность, поиграйте в гольф за меня, ладно?

— Спасибо, сэр, да, сэр.

Тут в кабинете зазвонил телефон. Снимая трубку, мистер Стратфилд кивнул Молли, давая понять, что она может идти.

Молли не верила своим ушам. Она без всякого гипноза уговорила директора отпустить их из школы! Неужели само ее присутствие обладает некой гипнотической силой? Она не понимала, как ей удалось так легко одержать победу над мистером Стратфилдом, но тем не менее радовалась этому. Весьма довольная собой, Молли вернулась в класс.

Итак, после множества хлопот, спустя несколько дней в небольшой микроавтобус уселось тридцать восемь пассажиров (пятеро детей, двое взрослых, двадцать попугайчиков, десять мышей и один мопс). Даже Роджеру не терпелось отправиться в путь: он говорил, что рад уехать подальше от голосов, которые донимают его здесь.

К моменту прибытия в аэропорт миссис Тринкелбери впала в панику. Она никогда раньше не летала на самолетах и ужасно боялась. Мистер Нокман держал ее за руку и говорил, что ежегодно под копытами осликов погибает больше народу, чем в авиакатастрофах. Молли повела свою команду к регистрационной стойке, и таможенники без промедления досмотрели багаж.

Она заранее объяснила Джерри и мистеру Нокману, что они ни в коем случае не должны упоминать о животных, которых везут с собой, иначе, мол, все договоренности с благотворителем пойдут насмарку. Оба пообещали хранить молчание. И теперь ящик с просверленными дырками для воздуха, в котором сидели мыши с попугаями, стоял на Моллиной тележке рядом с дорожной корзиной Петульки. Все остальные прошли через паспортный контроль и рентгеновские аппараты в зону ожидания, к магазинам беспошлинной торговли.

Молли места себе не находила. Она жалела, что не потренировалась в гипнозе на мистере Стратфилде. Потому что сейчас ей предстояло провести свой багаж мимо таможенников и рентгеновских аппаратов, а это удастся, только если ее гипнотические навыки будут на такой же высоте, как раньше.

Один из дежурных у рентгеновского аппарата поманил ее к себе. Петулька беспокойно кружила в дорожной корзинке, ища местечко поудобнее. Молли сглотнула подступивший к горлу комок и храбро покатила тележку.

Приближаясь, она всеми силами вызывала знакомое чувство слияния и раскаляла глаза до высшей гипнотической силы. Молли уже не нуждалась в старомодных средствах гипноза, наподобие маятника или монотонного разговора, вводящего слушателя в транс. Она пускала в ход свой особый талант, и через считанные секунды человек оказывался в ее власти. Этот же метод должен был сработать и сейчас. Перед ней стояли двое служащих аэропорта — один смотрел на рентгеновский экран, другой обыскивал пассажиров, проверяя, не везут ли они оружие. Молли достаточно было

пристально взглянуть на каждого из них, и они покорно склонили перед ней головы.

Молли с такой решимостью пустила в ход гипнотические способности, что недооценила силу своих глаз. Она пронзила двух таможенников взглядом, который мог бы подчинить пару слонов. В тот же миг человек за пультом рентгена резко выпрямился, будто на электрическом стуле, а его напарник расслабился, обмяк и принялся довольно громко напевать.

— Тише! — зашикала на него Молли и испуганно огляделась, но, кажется, никто на них не смотрел. Еще несколько секунд девочка купалась в теплом, ласковом чувстве слияния, радуясь, что оно вернулось, ощущая, как оно наполняет ее с головы до пят.

— Эй, вы, — тихо произнесла она — Вы пропустите меня, не проверяя багажа А когда я уйду, будете считать, что досмотрели мои чемоданы и что там всё в порядке. Потом проснетесь. Понятно?

Оба служащих закивали. Ответственный момент миновал. Молли прошла в свободную зону и, усмехнувшись, направилась к магазину, торгующему электроникой. Ей нужна была миниатюрная фотокамера и побольше пленки к ней.

Петулька в корзинке узнала знакомые запахи аэропорта и заинтересовалась. Куда Молли везет ее на этот раз? Попугайчики в темной коробке прислушивались к гулу аэропортовского зала и принимали его за очень странные птичьи голоса Мышки в своих гнездах пытались уснуть, но никак не могли, потому что где-то вдалеке неведомый великан все произносил и произносил какие-то объявления.

«Пассажиров на Лос-Анджелес просим пройти к выходу номер три».

* * *

Этот полет ничуть не напоминал прошлогоднее бегство, когда перед Рождеством Молли в одиночку летела через океан. На этот раз все было шумно и бестолково. Как только аэробус оторвался от земли, миссис Тринкелбери принялась громко читать молитвы и не замолкала почти до самого приземления.

На полпути через Атлантику у Джерри убежала мышка, Виктор, Джеррина краса и гордость, вырвался на свободу, пробрался к туалетам и очутился в кабинке вместе с длинноволосой туристкой. Когда девушка выскочила из кабинки, крича, что увидела белку, Виктор тихонько вернулся

к Джерри.

— Мадам, на борту никак не могло оказаться белки, — успокаивала туристку стюардесса. — Может быть, вы нервничаете из-за долгого перелета? Предлагаю вам выпить воды и выполнить несколько специальных упражнений.

Будь все как обычно, Молли, глядя на перепуганную миссис Тринкелбери, пожелала бы, чтобы полет поскорее закончился, но сейчас ей, по правде говоря, хотелось, чтобы самолет не приземлялся еще лет сто — тогда ей не придется раскрывать опасные происки Праймо Клетса,

Она поделилась своими мыслями с Рокки.

— Если уж ты боишься, — резонно заметил он, — то подумай, каково сейчас Дивине. Надеюсь, она еще жива. Если ее и вправду похитил Клетс, то спасти беднягу сможешь только ты.

— Лишь из-за нее я и согласилась лететь, — вздохнула Молли. — Я бы не стала рисковать жизнью просто ради того, чтобы проверить, в чем замешаны все эти звезды. Да и к тому же я в долгу перед Дивиной. Как-никак я в самом деле похитила ее роль в «Звездах на Марсе».

Молли наклонилась и сунула Петульке в корзинку ломтик копченой колбасы. Собачка всегда хорошо вела себя в полетах.

* * *

Через одиннадцать часов под крыльями самолета замелькали яркие огни Лос-Анджелеса. Молли изумленно глазела на огромный город. Казалось, он тянется во все стороны на сотни миль. Девочка не могла не задуматься, в каком из миллиона зданий в эту минуту находится Праймо Клетс

Потом шасси тихо коснулись бетонного покрытия дорожки. Самолет благополучно приземлился. Пассажиры перевели стрелки на восемь часов назад. Здесь было семь часов вечера.

Вскоре вся полусонная команда собралась, клюя носами, в багажном зале в ожидании своих чемоданов. Единственными, в ком сохранилась хоть капля энергии, были Джемма и Джерри. Они катали Джерриных игрушечных супергероев на конвейерной ленте.

Молли смотрела, как к ней по конвейеру едет, кувыркаясь, красный чемоданчик. Несмотря на усталость, она невольно остановила на нем взгляд. Ее привлекала яркая шероховатая поверхность и желтоватая окраска лакированных замков. На миг ей показалось, что аэропорт уплыл куда-то

далеко-далеко, что под крышей багажного зала остались только она да этот чемодан. Еще через мгновение чемодан оказался словно бы у нее в голове. Ощущение было странным, но не совсем незнакомым. Примерно такое же чувство Молли испытывала, когда гипнотизировала людей. Это ускользающее чувство возникало за миг до того, как ее подопечный впадал в транс: она ощущала, что сила его личности ослабевает и он переходит в ее власть. Это впечатление хорошо известно всем гипнотизерам. Молли успела подумать: как странно испытывать такое по отношению к чемодану, и тут по телу начало разливаться хорошо знакомое теплое чувство слияния. Но через мгновение это чувство стало холодным, как лед. Почти то же самое Молли испытала, когда пробовала загипнотизировать выстриженную на кусте собаку. Потрясенная Молли торопливо отвела взгляд от чемодана.

Странное дело. Это холодное чувство возникает, если долго и пристально смотреть на предметы. Молли стало интересно: что произойдет, если она не станет отводить взгляд, а позволит холодному чувству слияния продлиться подольше? Что тогда случится? Неужели она загипнотизирует предмет, на который смотрит? Смешно. Ну разве можно загипнотизировать чемодан? В следующий раз, решила Молли, надо будет продолжить эксперимент и посмотреть, во что выльется это холодное чувство слияния.

Все пассажиры забрали свои сумки и чемоданы и уложили их на багажные тележки. Потом, от усталости ничего не видя перед собой, потащились на стоянку такси. Никто не заметил, как: к Молли подошел носильщик.

— Простите за навязчивость, господа, — сказал он, сияя радостной улыбкой, — но не вы ли те самые мальчик и девочка, которые снимались в ролике «Посмотри на ребят, что живут по соседству»?

Глава девятая

Молли оторопела. Ей и в голову не приходило, что добрый гипнотический ролик, который они сделали перед Рождеством в Нью-Йорке, известен жителям Лос-Анджелеса. Сколько же еще народу в аэропорту узнало ее?

— Гм, да да, это мы, — с неохотой ответила Молли.

— Отлично сделано, — улыбнулся носильщик. — Давайте, ребята, я вам помогу! — Он взял у Молли тележку и повел их прямо к началу очереди на такси. Здесь он выгрузил чемоданы в поджидавший микроавтобус и помахал вслед.

— Вот и верь после этого словам Люси-дескать, если мы дети, то нас никто не заподозрит, — проворчал Рокки, усаживаясь в микроавтобус — Может, Праймо Клетс тоже смотрел этот ролик и с тех пор разыскивает двоих детей-гипнотизеров. — Молли была так потрясена неожиданной встречей, что не могла ничего ответить.

— Ладно, будем надеяться, что Праймо его не видел, — попытался успокоить ее Рокки.

Вскоре микроавтобус вырвался из частокола бетонных колонн и покатил к Лос-Анджелесу. Молли сидела впереди, держа на коленях Петульку, и жалела о том, что поехала. Она увлеченно глазела по сторонам, надеясь, что красивые виды отвлекут ее от мыслей о Праймо Клетсе. Но ничего не получалось. Как только автобус выехал из аэропорта, миновал все автостоянки, проволочные заборы и ангары с лайнерами, а потом — мелкие фабрики, где готовилась еда для пассажиров, как вдоль шоссе с обеих сторон потянулись громадные рекламные щиты. На одних изображались ножи «Трик-трак», на других — высокопитательный суп «Морячка» или туалетная бумага «Шелест»: боксер Кинг Лосе вел героический поединок с громадным белым рулоном. Влияние Клетса чувствовалось повсюду. То и дело мелькал еще один плакат — фотография политика в ковбойской шляпе. Под его красно-бело-синей курткой огромными буквами значилось: «Гандолли — в президенты! Выборы в ноябре». Слава богу, подумала Молли, они хоть не выдвигают в президенты Клетса.

Микроавтобус выехал на шоссе. Все машины здесь были громадными, автофургоны — вдвое больше привычных Молли грузовиков у нее на родине, и транспорт двигался в каждую сторону не по трем полосам, а по

четырем Вдалеке тянулись рыжеватые, поросшие кустарником холмы, на них стояли нефтяные насосы, каждый величиной с домик. Насосы походили на чудовищных голенастых птиц с железными ногами, они раскачивались взад-вперед, вонзая в землю острые клювы.

Глядя на клюющие землю насосы, Молли не могла удержаться от мысли, что, может быть, Праймо Клетс уже разослал по всей стране своих людей, приказав им отыскать двух ребятишек, сделавших гипнотический ролик. Он, скорее всего, хочет расправиться с ними, как уже, вероятно, расправился с Дивиной Наттель. При виде громадных бессердечных железных птиц храбрости у Молли поубавилось.

Вскоре возле дороги начали появляться маленькие жилые домики, потом — дома покрупнее. Дальше путь лежал по длинной торговой улице, полной баров и автосалонов с поддержанными машинами; следующая улица состояла сплошь из модных бутиков и ресторанов. Улыбающийся Геркулес Стоун на огромном плакате рекламировал новый фильм «Кровь незнакомца». Надпись большими буквами гласила: «Фильм номинирован на три награды киноакадемии: за лучший фильм, за лучшую главную женскую роль и за лучший сценарий». Мимо закусочной быстрого питания под названием «Скорая Пончикова Помощь» протрусил бегун. «Открыто 24 часа. Без паники», — сообщала вывеска При виде стайки из пяти собак Петулька наострила уши, но собаки были не сами по себе — их вела на прогулку дама на роликовых коньках.

— Большие здесь пригороды, — сказала Молли шоферу.

— Пригороды? — переспросил таксист. — Да никакие это не пригороды. Это и есть сам Лос-Анджелес. Город Ангелов, ангелочек мой.

— Но где же небоскребы? — недоверчиво спросила Молли, думая, что он ошибается.

— Здесь есть пара-другая небоскребов, но все они в центре. Это не город небоскребов, куколка. Это город зеленых садов, уютных низеньких зданий, и это лучше всего, потому что у нас часто бывают землетрясения. Отсюда ведь до разлома Сан-Андреас рукой подать. Ну вот, мы уже почти доехали до вашего отеля, а он стоит прямо в центре Лос-Анджелеса. Тут все дома такие — невысокие.

— Но почти во всех городах дома в центре стоят вплотную друг к Другу, — сказала Молли.

— Да, потому что в тех городах места не хватает. А у нас город молодой, просторный, стройся где хочешь.

В конце широкой улицы, за рекламным щитом в форме гигантской бутылки, прославляющим «Кьют», уходили вверх холмы, застроенные

домами.

— Вот там, — махнул рукой шофер, — горы Сан-Габриэль, а там, — он показал назад, — Долина Смерти, но вам туда лучше не ходить — там такое пекло, что можно поджарить яичницу прямо на капоте машины.

Микроавтобус нашел просвет в потоке транспорта и нырнул в переулок, круто поднимавшийся вверх. Молли заметила небольшую вывеску, полускрытую густой листвой. «Шато Мармозет». Здание с бесчисленными шпилями и башенками словно вышло из волшебной сказки. Окна всех десяти этажей были украшены миниатюрными балкончиками. Вход в отель располагался возле напоминающего пещеру подземного гаража, у дверей стояли трое носильщиков, больше похожие на кинозвезд, чем на гостиничных служащих. Увидев микроавтобус, они поспешили выгрузить багаж.

— Добро пожаловать в «Шато Мармозет»!

Все были очень рады, что наконец добрались до места, — от усталости звенело в ушах, в горле свербело, а глазные яблоки так пересохли, будто их завернули в тряпку и потом вставили на место. Поднимаясь на лифте к гостиничному портье, Молли вдруг осознала, как причудливо и потрепано выглядит их компания — коробки с мышами и попугайчиками, Нокман с отросшей щетиной на щеках.

В элегантном фойе с высокими потолками и мраморным полом царил уютный полумрак. Широкая дверь вела в величественную, но успевшую слегка пообтереться приемную, полную народа. Кое-кто бросал на компанию ребят неприязненные взгляды. Нокман пошел искать мужскую комнату.

Молли вытащила из рюкзака документы всех своих спутников и положила на стойку. Портье со щеками бугристыми, как кожура неочищенного авокадо, встревоженно взглянул на Роджера, который нежно обнимал пальму в горшке.

— Он с вами? — спросил портье.

— Да, — ответила Молли, оглядываясь. — Погодите минутку, он сейчас успокоится. Переутомился в дороге.

Портье обвел взглядом пятерых детей.

— Боюсь, я не могу вас поселить, пока не придут взрослые, которые за вас отвечают.

— Гм-м, — простонала Молли сквозь зубы. — По правде сказать, мы и сами за них можем ответить. — И, чтобы не терять времени, поймала глазами взгляд человека-авокадо. Вскоре он был готов делать всё, о чем она его попросит. Тогда Молли организовала всем жилье. Она решила, что

Нокман поселится в главном здании, а остальные — в домиках-бунгало во дворе.

Пока портье сиял покорной улыбкой, прибыла миссис Тринкелбери. Она задержалась, потому что в лифте очутилась рядом со знаменитым актером Космо Асом, поднялась вслед за ним на седьмой этаж, к гимнастическому залу, и там долго любовалась, как он крутит педали велотренажера. Молли поняла, что доброй старушке очень понравится в «Шато Мармозет».

Нокман взял ключи от номера и удалился вверх по лестнице со своим багажом и попугайчиками. Остальную команду юноша-стюард проводил к их жилью.

В саду уже стемнело. Вдоль дорожек стояли стальные обогреватели, похожие на высокие толстые зонтики. Они изливали тепло на гостей, сидевших за столиками среди деревьев.

Извилистая дорожка петляла между клумбами белых маргариток. До ушей Молли долетали обрывки разговоров:

— Стив говорит, что ему нравится твой сценарий, но он хочет, чтобы режиссером был Спелкман. Тогда он сумеет убедить «Тинзел Филмз» заняться этим проектом.

— Но Спелкман бездарь. Его фильмы — скукотища. Он не может добиться от актеров приличной игры. Нет, так не пойдет.

— Рэнди, это единственный выход.

— Сара, ты идеально подходишь для этой роли.

— Но я не хочу больше играть серьезных ролей. Я смешная, — очень серьезно возразила Сара.

— Послушай, Барбара, я не хочу, чтобы мне делал прическу, или ухаживал за ногтями, или вообще прикасался ко мне человек, который ест мясо. Понятно? Не желаю терпеть около себя ни крошки этой отрицательной энергии.

— Хорошо, Блейк.

— Джин, что ты наденешь на вручение наград киноакадемии? Не забудь, его смотрят во всем мире.

— Надену как можно меньше. Хочу мелькать на экранах и хочу, чтобы меня побольше фотографировали.

Они пошли дальше по тропинке, заросшей, как в джунглях, густыми папоротниками. Над головой шелестели, покачиваясь, ветви высоких пальм. Бунгало, предназначенное для миссис Тринкелбери и Роджера, располагалось возле сада-солярия, где по камням низвергался в бассейн небольшой прозрачный водопад. Роджер дружески похлопал по стволу широколистного фикуса, и на него из клетки сердито закричал гостиничный попугай.

Остальные пошли за стюардом дальше, и узкая каменистая тропа, взобравшись на вершину холма, вывела их к самому лучшему бунгало.

Это жилье идеально подходило для Петульки, потому что перед ним располагалась зеленая лужайка с оградой и деревянной калиткой. Весь фасад современного прямоугольного здания был выполнен из стекла. Внутри имелась просторная гостиная с угловым диваном и телевизором, а в уголке было обустроено нечто вроде маленькой кухни.

— Если вы решите что-нибудь приготовить, наши служители придут и уберут за вами, — сказал юноша. — Но, конечно, если вам не хочется готовить самим, вы всегда можете обратиться в нашу службу доставки и заказать обед в номер.

На кухонном столе стояла корзина с чипсами и конфетами.

— Мы будем наполнять эту корзину по вашему желанию.

Джемма принялась листать переплетенную в кожу рекламную брошюрку отеля.

— Смотрите-ка! Тут есть видеотека, а в ней — целые сотни фильмов! И их можно взять напрокат. И музыка... — Следующие десять минут Джемма провела на телефоне, обзванивая своих спутников в других номерах. Она позвонила в сервисную службу, и через двадцать минут им принесли еду. На подносе под серебряной крышкой дымились бифштексы с жареной картошкой, белели молочные коктейли. Поскольку в отеле не оказалось концентрированного апельсинового сока, Молли заказала гранатовый сироп. Официант в сервисной службе объяснил, что этот фруктовый сироп делается из гранатов. Его положено добавлять в лимонад, а если смешать его с имбирным пивом, то получится коктейль, который американцы называют «Ширли Темпл».

Молли с наслаждением потягивала из стакана густой гранатовый сироп со льдом. Она знала, что Ширли Темпл — это девочка-звезда тридцатых годов, и, подумав о ней, Молли вспомнила про Дивину Наттель. «Будем надеяться, что ей ничего не грозит, где бы она ни была», — подумала Молли, а потом пошла укладывать Джемму и Джерри в постель.

Проснулась Молли посреди ночи, потому что организм думал, что уже наступило утро. Дома, в Брайерсвилле, сейчас было десять часов утра. Снова уснуть никак не получалось, потому что Джеррины мышки резвились на скрипучем колесе, а снаружи громко шелестели деревья.

«Как хорошо было бы приехать в этот отель просто на каникулы, отдохнуть», — думала Молли. Ей совсем не хотелось выполнять опасное задание. Расследование деятельности Праймо Клетса — эта работа и дома то казалась опасным делом. А теперь представлялась совершенно невыполнимой. Молли задумалась о том, с чего начать. Итак, они очутились на территории Клетса. Прежде всего, наверное, надо выяснить, замешан ли Клетс в похищении Дивины Наттель, а если замешан, найти Дивину. Это самое важное.

Сколько Молли ни старалась уснуть, перед глазами то и дело вставали две фотографии, которые она видела у Люси. На одной из них Праймо Клетс в охотничьем костюме, с заряженным ружьем под мышкой гордо держал в руках двух безжизненных фазанов. На другой он на сафари, с ружьем побольше, стоял, водрузив ногу на тушу убитой антилопы.

Молли свесила руку с кровати и погладила Петульку. Праймо Клетс, по-видимому, любил убивать.

Глава десятая

На следующее утро, ни свет ни заря, Молли разбудил громкий стук в дверь. На пороге стоял Джерри. На нем были плавки, надувные нарукавники для плавания и огромный гостиничный халат, который волочился за ним, как шлейф.

— Молли, пошли! Завтрак принесут к бассейну. Я заказал блинчики!

Комнату заливали яркие лучи солнца. В первое мгновение девочке спросонья померещилось, что она снова дома, в Счастливом Приюте, жарким летним утром. Потом сквозь беззаботную дрему нахлынули страшные мысли о том, что ей предстоит сделать сегодня. Молли застонала.

* * *

Через полчаса Молли и Рокки в пижамах сидели на полу Моллиной комнаты, разложив вокруг себя бумаги из чемоданчика, который вручила им Люси Логан.

— Знаешь, что я думаю? — начала Молли. — Чтобы разобраться, мы должны сначала заглянуть к Праймо Клетсу домой, в его главный офис и поговорить со знаменитостями, которых он загипнотизировал. Заодно мы, может быть, сумеем что-нибудь узнать о Дивине.

— Предлагаю вот что, — сказал Рокки. — Надо позвать сюда Нокмана, спросить, в чем он нуждается для того, чтобы вскрыть замок и взломать компьютерный код, а потом отправиться в офис к Клетсу. Поздно вечером, когда там никого не будет. Если Люси права и он в самом деле планирует загипнотизировать и удерживать под контролем тысячи, а может, и миллионы человек, если он уже подчинил своей власти сотни знаменитостей, то ему не под силу держать все детали операции в голове. Он обязательно должен вести учет — или письменно, или на компьютере. Где-нибудь наверняка есть потайное место, в котором он прячет свои планы — может, в буфете под замком, а может, в запертой комнате. И, я думаю, мы найдем какие-нибудь намеки, которые подскажут, связан ли он с похищением Дивины Наттель.

— Но почему сначала мы должны наведаться к нему в офис? Почему не домой?

— Потому что дома он ночует. Очнись, Молли.

— Ладно, ладно. — Молли придвинула к себе карту Лос-Анджелеса. — Его офис расположен в Вествуде, неподалеку от Беверли-Хиллз. Туда нужно ехать на шестьдесят седьмом автобусе.

— Почему на автобусе?

— Так мы не вызовем подозрений. Возьмем с собой Петульку и будем похожи на пару детей, которые выгуливают собаку вместе с., гм... дядюшкой.

Через тридцать минут перед ними послушно стоял Нокман. На нем была рубашка с коротким рукавом, разрисованная экзотическими птицами, и шорты-бермуды в цветочек. Этот наряд купила ему миссис Тринкелбери. Рот был разинут, и Молли увидела, что у Нокмана в зубах шесть или семь пломб. Петулька с подозрением обнюхала его ноги в пластиковых шлепанцах.

— Неохота опять воздействовать на него, — проговорила Молли. — Он так хорошо исправлялся. Надеюсь, новая порция гипноза не повлияет на его курс лечения. И еще сильнее надеюсь, что небольшое нарушение закона не заставит его вернуться к былой преступной жизни.

— Мы же не вмешиваемся в его самосовершенствование, — возразил Рокки. — Это всего на один вечер и к тому же ради хорошего дела. Он не запомнит того, что делал.

— Ладно, — вздохнула Молли и сосредоточилась. — Нокман, сегодня вы пойдете с нами. Скажете миссис Тринкелбери, что должны сделать кое-какую работу для нашего благотворителя — сменить замки на парадной двери.

— Корошо, — кивнул Нокман.

— Захватите с собой все, что вам необходимо для того, чтобы вскрыть обычные замки, расшифровать комбинации цифр на кодовых замках и взломать компьютерные файлы. Представьте себе, что вам нужно ограбить хорошо защищенный офис. Вам нужно что-нибудь особенное? — Молли помолчала, давая ему подумать.

— Мне — нушна — фсрыфчатка,

— Нет, взрывчатку брать нельзя. От нее слишком много шума и неразберихи.

— Быфают замки, — покачал головой Нокман, — которые — фскрыть — нефосмошно. — Молли бросила на Рокки обеспокоенный взгляд. Взрывчатку брать нельзя. Клетс не должен узнать, что они проникали в его офис

— Об этом никто не должен знать, — предупредил Рокки.

— Никто, — покорно повторил Нокман.

— Встретимся у входа в отель сегодня в десять часов вечера, — велела Молли. — Теперь идите и проведите остаток дня с попугайчиками и миссис Тринкелбери. Выйдете из транса, как только закроете за собой дверь нашей комнаты.

Нокман кивнул, как запрограммированный робот, и заковылял прочь.

Молли вздохнула и открыла раздвижную дверь. Ей представилось, как внизу, у бассейна, служители раскладывают по шезлонгам мягкие подушки и сачком вылавливают из воды дохлых насекомых.

— Хорошо получилось, — похвалил ее Рокки и зевнул. — Давай тоже пойдем к бассейну. У нас впереди целый день. Хочу поучиться нырять.

— Чтобы нас опять узнали? — резко возразила Молли. — Откуда мы знаем, кто там околачивается у бассейна? Если Клетс и впрямь такой могущественный, как рассказывает Люси, то у него повсюду шпионы. Нельзя рисковать.

Рокки огорченно вздохнул.

— Ты, пожалуй, права. — Он взял фотографию Клетса и стал пририсовывать к ней клюв и крылья. Где-то вдалеке гостиничный попугай хрипло прокричал: «С добр-р-рым ут-р-р-ром, с добр-р-рым ут-р-р-ром!»

Молли задернула занавески, чтобы солнце не мешало, и со вздохом взяла каталог гостиничной видеотеки. Похоже, сегодня весь день придется провести за просмотром фильмов.

Глава одиннадцатая

В тот же вечер, в десять часов, Молли тихонько выскользнула из отеля. Миссис Тринкелбери осталась в вестибюле с бокалом розового напитка и пакетом крендельков в руках. Старушка пребывала в полном блаженстве — со всех сторон до нее доносились последние голливудские сплетни о вручении наград киноакадемии. Для нее так и осталось тайной, куда же на самом деле собрались Молли, Рокки, Петулька и Нокман. Выйдя на улицу, компания направилась к автобусной остановке, расположенной напротив гостиничных дверей. Молли и Рокки надели широкополые шляпы, скрывавшие лица. Нокман нарядился в черный джемпер и черные брюки. В руках он нес небольшую брезентовую сумку — Молли полагала, что в ней лежат инструменты.

— Вид у вас, гм, профессиональный, — заметила Молли.

— Плакотарю, — поклонился Нокман.

— Ни дать ни взять вор-домушник, — шепнул подруге на ухо Рокки. — Надеюсь, он все-таки выглядит не слишком профессионально. Мы не хотим привлекать внимания. Лучше я сам понесу инструменты.

Петулька принялась. В воздухе почему-то стоял запах множества собак. Она огляделась и увидела позади огромные очертания собачьей морды. Под мордой висела вывеска: «У Беллы. Салон красоты для пуделей и отель для собак». Петулька не понимала смысла этих слов, зато нюх у нее был отличный. Ее нос учуял Лабрадора, йоркширского терьера, бульдога и какого-то странного пса с восточным запахом. Были там собаки и других пород, которые она не знала. А поверх всех этих запахов витал аромат шампуня, духов и ароматических масел. Здесь, несомненно, располагался собачий салон красоты. Петулька надеялась, что Молли, когда закончит все свои хлопотные дела, отведет ее сюда, вымоет и высушит феном.

— Тяв! — подала она голос, чтобы привлечь внимание Молли к своей находке. Но девочка ее не услышала. У нее в голове, будто змеи на роликовых коньках, кружились мысли одна другой страшнее.

Может быть, думала она, у Праймо Клетса в офисе работают и другие гипнотизеры — например, те громилы, что по ночам изображают охранников? Что делать, если их поймают? Придется притвориться обыкновенными местными ребятами, которые забрались в офис из чистого хулиганства. Но тогда где же их американский акцент? И как объяснить присутствие Нокмана, который будет маячить рядом,

загипнотизированный, как пень? Молли казалось, что они собираются прыгнуть с лодки в море, кишасщее акулами.

— Как ты думаешь, он не засиживается на работе допоздна? — встревоженно спросила она у Рокки.

— Не-а, — отозвался мальчик. — По ночам он выходит в свет со своими знаменитыми приятелями. Загипнотизированными звездами. Наверняка сейчас торчит в каком-нибудь модном ресторане.

И он сам, и Молли знали, что эта безобидная картинка не имеет ничего общего со зловещей реальностью — с истинной личностью Праймо Клетса. Поэтому на душе легче не стало.

Из грустных размышлений друзей вывел бело-синий автобус шестьдесят седьмого маршрута. Он, пытаясь, подъехал к остановке, ребята вошли и купили билеты. Молли была рада, что внутри стоял полумрак и почти не было пассажиров, поэтому ее никто не узнал.

Автобус покати́л на запад. По обе стороны дороги тянулись удивительные здания. Под названием «Приют Ковбоя» скрывалась бревенчатая постройка с неоновыми огнями на фасаде. Отель «Изумрудная Корона» был похож на свадебный торт, и зеленый ковер с его крыльца расстился вдоль дороги, как пляж из травы на берегу асфальтового моря. Плакат «Гандолли — в президенты!» висел возле громадного щита в форме ящерицы над музыкальным салоном «Отпадный Музон». Пурпурная рептилия в темных очках и с наушниками выглядела куда круче, чем ощерившийся улыбкой политик в ковбойской шляпе. Перед входом в клуб под названием «Виски-Эй-Го-Го» толпились азартные посетители. Афиша у дверей сообщала, кто выступает сегодня вечером.

— Ух ты! Хотел бы я туда попасть! — вздохнул Рокки.

Молли обратила внимание на человека, сидевшего под ярко освещенной вывеской «Здесь продаются звездные карты»

— Что такое звездные карты? — спросила она шофера

— Это карты, на которых показаны все улицы Беверли-Хиллз и Голливуда, с указанием, где живут какие звезды, — ответил он, переставляя декоративные кактусы на приборной доске.

— Что? — изумилась Молли. — По этим картам можно отыскать дом любого артиста?

— Да, конечно. Можешь к ним подойти, посмотреть, как эти дома выглядят снаружи, только приближаться нельзя. Там повсюду охранники. А как же без них? Иначе поклонники проходу бы не давали. Молли была поражена.

— Мы уже в Беверли-Хиллз?

— Да. Видишь, какие тут обочины нарядные? Кругом цветы. А дальше — там еще красивее. Все аллеи пальмами усажены, лужайки у домов зеленеют, а если повыше в горы подняться — там у них целые поместья. Но мы едем к деловым кварталам.

Автобус проехал мимо большого розового здания под вывеской «Отель „Бeverли-Хиллз“».

— Одна ночь в самом дешевом здешнем номере стоит моей двухнедельной зарплаты, — сообщил шофер.

Вскоре они добрались до Вествуда,

— Рад был познакомиться, — попрощался водитель.

С тихим шипением двери автобуса закрылись. Словно избавившись от ненужного груза, автобус с облегчением покатил дальше по извилистой дороге. Молли, Рокки, Петулька и Нокман стояли на широком тротуаре у поворота на боковую улочку под названием Орхидейный проспект. В стороне, сверкая темно-синими стеклянными стенами, высился громадный особняк «Клетс-Центр» — главный офис Праймо Клетса. Молли тотчас узнала его. Плоскую крышу венчала гигантская золотая эмблема в виде огромного диска — два черных когтя вертят и терзают золотую тарелку. Молли содрогнулась.

Напротив «Клетс-Центра» зеленел небольшой сквер с лимонными деревьями. Стараясь не привлекать внимания, Молли и Рокки повели Петульку с Нокманом к скамейке. Петулька начала принюхиваться. Место оказалось удачное. Отсюда было удобно наблюдать за входом в крепость Праймо Клетса.

— Странная у него эмблема. Как будто когти вцепились в монету, — заметил Рокки.

— Или черные языки пламени поглощают золотистый земной шар, — предположила Молли.

— Или еще страшнее — черные ресницы вокруг золотого зрачка. Но если ничего не знать о Клетсе, то этот символ выглядит просто причудливым, не больше.

— Как ты думаешь, Клетс еще там или уже ушел? — спросила Молли.

— Выяснить это можно только одним способом...

Глава двенадцатая

Бригада сыщиков на цыпочках пробиралась по мозаичному тротуару к сияющему огнями парадному входу в здание Клетса, Молли заметила под ногами выложенное из черно-белого кафеля изображение сороки. Нокман ковылял следом, переваливаясь, как пингвин.

При их приближении черная стеклянная дверь раскрылась, и на ребят тяжелым взглядом уставился могучий охранник с короткими волосами «ежи́ком». Его глаза скрывались под нависшими кустистыми бровями.

— Чем могу служить? — спросил он голосом, в котором явственно слышалось желание задушить незваных гостей.

— Помогите нам, пожалуйста, — вежливо ответила Молли, но в душе вскипела. Она никогда не любила взрослых грубиянов. Кем себя вообразила эта гиена в человеческом обличье? Молли уверенно подняла на него зеленые глаза

Необычайная сила Молли во много раз превосходила возможности любого обычного гипнотизера. В считанные секунды она могла пропитаться атмосферой, которая окружает каждого человека, и определить его слабые места. Она чувствовала, сколько гипнотического воздействия потребуется, чтобы подчинить себе этого человека. Пока она разглядывала охранника, внутренний гипнотический датчик, похожий одновременно на термометр и на таймер в духовке, сообщил, что крутой «ежик» дошел до полной кондиции. Он благоговейно взирал на девочку, будто видел в ней богиню.

— Вы здесь одни? — спросила его Молли.

— Да.

Девочка огляделась в поисках скрытых видеокамер и заметила сразу две.

— Кто просматривает изображение с этих камер? — спросила она — Наблюдает ли кто-то за нами в эту минуту?

— Нет, — покачал головой охранник. — Запись — сохраняется — в банке данных — и ее — просматривают — только — если — что-нибудь — случается. Например — в случае — ограбления. У меня есть — сигнальная — кнопка — вызывающая — полицию. Тогда они — приезжают — в компанию — и смотрят — запись.

— Сегодня ни в коем случае не нажимайте на эту кнопку.

— Хорошо, мэ.

— Ладно, умный дядя. А теперь отведите нас в офис Праймо Клетса, Вы сегодня вечером кого-нибудь ожидаете?

— Нет, мэм.

— Бывают ли у вас посетители, не предупреждающие о визите? Не заглядывает ли неожиданно Праймо Клетс?

— Иногда, мэм.

— Знаете ли вы, где он находится сегодня ночью? — прошептала Молли.

— Нет, мэм.

— Ладно, ведите нас наверх.

Поднявшись в лифте с серебристыми стенами, Молли, Петулька, Рокки и Нокман прошли по синему каменному коридору и очутились в круглом внутреннем дворе. Мраморные стены были разрисованы знакомым темным орнаментом — то ли языки черного пламени, то ли когтистые лапы. Ночной охранник подошел к черной двери и набрал код электронного замка. Дверь тихо отворилась. Ребята очутились в кабинете Праймо Клетса.

Комната была залита синеватым светом — это огни уличных фонарей просачивались сквозь синие стекла окон.

— Можете вернуться на свой пост, — сказала Молли охраннику. — Как только скроетесь из виду, вы забудете о том, что мы вошли сюда и загипнотизировали вас. Будете вести себя как обычно. Если придет мистер Клетс, вы позвоните в этот кабинет — так, чтобы он не слышал, — и предупредите нас. Тогда мы уйдем. Какой код на дверном замке?

— Ноль — девять — шесть — ноль.

— Хорошо. Можете идти. — Охранник удалился.

— Ладно, перейдем к делу, — сказала Молли. — Поищем, где он прячет секретные записи.

Она окинула взглядом ультрасовременный кабинет. Высокое, от пола до потолка, окно в дальнем конце выходило в сквер. На стене висела огромная картина маслом: невероятно красивая сорока сидит в гнезде, полном всяких блестящих штучек — монет, драгоценностей, золотых украшений; среди них выделялся большой, прозрачный как лед бриллиант. Противоположная стена скрывалась за книжными полками. По полу тянулись черно-белые полосы. Перед окном стоял черный лаковый столик в стиле «ар деко». На нем, указывая в потолок, возвышались два слоновьих бивня на серебряных подставках.

— Какая мерзость, — сказал Рокки. — Лучше пусть меня самого застрелят, чем я дам ставить бивни в виде украшения. — Тут он взглянул на пол и от изумления разинул рот. — А ковер-то! Шкуры зебр, от стены до

стены. — Онемевший Рокки не мог выразить, как он относится к такому варварству. Петулька обнюхала пол. Он пах лошадьми.

Чувствуя себя рыбой, плавающей в синеватой воде, Молли бросила другу пару резиновых перчаток.

— Вот, — сказала она. — Надень. Нельзя оставлять отпечатки пальцев. — Она тоже натянула перчатки, подошла к столу Праймо Клетса и принялась выдвигать ящики, надеясь, что один из них окажется запертым.

Рокки проверил книжные полки — нет ли там потайного сейфа.

— Может, он и не запирает свои секреты. Здесь есть компьютер?

Молли покачала головой и быстро перелистала содержимое одной из папок. В ней лежали фотографии скульптур, изображавших зверей — больших, стальных, злобных. Руки в перчатках вспотели.

Нокман молча стоял рядом, ожидая приказаний.

В нижнем ящике стола Молли наткнулась на документы, рассказывавшие, какие компании Праймо купил за последнее время. Другие бумаги показывали прибыль от его собственных компаний. Самыми крупными были «Праймоспид», «Компьюклетс» и «Клетс Ойл», но даже более мелкие — «Дубовая Роща», «Витавелл», «Трик-трак», «Домашняя Мода» и «Тонкие Звонкие» — оказались весьма прибыльны. Молли изучала цифры в банковских декларациях Клетса и диву давалась — она никогда не видала таких больших сумм. Но искала она не это.

Она нашла кучу документов, подтверждавших, что Клетс необычайно богат, пользуется огромным влиянием и владеет множеством предприятий — от бензозаправочных станций до крупных газет, но ни одна из записей не выдавала в нем гипнотизера.

Потом Молли потянулась за небольшим блокнотом, похожим на адресную книгу, и тут ее пальцы наткнулись на что-то мягкое. Она потянула находку — в руках оказалась небольшая соболья перчатка. Она идеально подошла бы и самой Молли.

— Рокки, посмотри. Неужели это...

Она выдвинула ящик подальше, выискивая вторую перчатку.

— Но почему Праймо Клетс держит в ящике стола детскую меховую перчатку? — хриплым шепотом спросила она.

Рокки хотел ответить, но тут в коридоре послышались голоса.

Глава тринадцатая

Молли быстро подтащила Нокмана к письменному столу и втокнула в тесный закуток под столешницей. Они съежились, затаив дыхание, будто две мелкие плотвички и толстый карась, спрятавшиеся под камнем.

— Сидите тихо, как... как покойник, — с жаром шепнула Молли.

Нокман тотчас же закатил глаза и высунул язык.

— Вряд ли это Праймо Клетс, — прошептал Рокки. — Иначе охранник позвонил бы нам.

Электронный замок пискнул четыре раза.

— Петулька! — ахнула Молли. Собачка исследовала гриву зебровой шкуры в дальнем углу кабинета. От шкуры пахло какими-то жаркими, далекими странами. Чтобы получше принюхаться, Петулька выплонула камушек, который по своему обыкновению держала во рту.

Дверь распахнулась, и женский голос, неожиданно громкий, произнес

— Туалетная бумага «Шелест» идет очень хорошо.

Молли в мыслях отчаянно подзывала Петульку к себе и надеялась, что та спрячется прежде, чем включают свет.

— Этому очень помогает кампания с тем боксером... как его...

— Кинг Лосс, — подсказал мужской голос

— Да, Кинг Лосс. Тот ролик, где он говорит, что эта бумага его достойна

Внезапно вспыхнул свет. От испуга Молли чуть не упала в обморок. Жилы на горле запульсировали с такой силой, что заболела шея. Если эта пара, кто бы они ни были, подойдет слишком близко к окну, то легко увидит под столом ее, Рокки и Нокмана. А Петулька — просто пожарная сирена, готовая вот-вот вступить в действие.

Нежданные посетители стояли перед картиной с изображением сороки.

— Ты видела этот ролик? — спросил мужчина.

— Тот, где Кинг Лосс ведет матч с ожившим рулоном туалетной бумаги и проигрывает? Да, и долго смеялась.

— А ты нечасто смеешься, Салли.

— Хватит язвить, Синклер. Ты и сам не сгусток веселья.

— Это все из-за работы.

— Может, стоит показывать по твоим каналам больше комедий? — предложила Салли.

— Комедий там и так хватает, — ответил Синклер. — Только мне некогда их смотреть. Праймо загрузил меня делами по горло. Давай-ка поторопимся. Ты наверняка знаешь, где эта папка, ты здесь каждый день бываешь.

Наступила тишина, которую нарушало только шуршание папок — это Салли рылась в ящиках. Молли оцепенела от страха Рокки глядел в пол, изображая неподвижную табуретку, и пытался вспомнить, в порядке ли он оставил бумаги на столе.

— Вот она, — послышался голос Салли. — Это небольшая компания, выпускающая наручные часы. Называется «Таймеццо». Праймо разрешил мне заниматься этим проектом самостоятельно. Собирается продвигать «Таймеццо» на рынок, пока у каждого человека в Америке не появятся часы этой фирмы. Я положу на это все силы. Рекламирывать часы будет Тони Вам. Слоган будет примерно таким: «Кун-фу: выбирайте нужный момент для удара». Хочу поскорее рассказать Праймо.

— Очень уж ты рвешься ему услужить.

— уж кто бы говорил, учительский любимчик.

— Давай не начинать опять тот же спор. Так чего ты от меня хочешь?

— Выдели часам бесплатное рекламное время на «Айсберг-ТВ», — сказала Салли. — Вот, возьми эти экземпляры. — Молли застыла: мужские шаги приблизились к противоположному концу письменного стола. Внезапно мужчина заговорил:

— Ну и ну! Смотри-ка, опять эта собачка.

Из уголка за дверью лукаво выглядывала Петулька.

— Какая собачка?

— Ну эта, вон тот мопсик. Мне говорили, что вчера в здании видели собачонку, и смотри-ка — она опять здесь. Как она сюда попала?

Молли широко раскрыла рот, но с губ не сорвалось ни звука.

— Ах ты, бедняжка. Давно тут сидишь? Иди-ка сюда, малышка. — Молли услышала, как Петулька заковыляла к незнакомой женщине. Она всегда любила, когда ей чешут брюшко.

— Ой, посмотри, какая милашка Почесать тебе животик? Наверно, Синклер, она хочет попробоваться в твоих рекламных роликах кормов для собак, — рассмеялась Салли. — Ах, ну какая же ты лапочка! И какой у тебя маленький носик! Синклер, ты непременно должен найти ей работу!

— На следующей неделе вставлю ее в рекламный ролик собачьего печенья, — усмехнулся Синклер.

— Может, взять ее домой? Молли прикусила губу.

— Нет, Салли. Собачка живет где-то поблизости. Будь разумной. Надо

просто вынести ее на улицу на обратном пути. — При этих словах свет в кабинете погас. — Пошли, песик, — присвистнул Синклер. Петулька, по видимому, не тронулась с места.

— Не собирается она никуда идти. Хочет сначала подписать контракт, — рассмеялась Салли.

«Уходите. УХОДИТЕ ЖЕ», — мысленно взмолилась Молли.

Видимо, Салли подхватила Петульку на руки, потому что в следующий миг дверь закрылась, и разговор Синклера с Салли затих в конце коридора.

Молли и Рокки выждали несколько минут и только потом отважились выбраться из укрытия. У Молли подкашивались ноги. Она не понимала, в какую серьезную переделку попала, пока они не оказались буквально загнанными в угол за письменным столом. Ребята легли на живот и выглянули в окно. Вскоре из дверей здания показались Синклер и Салли. Темноволосая женщина опустила Петульку на землю и рассмеялась: собачка без промедления направилась обратно ко входу в здание. У Петульки был решительный вид маленького бульдога, который умеет настоять на своем. Синклер раздраженным взмахом руки подозвал женщину к спортивному автомобилю, стоявшему у обочины. Громко взревел двигатель, и машина скрылась из виду.

— Бр-р-р, — содрогнулась Молли. — С меня хватит, Давай отсюда выбираться.

Рокки три-четыре раза повел плечами, чтобы стряхнуть нервную дрожь.

— Как ты думаешь, эта парочка — гипнотизеры?

— Может быть, их самих загипнотизировали... Не хочется, чтобы они рассказали Клетсу о Петулке. — Молли склонилась к Нокману. — Теперь можете ожить, только ведите себя хорошо. — Нокман выкарабкался из-под стола. — Должен же где-то быть тайник, в котором Клетс хранит свои секретные документы, — нетерпеливо пробормотала Молли.

— Может, он уносит их домой.

Молли подняла глаза на картину с сорокой. Мгновение спустя Нокман надел резиновые перчатки, взгромоздился на бархатное кресло и, балансируя на спинке, снял картину со стены. Под ней, будто еще одна картина, прорисовывались очертания потайного сейфа величиной с микроволновку. В середине дверцы виднелся медный наборный диск с мелкими цифрами.

— Вот — оно, — сообщил Нокман, с энтузиазмом колотясь о дверцу головой.

— Можете его вскрыть? — спросила Молли.

— Ешчо — бы, — заявил Нокман. — Фирма — «Глок и Гаттман» — тысяча — тевастьсот — шестьдесят — пятый — кот. Красафетс. Я таких — три штуки — фскрыл. Они — как богатые — пошилые — леди: трутно — отшарофать — но дело — стоящее.

— Стоящее?

— Да, стоящее.

— Вряд ли миссис Тринкелбери будет рада услышать от вас такие слова, — заметила Молли, думая о том, как близко к поверхности лежат его давние преступные привычки. Нокман зарделся от стыда.

— Ладно, вскрывайте, — разрешила Молли. Нокман кивнул и неуклюже уткнулся лицом

в сейф, как будто собирался его расцеловать. Стукнулся о дверцу носом. Потом приложил ухо к медному диску и правой рукой стал его поворачивать.

— Надеюсь, он сумеет вскрыть его под гипнозом, — пробормотал Рокки.

— Угу, — буркнул Нокман, повернув диск на сорок пять градусов вправо.

— Смотри не спугни его, — предостерегла Молли.

— М-м-м-м, — промычал Нокман и повернул диск на шесть градусов влево.

— Как он это делает?

— Ума не приложу. Хоть бы он поторопился.

— А-га-а, — хрюкнул Нокман, как будто застукал лису, забравшуюся в курятник.

Пока Нокман мычал, хмыкал и щелкал диском, Молли достала из сумки микрофотоаппарат. Интересно, что прячет Клетс в потайном сейфе? Молли дрожала от предвкушения и страха одновременно.

Вдруг Нокман резко вздохнул, потянул за вольфрамовую рукоятку, и внутри сейфа эхом отозвался торжествующий щелчок.

— Котофо! — воскликнул Нокман.

Дверца распахнулась.

В следующий миг лицо взломщика вытянулось: он увидел, что внутри нет ни бриллиантов, ни других драгоценностей. Только четыре черные папки лежали стопкой, будто спящие чудовища. Нокман передал их Молли.

— Сначала ты, — сказала другу Молли.

— После тебя, — ответил Рокки. Молли раскрыла одну из папок.

— Вот это да! — Молли не верила своим глазам. С первого листа из толстой пачки на нее смотрела фотография Космо Аса. Над ней чернел

заголовок: «Кампания по батончикам „Небо“». Ниже столбиком шли даты и адреса. Но снимок не был похож на привычное лицо героя, хорошо знакомое по телевизионной рекламе. Кажется, этот человек был ошеломлен... или оглушен наркотиками... или... загипнотизирован.

— Люси не ошиблась, — хрипло проговорил Рокки.

Дрожащими руками они с Молли взяли по одной папке и быстро пролистали. Да, им посчастливилось наткнуться на самое главное. Все листы бумаги были оформлены одинаково: вверху — имя человека, в правом нижнем углу — фотография размером с паспортную, будто марка на конверте. Молли и Рокки не могли сдержать изумления.

— Как же их много! Он загипнотизировал почти всех кинозвезд в Голливуде!

На некоторых листах была сделана надпись красными чернилами. Очень короткая: «День В».

Молли наткнулась на листок Сьюли Шампань. Странно было видеть знаменитое на весь мир лицо на маленькой черно-белой фотографии. Сьюли Шампань была не похожа на себя обычную, веселую и жизнерадостную. Эта Сьюли казалась одурманенной. На ее листке тоже значилось: «День В».

— Как ты думаешь, что такое «День В»? — спросила Молли.

— Не знаю. Может, день, когда он добьется всего, чего желает? — отозвался Рокки. — Смотри, Билли Боб Бимбл тоже здесь.

— Считаешь, надо сфотографировать каждую из этих страниц? — прошептала Молли.

— Да. Я их подержу, а ты снимай.

Так они и сделали. Молли стянула липкие резиновые перчатки и принялась щелкать фотоаппаратом. Перед объективом проходили снимки знаменитостей, хорошо известных Молли, и незнакомые ей лица. Вспышка выхватывала из темноты изумленные глаза Рокки и Молли. Были в папках и полусонный Геркулес Стоун, и Глория Сердсенс, приоткрывшая рот, будто рыба, и Кинг Лосе со скошенными глазами, и Стефани Гулляш, улыбающаяся, как пластиковая кукла. Но в сейфе были дела не только киноактеров и поп-звезд. Были там и телеведущие, и знаменитые спортсмены, и дикторы, видные бизнесмены, издатели газет, журналисты, художники, писатели, владельцы ресторанов, врачи, высшие полицейские чины, армейские офицеры, политики.

— Не удивлюсь, если он загипнотизировал самого президента Соединенных Штатов, — сказал Рокки.

Документы лежали в алфавитном порядке, и Молли обнаружила

множество страниц с проставленными именами, но без фотографий. Кто это? Люди, которых Клетс планирует загипнотизировать, но еще не успел? На некоторых листках красными чернилами было помечено: «Активировать перед днем В».

— Что же это за день В? — не унималась Молли.

— Наверняка на этот день запланировано нечто грандиозное. Надо только установить, что именно.

Но самый страшный листок принадлежал Дивине Наттель. Она смотрела со снимка такими испуганными глазами, будто перед ней только что взорвалась атомная бомба. Кроваво-красный крест перечеркивал страницу, словно взмах убийственного ножа,

— Боже мой, — ахнула Молли. — Неужели он?... Рокки в ужасе взгляделся в листок.

— Значит, Праймо Клетс и вправду замешан в ее похищении. Мало того, он сам его и заказал.

— Или сам похитил.

— Но зачем?

— Не знаю. Знаю только, что мы играем с огнем и надо поскорее выбираться отсюда.

Рокки и Молли спешили изо всех сил. Они скорчились на полу, чтобы вспышек фотоаппарата не было видно с улицы. Нокман уселся в бархатное кресло и время от времени бормотал: «Тик-так», или «Клик-клик», или «Гм-м-м», и прищелкивал пальцами.

Час спустя Молли сделала семьсот шестьдесят снимков, и картина с сорокой была водружена на место.

— Он не узнает, что мы были здесь, — с надеждой произнесла Молли.

— Если только не следит за нами.

— Хватит меня пугать!

В здании было тихо, как в египетской пирамиде, на улице — безмолвно, как на кладбище. Тишину нарушали только далекие гудки автомобилей. Молли велела охраннику вызвать им такси и затем, когда они уедут, полностью забыть обо всем, что произошло ночью. Петулька терпеливо ждала у дверей офисного здания. Молли подхватила ее на руки и крепко обняла.

— Ах ты, противная зверушка!

Вернувшись в «Шато Мармозет», Молли велела Нокману тоже забыть о случившемся.

— Можете рассказать миссис Тринкелбери, что мы провели вечер в гостях у благотворителя и что дом у него очень красивый, гм, даже

роскошный, там полным-полно дорогой мебели и толстых ковров, и, гм, дверей. Да, целые сотни запертых дверей, от которых его юный племянник повыбрасывал ключи, и вам пришлось вскрывать каждый замок и делать к нему новый ключ. Скажите, что видели благотворителя только на короткий миг, потому что он спешил на деловой ужин. Скажите, что он похож на...

— На доброго старичка, — предложил Рокки.

— Да, седовласый, с усами, и одет он был...

— В розовый костюмчик.

— Да, он был похож на Деда Мороза в розовом костюмчике. А если миссис Тринкелбери спросит вас о других подробностях, скажите, что больше ничего не помните.

Молли не удержалась и добавила:

— И, мистер Нокман, ваше исправление идет очень хорошо. Вы стали гораздо лучше, чем были раньше. Вы всем очень нравитесь.

Нокман кивнул. Потом Молли щелкнула пальцами и вывела его из транса.

* * *

Ребята вернулись в свое бунгало и спрятали микропенки в ящике комода в Моллиной спальне. Молли отыскала в портфеле номер телефона Люси и принялась крутить диск.

— Люси обрадуется, — заметила Молли.

— Надеюсь, ее телефон не прослушивается, — проворчал Рокки.

На линии раздавались длинные гудки.

— Она наверняка уже встала — в Брайерсвилле сейчас десять часов утра, — сказала Молли. Но ответа по-прежнему не было.

— Представляешь, сколько ей нужно времени, чтобы сходить в магазин на костылях? — сказал Рокки и зевнул. — Позвони завтра.

Но Молли не терпелось рассказать Люси о Дивине и о загипнотизированных кинозвездах. И еще она хотела спросить, что делать дальше. Она с неохотой положила телефонную трубку.

— Увидимся утром, Зефиринка, — сказал Рокки, стараясь шуткой отогнать мучивший обоих страх, и направился к кровати.

Молли и в самом деле чувствовала себя, как зефиринка — мягкая, раздавленная и такая же пустая изнутри. От усталости она едва нашла силы чтобы раздеться. Уснула она, как только голова коснулась подушки.

Глава четырнадцатая

Второй день в «Шато Мармозет» выдался более жарким, чем первый. Температура побивала все мыслимые рекорды. В вестибюле крутились вентиляторы, но люди все равно сидели в шезлонгах и обмахивались книгами.

Атмосфера в Лос-Анджелесе тоже накалялась: приближалась церемония вручения наград киноакадемии. До праздничного вечера оставался всего один день. Во всех отелях и на виллах отдыхали и готовились к торжественному событию знаменитые режиссеры, продюсеры, актеры, актрисы, сценаристы, музыканты, юристы, агенты. А модельеры, парикмахеры, стилисты из салонов красоты, ювелиры, компании по прокату лимузинов, цветочные магазины, визажисты и составители речей работали в полную силу. По всему городу организовывались группы поддержки, имена номинантов на «Оскара» были у всех на устах. У всех, кроме Молли.

Она торопливо шагала по вестибюлю. Сегодня она набралась храбрости и вышла на шумные полуденные улицы, чтобы отнести пленки в фотолабораторию для проявки. Теперь драгоценная информация лежала в конверте у нее под мышкой. Девочка шла, опустив голову, потому что всякий раз, как в вестибюле слышались шаги, все сидящие в креслах поднимали головы, чтобы посмотреть, кто идет — знаменитость или нет. Молли не хотела, чтобы ее опять узнали, к тому же со сведениями, добытыми этой ночью, она чувствовала себя уязвимой. Ей казалось, что возле бунгало ее непременно будут поджидать два дюжих охранника из команды Клетса. Однако девочке удалось без приключений добраться до прохладной, кондиционированной спальни, и она вместе с Рокки села пересчитывать людей, которых загипнотизировал Клетс.

— Двести семнадцать он еще обработать не успел, но пятьсот сорок два уже в его власти. Значит, всего он планирует контролировать, — Рокки быстро подсчитал, — семьсот пятьдесят девять человек.

— И еще Дивину, загипнотизирована она или нет, жива или мертва, — сурово напомнила Молли.

— Интересно, как Клетс это делает? — задумался Рокки. — Пользуется маятником или, как я, полагается только на голос? Или пускает в ход глаза?

— Откуда нам знать? — пожала плечами Молли и вздрогнула — Ясно

только одно: нам не разгипнотизировать такую уйму народу. Больше семисот человек!

— Мы знаем все их адреса, — напомнил Рокки.

— Ну и что? Даже если разгипнотизировать по два человека в день, в году всего триста шестьдесят пять дней. На это уйдет много месяцев. А что, если Клетс будет гипнотизировать их повторно? И как это проделать, чтобы Клетс ничего не узнал? Он наверняка пойдет по нашим следам. Сожрет нас, как крокодил сжирает...

— Головастиков?

— Да, — кивнула Молли, находя выдуманный им образ тошнотворным.

Она собрала фотографии и заперла их в сейф. Снаружи доносился голос миссис Тринкелбери, уговаривавшей Роджера не забираться так высоко на дерево. Молли вышла на лужайку и долго смотрела, как внизу, у подножия холма, постояльцы отеля с наслаждением плещутся в бассейне. До чего же она им завидовала!

— Рокки, как мне хочется искупаться! Но лучше давай позвоним Люси. Может, она придумает, как разгипнотизировать всех звезд. Ох, как было бы здорово ничего не делать, ни над чем не работать, если бы не было этой... миссии.

Возле бассейна они увидели миссис Тринкелбери в старомодном купальном костюме и широкополой шляпе. Она возлежала в шезлонге, держа на коленях целую грудку журналов о знаменитостях, и кормила дроздов крошками от печенья. Служитель в белом костюме поставил на столик перед ней высокий бокал с зеленым напитком. Мистер Нокман стоял на трамплине, собираясь прыгнуть в воду. Из кроны суковатого дерева возле стены торчали ноги Роджера. Он развешивал на ветвях голубые бумажные самолетики.

Мистер Нокман бомбой обрушился в воду, подняв фонтаны брызг. Миссис Тринкелбери ответила громким воплем;

— Саймон, как вам не стыдно! Вы залили водой мой «Специальный выпуск Оскара»!

И тут Молли озарило. Она обернулась к Рокки.

— Когда состоится вручение «Оскаров»?

— Молли, разве ты не заметила? Весь город только об этом и говорит. Церемония завтра. Неужели не знаешь?

— Да вроде как знаю, — задумчиво произнесла Молли. — Только не думала, что это будет так скоро. Рокки, кто приходит на церемонию?

— Все. Все важные шишки из мира кино.

— Вот именно, — подтвердила Молли. Ей вспомнились телепередачи, в которых рассказывалось о вручении «Оскаров». Наград бывает очень много: для лучших актеров, режиссеров, операторов, сценаристов, композиторов, создателей спецэффектов, модельеров, продюсеров.

— Не понимаю, почему я раньше об этом не подумала. Идеальный выход. Где же еще мы сможем в один присест разгипнотизировать всех этих звезд? Рокки, мы тоже пойдем на церемонию.

Рокки приподнял бровь,

— Забавная мысль.

— Для кого забавная, а для кого и нет. Нам, Рокки, предстоит тяжелая работа. Если церемония состоится завтра, значит, надо поторапливаться. Чтобы попасть туда, мы должны выглядеть как дети кого-нибудь важного из киношников. Мне нужно платье, нам обоим нужна хорошая обувь, а тебе — смокинг.

— Чего?

— Специальный вечерний костюм. Позвоним Люси попозже.

С этими словами Молли побежала в номер за рюкзаком.

* * *

Ни Молли, ни Рокки не догадывались, что совсем неподалеку полным ходом идет обучение гипнотизму. Новые приверженцы могучего искусства проводили первый урок.

— Я думаю, для этого нам нужна полная тишина, — сказала Джемма, усаживаясь на ковре на колени. В этот миг в дверь кто-то заскребся. Джерри впустил Петульку.

— Ладно, Петулька, входи, только не шуми.

Петулька улеглась возле кровати и склонила голову набок, интересуясь, что задумали два человеческих детеныша Джемма и Джерри склонились над стеклянной банкой. Внутри сидел Виктор — самая большая мышь,

Виктор был недоволен: его вытащили из теплой соломенной постельки, где он отсыпался после тяжелого перелета. Он сгрыз вкусное семечко и бросил на двух человечков за стеклянной стенкой свой самый испепеляющий взгляд. Из-за стекла на него смотрел человек, которого он любил больше других и про себя называл Большим, и девочка, часто бывавшая рядом с Большим. Стекло искажало их фигуры. меховая тварь тоже была там.

— Итак, первый пункт мы выполнили, — произнесла девочка. — Джерри, ты уверен, что мыши пищат именно так?

— Да. Именно такой звук они издают, когда ложатся спать. — Мальчик тихонько, пронзительно запищал: — Ппппи-и-и-и-и! Попробуй теперь ты. — Девочка старательно изобразила такой же звук.

— Вот так. Пошли дальше. — Джерри тщательно изучил ксерокопированную инструкцию. — Здесь сказано: «Подражайте голосу животного, как будто уба-юкиваете его, пока животное не впадет в тра... тра...» Никак не прочитаю.

— В транс — Джемма взяла у него листок. — Это вроде как сон, в него впадаешь, когда тебя гипнотизируют. Будто спишь на ходу.

— Мы сделаем так, что Виктор будет спать на ходу?

— Мы введем его в транс «Когда животное впадет в транс, вы ощутите чувство слияния». Давай попробуем.

Виктор почесал задней лапкой за ухом и задумался, не осталось ли под беличьим колесом еще нескольких крошек от чипсов. И вдруг девочка за стеклом принялась громко пищать, словно очень большая мышь.

После пяти писков Виктор наострил уши. Девочка старалась что-то сообщить ему на мышьином языке. Но тон у нее был не совсем мышьиным. В нем чувствовался сильный человеческий акцент, однако писк все равно был разборчивым. Он переводился примерно как «Спыить, спыить, спыить». По-видимому, это означало «спать, спать, спать». Виктор немного обиделся. Ведь именно этим он и занимался перед тем, как его грубо разбудили и засунули в эту стеклянную посудину.

Петулька положила голову на передние лапы. Ей часто доводилось слышать, как мыши разговаривают друг с другом. Мало того, Петулька догадалась, что именно хочет проделать Джемма. Живя с Молли в Нью-Йорке, собачка много раз видела, слышала и, что гораздо важнее, ощущала, как гипнотизируют людей. Петулька чувствовала, что Джемма хочет загипнотизировать Виктора. «Но чувство у нее получается неправильное», — подумала Петулька, Голос девочки был успокаивающим, но в нем не доставало чего-то очень важного. Того, что имелось у Молли.

Петулька придвинулась к банке и заглянула мышке в глаза. Потом тихонько зарычала.

Виктор следил, как приближается меховая тварь. Он знал, что эта тварь не опасна, потому что часто бегал по полу вокруг того места, где она отдыхала. Однажды он даже нечаянно пробежал у нее по спине. Но он никогда не делал одного: не заглядывал этой твари в глаза. А сейчас заглянул. Глаза Петульки смотрели на него с нежностью. Виктору это

понравилось. Как будто смотришь на чудесный, большой, добрый, ласковый, добрый, ласковый, вкусный, ласковый, добрый, нежный сыр. И чем дольше Виктор смотрел на сыр — или это были глаза меховой твари? — тем сильнее его голова клонилась набок.

В конце концов он улегся на дне банки, будто на мягком, цветущем лугу, где нет ни одной кошки, и ему стало казаться, что он всю жизнь мечтал лежать вот так на дне банки и любоваться на добрый кусок мехового сыра.

— Посмотри-ка на Виктора, — сказала Джемма. — По-моему, у нас получилось!

— Ты хочешь сказать, мы его загипнотизировали? У тебя было чувство сливания?

— Слияния, — поправила Джемма — Не знаю. Наверно, было. Теперь, Джерри, давай попробуем заставить его что-нибудь сделать. Что бы такое придумать?

— Знаю, — воскликнул Джерри и включил плеер.

Над лужайкой, на которой спал Виктор, вдруг поплыла нежная мелодия свирели. За кривой стеклянной стенкой он увидел Большого — тот ритмично двигался под музыку.

Но Виктор так расслабился, что не мог двигаться. Он закрыл глаза и представил себе, будто лежит, как в гамаке, в корзинке цветка подсолнуха и смотрит на большую меховую сырную тварь.

Джемма и Джерри были разочарованы отказом Виктора танцевать, но поздравили себя с тем, что им все-таки удалось его загипнотизировать. На самом деле, конечно, у них ничего не получилось.

Глава пятнадцатая

В половине шестого Молли и Рокки вернулись в свое бунгало. Рокки отправился на кухню за напитками, а Молли взглянула на часы. Ей очень хотелось позвонить Люси Логан. Она прикинула, сколько времени сейчас в Брайерсвилле, сделав поправку на разницу часовых поясов. Выходило, что Люси, может быть, еще не легла спать. Поэтому, как только Рокки вошел с двумя бокалами «кьюта», она набрала номер.

Ей ответил сонный, хриплый голос

— Люси, это вы? Это я.

Библиотекарша кашлянула и прочистила горло.

— Да-да, это Люси. Молли! Как твои дела? Сейчас уже полночь.

— Все хорошо, — ответила Молли. — Извините, что разбудила. Люси, мы сделали потрясающее открытие. Вы были совершенно правы насчет Праймо Клетса. — И Молли подробно описала все, что случилось за последние двадцать четыре часа.

Он рассказала Люси, как нашла перчатку и папки с фотографиями знаменитостей. Рассказала о пугающей странице Дивины, перечеркнутой красным крестом. Объяснила, что они собрались пойти на вручение наград киноакадемии, чтобы там разгипнотизировать как можно больше звезд и попытаться выяснить, жива ли Дивина. Молли надеялась, что Люси поймет, что значат таинственные слова «День В», написанные красными чернилами, но Люси тоже не могла разгадать эту загадку. Через десять минут беседа явно стала приближаться к концу. Молли спросила:

— А как вы, Люси? С вами больше ничего не случилось?

— У меня все хорошо. Правда, трудновато уснуть с ожогами. — Люси вздохнула. — Я просто поражаюсь, Молли, как хорошо у тебя все получается. Но пожалуйста, будь очень осторожна. Не забывай, это не человек, а чудовище.

— Мы будем осторожны. И, Люси, скоро ли вы пришлете денег? Извините, но нам здесь выставляют громадные счета.

— Конечно, Молли. Сейчас же отправлю. — И с теплотой в голосе добавила: — Передай привет Рокки. Заботься об остальных. Звони почаще. До свидания.

Молли повесила трубку.

— Что она сказала? — спросил Рокки.

— Расскажу, пока мы будем упаковывать эти фотографии в конверты.

Кстати, у нас свободен целый день, и, по-моему, нам не помешает отдохнуть. Давай пойдем поплаваем!

— А ты не боишься?

— А что тут такого? Раз уж мы пойдем на вручение «Оскаров», то надо привыкать к мысли, что нас могут узнать. И к тому же, даже если Клетс видел наш ролик, то на этой неделе он наверняка слишком занят хлопотами с «Оскаром», чтобы заботиться о паре жалких гипнотизеров.

* * *

Сначала Молли и Рокки в махровых купальных халатах подошли к стойке администратора и отправили заказное письмо в Брайерсвилль, а потом вприпрыжку побежали к бассейну. Было уже почти шесть часов, однако солнце оставалось жарким, как печка.

Народу возле бассейна было немного. Миссис Тринкелбери и Джемма сидели в тени под навесом и ели мороженое. Молли и Рокки отыскивали себе шезлонги возле водопада. Рокки тотчас же нырнул в бирюзовую воду вслед за Роджером, а Молли надела соломенную шляпу и похлопала по своим худым, пятнистым ногам. Она хотела сначала немного позагорать, а потом уже идти купаться.

Молли закрыла глаза. Послеполуденное тепло, запах мяса, жарящегося где-то вдалеке, сладкое пение дроздов навяли на нее приятную сонливость. Лучи солнца пробивались сквозь веки, и весь мир казался оранжевым. Под приятный плеск водопада Молли начала понемногу успокаиваться.

Полежав так с минуту, Молли огляделась.

За столом под зонтиком, спинами к ней, сидели две деловые дамы. Обе были одеты в костюмы — одна в голубой, другая в нежно-розовый; волосы у них были уложены в аккуратные прически. Молли пригляделась к женщине в розовом костюме. В ее волосах мерцали белые и золотистые пряди, в лучах солнца поблескивала большая черепаховая заколка.

На ярком солнце эта заколка то подмигивала, то плясала, и чем дольше Молли смотрела на нее, тем сильнее прическа женщины напоминала ей гриву роскошной, ухоженной лошади. Пышный хвост разливался по спине дамы густой золотой волной.

Потом, под лучами палящего солнца, впившись остановившимся взглядом в мерцающую заколку, Молли ощутила, что где-то глубоко внутри медленно поднимается чувство слияния. Она припомнила, что произошло,

когда она пристально смотрела на куст в форме собаки в Брайерсвилле и на красный чемодан в аэропорту, и подумала: если долго вглядываться в эту черепаховую заколку, может быть, то холодное чувство слияния придет опять? И оно пришло. Где-то внутри тепло удивительным образом превратилось в холод. Однако сегодня этот холод не беспокоил Молли, потому что день был жарким.

По спине, щекоча, поползли мурашки, и девочку осенила неожиданная мысль. Что, если дать этому чувству завладеть ею полностью? Может быть, ее гипнотические способности не иссякнут, как она опасалась раньше, а наоборот — станут сильнее? Набравшись храбрости, Молли позволила холодному чувству слияния раскрыться пышным цветом. Она долго смотрела на черепаховую заколку, как будто хотела загипнотизировать ее. И пригласила в душу незнакомое холодное чувство. «Что будет дальше? — думала Молли. — Можно ли загипнотизировать заколку? Сделать так, чтобы она расстегнулась и упала на пол?»

Поначалу чувство было робким, оно ползло по телу, как тонкий ручеек. Потом хлынуло бурным потоком. И наконец захлестнуло, как ледяная волна Молли задрожала. Ей казалось, что по жилам струится прохладная, искрящаяся минеральная вода, а бриллиант на шее стал холодным, как льдинка. Ощущение было очень странным. Его нельзя было назвать совсем приятным, но тем не менее Молли не давала ему рассеяться. Она пристально смотрела на заколку и чувствовала, что загипнотизировала этот неодушевленный предмет. Неужели такое возможно?

Тут Молли заметила, что вокруг стало тихо. Очень тихо. Даже журчание водопада смолкло. «Интересно, почему его выключили?» — подумала Молли. Она обернулась, не страхивая с себя холодной оболочки.

Увидев, что творится вокруг, она оторопела. Ибо водопад и в самом деле не работал. Но его не выключили — он, будто внезапно замерзнув, застыл в воздухе твердым водяным полотнищем. Однако он и не превратился в лед — вода блестела

Молли огляделась. Джерри, игравший у воды, застыл, как статуя, в самой неуклюжей позе. Он балансировал на одной ноге, подняв другую, словно только что ударил по мячу. Его глаза были устремлены на мяч, зависший в воздухе, словно подвешенный на невидимой нити. А слева Джемма дала миссис Тринкелбери лизнуть мороженое. Язык миссис Тринкелбери торчал изо рта, будто красный червяк, наполовину погруженный в липкую розоватую жижу. А Джемма начала выдувать из жвачки пузырь, и мистер Нокман хотел сказать ей что-то одобрительное, но его слова застыли в воздухе. Дым от сигарет двух деловых дам повис

мутной пеленой. Весь мир был неподвижен, как картина, как большая трехмерная фотография.

Холодное чувство слияния затопило Молли. Она слышала только биение собственного сердца да свое учащенное дыхание. Молли ощущала, что если она даст себе расслабиться — точно так же, как она «выключала» глаза, гипнотизируя людей, — то холодное чувство уйдет. По крайней мере, она на это надеялась. Одна половинка ее души боялась, что мир останется неподвижным навсегда, а другая восторгалась происходящим.

Молли поискала взглядом Рокки. Он прыгнул в бассейн, но повис горизонтально в воздухе. Петулька лежала в тени под столом и играла с камушком. Потом Молли увидела Роджера. Он был под водой. Он же задохнется без кислорода! Стараясь не паниковать, Молли сосредоточилась и представила, что вытаскивает дно из-под большой бочки с водой. Холодное чувство слияния тотчас же покинуло ее тело. Это случилось в крохотную долю секунды. И в тот же миг, как ни в чем не бывало, мир снова ожил. Рокки нырнул в бассейн, Петулька на него тявкнула, Роджер вынырнул, миссис Тринкелбери лизнула мороженое, водопад зажурчал.

Бриллиант на шее у Молли оставался холодным, но сама она согрелась и была этому очень рада. Преодолевая дрожь в ногах, она встала и прыгнула в бассейн. Вода залилась ей в нос.

— Рокки, сейчас такое случилось! Ничего не понимаю. Очень странно, — выпалила она,

— Да, ты нырнула прямо в футболке и шляпе, — заметил Рокки и встал на руки под водой.

Молли стащила шляпу с головы и хмуро уставилась на нее.

— Нет, дело не в этом. Рок, послушай. Рокки! — Девочка схватила друга за руку. — Ничего подобного со мной раньше не случилось!

— Что? — спросил Рокки, плавая на спине.

— Знаешь... — Молли понизила голос и зашептала, еле сдерживая волнение. — Кажется... Ты скажешь, что я чокнулась...

— Что случилось? Рассказывай.

— По-моему, я... знаешь, мне кажется... — Молли никак не решалась признаться.

— Да что ты сделала-то?

— Я заставила весь мир замереть. Рокки, я остановила время.

Глава шестнадцатая

— Я ничего не заметил, — проговорил Рокки.

— Конечно, не заметил, глупый. Ты ведь тоже застыл, вместе со всем миром.

— Когда? Я ничего не помню.

— Слушаешь ты меня или нет? — раздраженно прошипела Молли. — Ты тоже застыл.

— Как это? Как при минус десяти градусах?

— Да нет, не замерз от холода, а просто замер, и все. Хотя мне было холодно.

Молли указала на даму в розовом костюме.

— Я сосредоточила внимание на заколке этой женщины, старалась как бы загипнотизировать заколку...

— А зачем тебе эго было нужно?

— Потому что... Ну, потому что на самом деле это чувство впервые появилось у меня еще в Брайерсвилле. Я тебе не рассказала — боялась, что ты рассердишься, решишь, что я нарушила обещание никого не гипнотизировать. Но я и не гипнотизировала ни одного человека, хотела только загипнотизировать вещь. — И при этом возникало холодное чувство слияния,

Рокки изумленно вскинул брови.

— А сейчас, — торопливо продолжала Молли, стараясь не обращать внимания на его подозрительный взгляд, — я гипнотизировала эту заколку, чтобы снова испытать это чувство, и на этот раз оно захватило меня целиком. Мне стало очень зябко, я подняла глаза и увидела — Молли заглянула в лицо Рокки — он явно не верил ей. — Честное слово, Рокки, все вокруг замерло. Даже время остановилось — только я продолжала двигаться. Рокки, ты тоже застыл. Повис в воздухе прямо в прыжке. Я не шучу. Потом я отпустила это чувство, и весь мир снова пришел в движение, и ты нырнул в воду.

Рокки обеспокоенно таращился на Молли.

— Ты ничего не пила из мини-бара?

— Да нет же! — сверкнула глазами девочка. — Это чистая правда.

Рокки заботливо тронул ее за плечо.

— Молли, давай лучше выйдем из воды. Понимаю, ты веришь, что так все и произошло на самом деле, но, по-моему, ты перегрелась на солнце. Со

мной тоже однажды был солнечный удар, когда я слишком долго гулял, — началась лихорадка, и мне казалось, что все вокруг...

— Рокки, черт побери, ты иногда с ума меня сводишь! Если не веришь, я докажу.

Молли подплыла к краю бассейна и вышла из воды. Рокки выбрался за ней.

— Сядь на этот шезлонг, — велела ему девочка. — И смотри на свои ноги.

Рокки бросил на нее встревоженный взгляд, но повиновался.

Молли начала пристально всматриваться в оранжевый спасательный круг, подвешенный на шесте. Через несколько секунд ей удалось вызвать непривычное прохладное чувство. Она впустила его в свое тело, и вскоре спасательный круг запульсировал ярким оранжевым пятном, а весь остальной мир растворился в туманной дымке. И наконец на шее у Молли будто вспыхнула ледяная искра, и холод охватил ее с ног до головы. Как и в прошлый раз, со всех сторон подступила тишина. Молли с трудом оторвала глаза от спасательного круга, но какая-то часть ее воли оставалась сосредоточенной на холодном слиянии, удерживала его в теле. Мысленному взору Молли рисовались два воображаемых затвора, которые не давали этому чувству вытечь из ног. Чтобы держать их закрытыми, требовалась невероятная сила.

Она взглянула направо. Мир был неподвижен. Миссис Тринкелбери держала вязание и пересчитывала петли. Джерри камнем обрушился в бассейн, вокруг него, будто гигантские прозрачные лепестки, веером взметнулись брызги. Роджер стоял под деревом, как статуя. Официант протягивал дамам в костюмах бокалы с напитками.

Рокки неподвижным взглядом всматривался в свои ноги. Молли щелкнула пальцами у него перед глазами — он не шелохнулся. Поднесла ухо к губам — дыхания не слышно. Она огляделась. Трудно было поверить, что ее никто не видит, что из всех людей только она одна сохранила способность двигаться. И дышать. Мысль была пугающей. Что, если они навсегда останутся такими застывшими? Но Молли знала: надо что-нибудь придумать, как-то убедить Рокки, что время действительно останавливалось. Она глубоко вздохнула и медленно встала на ноги. С невероятными усилиями, стараясь не расплескать драгоценное холодное чувство, Молли направилась к корзине с игрушками, стоявшей у воды. По телу бегали мурашки. Каждый шаг давался с трудом. До чего же, оказывается, сложно удерживать мир в неподвижности! Молли кое-как сделала десять шагов, взяла из корзины надувную лягушку, плавательный

круг с головой утенка и надувной матрас в форме кита Она отнесла эти игрушки к Рокки и водрузила утенка ему на голову, как корону, надувной матрас положила под ноги, а лягушку — на колени. А чтобы он уж наверняка поверил, сорвала из горшка три желтых маргаритки и засунула одну между пальцев ног Рокки, другую вложила ему в руки, а третью — в рот.

Еще с мгновение Молли сидела тихо, будто испуганная стрекоза, настороженно шевелящая антеннами, и пыталась понять, что с ней происходит. Она оглядела окрестности. Интересно, весь Лос-Анджелес тоже застыл? А весь мир? Мысль была такой пугающей, что ее не хотелось обдумывать. И все-таки Молли чувствовала, что так оно и есть — неподвижен весь мир. И потом, как собаки чувствуют приближение дождя, она ощутила нечто чужеродное. Где-то вдалеке, неведомо где, что-то шевелилось. Молли не могла понять, что же это такое. Сердце лихорадочно заколотилось от страха Девочке отчаянно хотелось, чтобы весь мир как можно скорее снова пришел в движение.

Она стряхнула с себя напряжение и отключила холодное чувство. В тот же миг Рокки изумленно подскочил, стряхнул с себя пляжные игрушки и выплюнул цветок.

— А-а-а! — завопил он и обернулся к Молли. — Как? Как ты это делаешь? Сколько времени я просидел без сознания? Ты что, нашла еще одну книгу?

* * *

К позднему вечеру Молли падала с ног от усталости и тревоги. Ее пугала мысль о том, что завтра им с Рокки предстоит обманным путем проникнуть на церемонию вручения «Оскара». А вдруг их поймают? Но еще сильнее беспокоило ее только что открывшееся гипнотическое умение. Доктор Логан в своей книге ни словом не обмолвился о возможности остановить мир. Без его разумного совета девочке казалось, что она плывет среди скал по неведомым водам. Она не знала, хорошо это или плохо — останавливать время. Не знала, опасно ли это. А что это страшно — знала наверняка. Тут в дверь постучали, и вошел Рокки.

— Устал до чертиков, но никак не спится, — пожаловался он и присел на Моллину кровать.

— Мне тоже, — ответила Молли.

— Я посмотрел телевизор, хотел проверить, совпадает ли время в

Америке и во всем остальном мире. Совпадает. С этой остановкой времени на всей Земле ты откусила слишком большой кусок, и прожевать его тебе не по зубам, — обеспокоенно продолжал он. — Я рад, что до этого додумалась именно ты, а не кто-нибудь еще. Только представь себе, какие возможности перед тобой открываются. Ты можешь даже кого-нибудь убить, и тебе сойдет с рук любое преступление.

— Ох, не надо, — простила дрожащая Молли и втащила на постель Петульку.

— Да я не о настоящем убийстве, я хочу только сказать, что ты теперь можешь делать все что захочешь. Если бы ты была преступницей, то запросто могла бы грабить банки и похищать людей. Остановила время, стащила что хочешь — и ушла. Остальные заметят только, что человек неожиданно исчез. А если хочешь, чтобы выиграла твоя футбольная команда, то можно остановить мир во время пенальти и переместить мяч так, чтобы он наверняка попал в ворота.

Молли уткнулась лицом в мягкую шерстку Петульки. Мысль о том, что она, маленькая рядовая жительница планеты, вдруг остановила целый мир, наполняла ее тошнотворным страхом. Это могущество чересчур велико для нее.

— Утром позвоню Люси и спрошу, что она об этом знает, — решила девочка — А пока постараюсь больше ни о чем не думать. Рокки, надо хоть чуть-чуть поспать. Завтра утром нам потребуется много энергии.

Рокки кивнул и выключил свет.

— Сладких снов, Зефиринка, — попрощался он и закрыл дверь.

— Ты хочешь сказать «сладких кошмаров», — проворчала Молли и с головой закуталась в одеяло.

Глава семнадцатая

В день вручения наград киноакадемии с безоблачного неба ярко сияло солнце. Первой в бунгало проснулась Петулька. Она проверила свой запас камушков, спрятанных за телевизором, выбрала один, продолговатый, взяла его в пасть и выскользнула со двора через прогалину в живой изгороди. С лестницы над бассейном ей был виден громадный прыгающий пудель на вывеске салона красоты для пуделей и отеля для собак «У Беллы». Оттуда доносился запах вкусного мясного завтрака, которым кормили постояльцев. Петулька поглядела на свои лапки. Давно пора подстричь когти. А шкурка после самолета страшно чешется. Запах собачьего шампуня из салона красоты напомнил Петульке о роскошной купальне, которую ей довелось посетить в другом большом городе. Мечтая о хорошей ванне, способной вернуть ее к жизни, собачка решительно направилась к выходу из гостиницы.

Пересечь четыре полосы движения на дороге, ведущей к салону Беллы, оказалось непросто, и Петульке пришлось простоять на разделительной линии целых пять минут, дожидаясь, пока в плотном потоке транспорта не откроется хоть крохотный просвет. Но вот она подошла к синей металлической калитке салона для собак и легко открыла ее лапкой. Спустившись вниз по лестнице, собачка наткнулась на дверь. В тот же миг она распахнулась перед Петулькой, и из салона вышел могучий мужчина с маленьким пекинесом на руках. От пекинеса пахло лилиями, голова его была повязана четырьмя розовыми ленточками. Петулька проскользнула в салон у мужчины под ногами. Она давно мечтала о хорошем уходе.

Внутри магазина было полным-полно всякой собачьей всячины. Бесчисленные ошейники и поводки поблескивали драгоценными камнями. Очаровательные меховые подушечки, на которых так приятно возлежать, красивые миски для еды, всевозможные корма, созданные лучшими специалистами, сахарные косточки, съедобные собачьи сигары. Великолепные игрушки для собак, бутылочки с собачьими духами, собачьи попонки и даже ботиночки для тех, кто не хочет запачкать лапки. За кассой пробивала чеки женщина с пышными светлыми волосами и огромными сережками. За спиной у нее располагался салон красоты. Посреди него в специальном стеклянном ящике стоял большой лохматый чау-чау, и поток теплого воздуха сушил его свежевывытую шубку. Петулька прошла по

салону, и ее длинные коготки издавали на твердом полу отчетливый стук.

Владелица салона, Белла, подняла глаза, ожидая увидеть, что из соседней комнаты с минеральными ваннами сбежала одна из собачек. Но вместо этого она увидела Петульку. Маленькая гостья подошла, виляя хвостом, и положила передние лапки женщине на колени.

— Ой, какая же ты сладенькая, маленькая моя лапочка! А где твоя хозяйка, золотко мое? Ох, да какие же у тебя коготочки длинные!

Конечно же, Петулька ничего не ответила. Кокетливо склонив голову набок, она окинула Беллу самым чарующим взглядом. Белла взглянула на дверь, потом опять на черненького бархатистого мопсика.

— А почему на тебе нет ошейника, душечка моя? — Белла встала и выглянула на улицу. Похоже, маленький мопсик пришел один, без хозяина. Петулька тявкнула. Белла с улыбкой погладила ее. Она с первого взгляда могла определить, нужна ли собачке хорошая ванна со стрижкой. Посмотрев на чау-чау, нежащегося под сушилкой, женщина бросила взгляд на часы.

— Хорошо, моя лапочка. Ну как же можно отказать такой очаровательной малышке! Пойдем со мной. Обработаю тебя по высшему разряду.

Вот так Петулька и получила порцию самого лучшего ухода, которого, по ее мнению, вполне заслуживала. Сначала Белла отвела ее в ванную и вымыла розмариновым шампунем. Потом Петульке сделали массаж, ополоснули шерстку, высушили, расчесали, подстригли и отполировали коготки. Собачка была на седьмом небе от счастья. Затем ее отвели отдохнуть в комнату, где стоял бассейн с минеральной водой.

Там она пообщалась с собаками, обитавшими в собачьем отеле. Одна высоченная шелковистая афганская борзая живо поинтересовалась, что Петулька ела вчера на ужин, французский бульдог с ушами как у летучей мыши и скверными манерами бесцеремонно обнюхал ей живот. Была там сибирская лайка в серебристой шубке, тот самый чау-чау, такса, длинная, как колбаса, и китайская хохлатая собачка.

Больше всего Петульку заинтересовал именно этот песик, китайский хохлатый, — маленький, безволосый, серовато-розовый. Петулька таких никогда не встречала. У него в самом деле не было шерсти, только небольшой хохолок на голове, а по бокам свисали огромные остроконечные уши. Вид у песика был симпатичный, да и пах он приятно — петрушкой и умными мыслями. Петулька легла рядом с ним на розовый диван и быстро подружилась. Целый час две собаки общались по-собачьи, телепатически обмениваясь мыслями и воспоминаниями. Как выяснилось, китайского

хохлатика звали Кван-Кан, и хозяева оставили его в собачьем отеле, потому что пошли на церемонию вручения «Оскаров», где толпится много людей и взрываются фейерверки. Кван-Кан предпочитал держаться от этой церемонии подальше.

В это время вернулась Белла, Она забрала Петульку обратно в собачий магазин и подобрала ей ошейник, украшенный бутафорскими бриллиантами.

Тут над дверью зазвенел колокольчик, возвещая о прибытии очередного клиента, и Петулька, чувствуя, что Молли скучает без нее, воспользовалась случаем и ускользнула из салона

Вернувшись в «Шато Мармозет», Петулька обнаружила, что Молли еще спит. Девочка запуталась в простынях и горестно всхлипывала. Петулька вскочила на кровать и свернулась рядышком, чтобы успокоить хозяйку.

А бедную девочку мучили кошмары. Ей снилось, что она стоит на сцене, где вручают награды, в большой клетке, а зрители швыряют в нее дохлых сорок. Рядом с ней прогуливается Праймо Клетс и громко хохочет. Потом все замирает, и единственным живым существом в застывшем мире остается она сама. И она знает, что этот мир никогда уже больше не оживет.

Молли проснулась в холодном поту и обнаружила, что намочила слюнями всю подушку. Лоб был горячим и влажным. Петулька лизнула ее в лицо. Молли с трудом села, потянулась за телефоном и набрала номер Люси,

Она долго вслушивалась, как где-то далеко, за тысячи миль, в маленьком домике Люси звонит и звонит телефон. Молли представила себе, как в такт звонкам тикают многочисленные часы на стенах. Часы. Молли впервые задумалась о них. Наверняка Люси что-то знает об остановке времени. Иначе почему она коллекционирует часы? Молли всей душой жаждала поговорить с ней, но телефон не отвечал. Она держала трубку до тех пор, пока телефон автоматически не отключился от брайерсвилльского номера. Где же Люси? Не случилось ли с ней чего-нибудь? Молли сунула палец в рот. Петулька тявкнула.

— Петулька... — Девочка обняла собаку. — Как ты приятно пахнешь! И откуда у тебя такой красивый ошейник? Где ты пропадала?

Петулька виляла хвостом, но Молли никак не могла очнуться от кошмара. Ей не хотелось думать о походе на вручение «Оскаров». Эта перспектива пугала ее. Но вечер неумолимо приближался, как земля приближается к падающему парашютисту. И наконец он настал.

К четырем часам Молли и Рокки нарядились по-праздничному. Рокки облачился в черный смокинг и новенькие ботинки. Молли надела только что купленное вечернее платье — изумрудно-зеленое, с подобранными в тон зелеными туфельками.

— Молли, тебе надо что-то сделать с волосами. У них такой вид, словно по твоей голове прошелся ураган, — сказал Рокки.

Молли пригладила волосы.

— Все равно чересчур кудрявятся. Ты должна выглядеть более, гм, торжественно.

— Если я их завяжу лентой, получится аккуратнее?

— И на колготках у тебя стрелка. Молли сняла зеленые колготки.

— Других у меня нет. Придется идти с голыми ногами. Как ты думаешь, у детей кинозвезд бывают такие пятнистые ноги?

— Ну как, посмотримся мы? — спросил Рокки, глядя в зеркало. — Сумеет ли сойти за звездных детей? — Он подтянул галстук-бабочку. — Сниму-ка я этот бантик. Вид совершенно дурацкий, к тому же я все равно не умею его завязывать.

— Мы обязательно должны туда проникнуть, иначе на разгипнотизацию всех, над кем поработал Праймо Клетс, уйдет целый год. — Молли достала листок бумаги и снова перечитала записанные на нем инструкции.

— От меня толку будет мало, — вздохнул Рокки. — Только твои глаза помогут нам пробраться мимо охранников у дверей.

— Эта карточка проведет нас. Я на это надеюсь. А ты, Рокки, поможешь разгипнотизировать звезд. Надо будет найти тебе тихое местечко, где ты сможешь воздействовать голосом.

Молли достала из кармана список с именами голливудских знаменитостей.

— Сколько длится вручение «Оскаров»?

— Миссис Тринкелбери говорила, часов шесть, — отозвался Рокки. — Всем хватит времени, чтобы нахватать призов.

— Как бы нам с тобой чего-нибудь не нахватать.

В комнату вошла Петулька Она была готова к торжественному вечеру и твякнула, сообщая ребятам о своем прибытии. Молли подхватила собачку на руки.

— Ты больше похожа на кинозвездочку, чем мы, — сказала она —

Шкурка у тебя блестит, как камушки на ошейнике!

Тут зазвонил телефон. Рокки снял трубку,

— Машина подъехала, — сказал он. — Готовы или нет — пора идти.
«Оскары» ждут!

Глава восемнадцатая

Перед входом в гостиницу ребят поджидал длинный черный лимузин, изящный, будто сверкающий зверь на колесах. Элегантный водитель в сером костюме и темных очках распахнул перед Молли дверь. Молли, Петулька и Рокки сели в машину.

Никто не заметил, как они отъехали. Миссис Тринкелбери не отрывала глаз от телевизора, наслаждаясь программой о вручении наград киноакадемии, Нокман тренировался открывать замки, не зная кода, а Джемма и Джерри учили мышонка бегать по картонной беговой дорожке. Роджер вскарабкался на дерево, видимо, намереваясь провести там всю ночь.

Лимузин плавно покатил прочь от отеля и свернул к Голливудскому бульвару. Когда-то здесь располагались самые роскошные в мире театры и кинотеатры. Сейчас былой блеск потускнел, однако улица по-прежнему оставалась необычайно красивой. Особенно хорош был знаменитый Китайский театр Манна в форме пагоды с зеленой медной крышей. На бетонных плитах вокруг этого здания оставили отпечатки своих рук и ног самые яркие звезды в истории кино. Чем ближе они подъезжали к театру «Кодак», где должно было происходить вручение «Оскаров», тем гуще становился поток автомобилей на улицах.

— Ну и толпа, — обронил шофер, замедляя ход. Дальше машина шла чуть ли не ползком. Сквозь затемненные стекла лимузина Молли видела полицейских — они размахивали флажками, пропускали машины, из которых с глупым видом таращились пассажиры, а грузовикам приказывали поворачивать назад. Немного дальше на улице образовалась пробка, на тротуарах толпились горожане и туристы, пришедшие хоть одним глазком взглянуть на знаменитостей. Лимузин подполз ближе.

— Держу пари, вам, ребята, не терпится пройтись вон по тому красному ковру.

Молли слабо кивнула. Она надеялась, что ее ноги не подкосятся в самый ответственный момент. При мысли о том, сколько корреспондентов с телекамерами и фотоаппаратами выстроились вдоль знаменитого красного ковра, ее замутило.

— Как ты думаешь, кто-нибудь узнает меня после «Звезд на Марсе»? — встревоженно спросила она у Рокки. — Это здорово усложнит дело. Не хватало только, чтобы кто-нибудь сфотографировал, как я

гипнотизирую охранников у дверей.

— Нью-Йорк на другом конце Америки, а ты очень давно не выступала на Бродвее, — неуверенно ответил Рокки, поддергивая брюки. — Если уж люди и узнают тебя, то для них ты будешь всего лишь милой девочкой из благотворительного ролика. Вот и все.

Молли замолчала. Лимузин остановился позади сверкающего «линкольна». Шофер вышел из машины — ему самому не терпелось посмотреть на праздничное шествие — и открыл дверь перед Молли.

— Счастливого вечера, — пожелал он. — Хотел бы я быть на вашем месте.

Молли представила себе шофера на ее месте, в зеленом платье и туфельках, и чуть не рассмеялась. В то же время она была совсем не прочь поменяться с ним местами.

При мысли о предстоящей задаче в животе все переворачивалось, а голова шла кругом. Молли проглотила подступивший к горлу комок, выдавила «спасибо» и вышла из машины. Петулька выскочила за ней. В воздухе звенели приветственные крики и свист. Девочку била дрожь, и ей казалось, будто земля под ногами ходит ходуном.

На бронзовых звездах посреди мостовой красовались имена давно угасших кинозвезд. Через пятнадцать шагов, протолкавшись сквозь густую толпу, Молли, Петулька и Рокки вступили на запретную для простых смертных территорию — на берега кроваво-красного ковра, который тянулся вдоль бульвара и вливался, как река, в охраняемые службой безопасности ворота. Этот ковер должен привести их на отгороженную часть Голливудского бульвара и дальше — в театр «Кодак». Пути назад нет.

На красный ковер дозволялось вступить только тем, у кого были приглашения на церемонию. Публика тотчас же заинтересовалась — кто такие эти мальчик и девочка? Защелкали тысячи фотоаппаратов. Молли шагнула на ковер, и он расплылся у нее под ногами.

— Они кто — актеры? — услышала она чей-то голос. Впереди их ждали ворота — невысокие арки, увитые цветами. Молли увидела, как гости проходят через них, положив сумки на конвейер для контроля, и поняла, что арки — это на самом деле замаскированные металлоискатели, проверяющие, нет ли у зрителей оружия или взрывчатки.

— Высшая степень безопасности, — заметил Рокки.

— Надеюсь, она не слишком высока и я смогу их загипнотизировать, — пробормотала Молли и достала из кармана белую карточку. На удачу она тронула свой бриллиант, спрятанный под зеленым платьем.

Сразу вслед за ними прибыл кто-то очень знаменитый. Толпа разразилась приветственными криками. Это было на пользу Молли. Никто не будет смотреть на нее, пока она проворачивает свое дело.

Молли стиснула зубы, включила гипнотический огонь в глазах на полную мощность и приготовилась уложить на обе лопатки любого из служащих у ворот. Гипнотическая сила должна подействовать быстро, пока никто не заметил.

Охранник оказался профессионалом в своем деле. Но, заметив, как он смотрит поверх ее головы на подъехавшую следом знаменитость, Молли поняла, что праздничный вечер интересует его куда больше, чем он изображает. Пользуясь минутной рассеянностью охранника, Молли встала прямо перед ним и впилась в него

И, когда он опустил глаза на девочку, гипнотическая сила ударила в него, точно морская волна. Он был оглушен.

— Посмотрите на мое приглашение, — тихо сказала ему Молли, и охранник, конечно же, повиновался.

Он прочитал:

«ЭТО НАСТОЯЩЕЕ ПРИГЛАШЕНИЕ НА ВРУЧЕНИЕ
НАГРАД КИНОАКАДЕМИИ.

ПРОПУСТИТЕ МЕНЯ, МОЕГО ДРУГА И СОБАЧКУ БЕЗ
ЛИШНИХ ВОПРОСОВ.

ВЕДИТЕ СЕБЯ, КАК ОБЫЧНО.

КАК ТОЛЬКО МЫ ПРОЙДЕМ, ЗАБУДЬТЕ НАС
НАВСЕГДА».

Охранник кивнул. Он увидел именно то, что ожидал увидеть, — красивый пригласительный билет с завитушками, отпечатанный золочеными буквами, с фотографией золотой статуэтки.

Он провел Молли, Рокки и Петульку через металлоискатель. Потом Молли отдала приглашение Рокки, и он убрал его в карман. Они вошли в святая святых праздника

Перед ними лежал Голливудский бульвар, усаженный пальмами и покрытый красным ковром. Мостовая была похожа на поверхность спокойного красного озера. И на этом озере стояли сотни людей, в большинстве своем знаменитости, которых Молли сразу узнавала. Они шли, точно боги по воде. Все они были одеты в самые изысканные, самые роскошные наряды, какие только можно купить за деньги. На мужчинах были вечерние костюмы из черного шелка, бархата или тонкой шерсти;

женщины были облачены в великолепные платья от самых известных в мире модельеров. Кое на ком платья были легкие, короткие, но большинство щеголяло в длинных, пышных юбках. Молли не видела их ног, поэтому толпа казалась ей многоцветной стаей лебедей, скользящей по глади красного озера. Позади латунных барьеров были построены высокие трибуны, на которых толпились сотни зрителей, которым посчастливилось достать билеты на стоячие места и любоваться прибытием жителей кинематографического Олимпа.

— О боже! — воскликнула Молли. — Ты только посмотри, сколько фотоаппаратов!

Через бульвар был перекинут высокий мост. На нем стояли скамьи для фотографов. Кинозвезды махали им и профессионально улыбались. Вдоль ковра выстроились телекамеры, интервьюеры протягивали микрофоны. Звезды позировали и улыбались, зная, что на них весь мир. Громадные объективы вертелись налево и направо, и, несмотря на то, что день стоял солнечный, в воздухе висел неумолчный треск фотовспышек.

— Здорово, — воскликнул радостный Рокки. — Вот, значит, каково чувствовать себя звездой.

— Рокки, нам некогда тут разгуливать. Пошли скорей, надо попасть в театр.

Рокки взял Молли за влажную руку и потащил вперед. На них со всех сторон ринулись хищные фотокамеры, готовые сожрать их, проглотить и переварить, превратив в картинку.

Молли уже доводилось жить в мире звезд — она провела там несколько коротких недель в Нью-Йорке, но сейчас она чувствовала себя не в своей тарелке. Рокки держался гораздо увереннее. Больше всего девочку терзал страх перед тем, что вот-вот кто-нибудь положит руку ей на плечо и заорет: «Эй, тебе здесь быть не положено! А ну, проваливай! Живо!»

— Рокки, как ты думаешь, кто-нибудь понимает, что нам здесь находиться не положено?

— Если будешь так говорить, поймут, — ответил Рокки, улыбаясь в камеру. — Наверняка кто-нибудь из телезрителей умеет читать по губам.

* * *

И такой зритель в самом деле нашелся. В сотнях миль от Лос-Анджелеса, в Оклахоме, глухой мальчик по имени Бен смотрел по телевизору вручение «Оскаров». Ему всегда нравилось читать по губам то,

что говорят люди на телеэкранах. Вообще читать по губам — единственная приятная сторона глухоты. Гораздо интереснее были телепередачи в прямом эфире. Например, он хорошо знал президента и его жену, потому что читал по губам все, что они говорят друг другу, когда находятся вдали от микрофонов. С особенным нетерпением он ждал репортажей о президентских выборах. А сегодня, глядя, как берут интервью у известного кинорежиссера, он заметил неподалеку от него мальчика и девочку. Они разговаривали.

— Смотри по сторонам, Молли, и радуйся. Никто не знает, что ты не приглашена. Лично я уже убедил себя, что нахожусь здесь по полному праву, — говорил симпатичный чернокожий мальчик, который, по мнению Бена, в самом деле походил на восходящую звезду.

А вострепанная девочка в зеленом платье, стоявшая рядом с ним, отвечала:

— Ты прав. Здесь так хорошо, что не хочется тревожиться. Но все-таки давай поскорее пойдем в театр.

— Идите, идите, — прошептал Бен. Он бы все отдал, чтобы оказаться сейчас рядом с этими детьми.

* * *

Беспрерывно щелкали фотокамеры. Под лучами яркого белого света сверкали в самых ослепительных голливудских улыбках перламутровые зубы, искрились бриллиантовые ожерелья, платиновые браслеты, золотые запонки.

На Петульке сиял бриллиантами ее новенький ошейник, сияла и сама собачка. Она любила шумные празднества. Ей нравились энергия и волнение, разлитые в воздухе. Молли огляделась и увидела множество знаменитых лиц. Прямо перед ней стояли пять или шесть кинозвезд, чьи имена значились в ее списке — списке жертв Праймо Клетса. Все они вели себя совершенно естественно. А как же иначе?

Вот Стефани Гулляш в темно-синем прозрачном платье, высоко заколотые рыжие волосы яркие, как пламя. В нескольких шагах от нее Космо Ас в серебристом костюме беседует с тележурналистом. Молли увидела и Геркулеса Стоуна — одетый в белый смокинг, он вышагивал по дорожке под руку с очаровательной китайкой.

Потом Молли увидела картину, от которой у нее душа ушла в пятки. В двух шагах от нее стояла невысокая женщина в темном костюме. Она

вглядывалась в Молли, как будто узнала ее. На ее микрофоне виднелась крупная надпись: «Нью-Йорк Таймс». Молли тоже узнала ее — это была театральная корреспондентка самой крупной нью-йоркской газеты. Она брала у Молли интервью, когда девочка выступала в «Звездах на Марсе». Молли потянула Рокки в сторону, но было поздно.

— Эй, простите! Молли! Молли Мун! Погоди! — радостно закричала журналистка. Головы всех окрестных фотографов тотчас же повернулись к Молли.

— Молли! Как я рада встретить тебя здесь! Какая приятная неожиданность! И Петулька с тобой! Читатели давно интересуются, когда же ты вернешься.

Глава девятнадцатая

Прошлое Молли все-таки догнало ее, и от корреспондентки с микрофоном не было спасения.

— Значит, вы с Петулькой уже пришли в себя после ее похищения? — расспрашивала женщина.

— Гм, да, спасибо, — ответила Молли, стараясь не смотреть на громадный объектив, нацелившийся на нее. Петулька подняла голову и радостно тявкнула.

— А твое появление здесь — знак того, что ты скоро вернешься на сцену? Или, быть может, мы увидим тебя на киноэкране?

Молли старалась не выказать беспокойства.

— Гм, нет, ответила она. — Я просто приехала сюда отдохнуть с приятелем. Благодарю вас, мне пора идти.

— Это тот самый приятель, который выступал вместе с тобой в рекламном ролике? В том, где вы пели о ребятах, что живут по соседству? — не отставала журналистка.

— Да, это я, — вступил в разговор мальчик. — Рад познакомиться. — Рокки улыбнулся в камеру и охотно дал бы интервью, но Молли наступила ему на ногу и одарила улыбкой, явственно говорившей: «Не смей».

Уводя приятеля прочь, Молли услышала за спиной голос журналистки:

— Молли Мун, как всегда, окутана завесой тайны. Но все равно мы очень рады ее возвращению. Может быть, мы присутствуем при рождении новой звезды мирового кино.

Молли отвела Рокки в самую гущу толпы.

— Уф, — выдохнула она — Как же я напугалась. Ну и память у этих газетчиков! — Тут она заметила, что рядом с ними нет Петульки.

— Ох, что же делать? Петулька застряла там, — Молли бросила обеспокоенный взгляд на сверкающую фотовспышками толпу. — Надеюсь, с ней ничего не случилось.

Молли напрасно тревожилась. Петулька всю жизнь наслаждалась жизнью. Еще в Нью-Йорке она полюбила свет прожекторов. Как приятно было снова купаться в нем! Она то так, то эдак крутилась перед фотокамерами. Вставала на задние лапки, служила. Прыгала по кругу. Фотографы ахали от восторга. Потом она тявкнула, как лисичка, и потрусила прочь — искать Молли. По пути ей встретился высокий, дочерна загорелый человек в вельветовом костюме, с длинными черными волосами, собранными в

хвост. Петулька притормозила — его запах показался ей знакомым, она уже встречала его среди телекамер в одной из нью-йоркских студий.

Хоть Петулька этого и не знала, но человек, улыбавшийся ей сверху вниз, был одним из самых видных голливудских режиссеров. Звали этого итальянца Джино Туччи. Его последняя картина «Кровь незнакомца» была сегодня номинирована на приз «Лучший фильм года». Петульке понравился его запах. Она встала, положила лапки ему на колено и, когда он склонился погладить ее, скроила очаровательную мордашку. Ее взгляд пронзил Джино в самое сердце. Он онемел, не в силах произнести ни слова. Петулька соблазнительно твякнула и убежала.

А Молли и Рокки тем временем стояли возле массивной каменной арки — входа в театр «Кодак». Напротив нее, точно древний идол, высилась громадная, чуть ли не больше самой арки, позолоченная статуя «Оскара». Можно было подумать, что театр «Кодак» превратился в храм, где простые смертные поклонялись кинозвездам. Площадь была настолько переполнена знаменитостями, что случайно попавшее сюда незнакомое лицо казалось странным и неуместным и тотчас же бросалось в глаза.

— Ух ты! — воскликнул Рокки и тихо рассмеялся. — Кругом столько звезд, будто я очутился прямо в фильме!

Молли испытала еще одно потрясение: оказывается, многие актеры в жизни гораздо меньше ростом, чем ей казалось раньше. Когда видишь их на большом экране, то невольно приписываешь им сверхчеловеческие размеры. Но на самом деле некоторые звезды были просто коротышками. Вблизи они оказались самыми обыкновенными людьми. Один из них потирал нос, у другого зачесалось ухо. Молли глядела и изумлялась их заурядности.

— Забавно, правда? — сказала девочка. — Мы хорошо знаем их всех в лицо, а они нас не знают. По крайней мере, надеюсь, что не знают.

Еще несколько минут Рокки и Молли стояли, всматриваясь в окружающие картины и стараясь запомнить их навсегда. Еще бы, такие моменты уже не повторятся!

— Ладно, — сказала наконец Молли. — Хватит любоваться. Пошли в зал.

Тут их догнала Петулька, и все трое поспешили в театр.

Но история с репортерами, как оказалось, не закончилась. Новость о прибытии Молли распространилась очень быстро.

— Привет, Молли! Улыбнись-ка нам!

— Привет, Петулька! Твякни-ка нам!

* * *

А в «Шато Мармозет» миссис Тринкелбери отложила вязание и подняла глаза к телевизору.

— С-с-саймон, — окликнула она. — Пойдите-ка, п-п-посмотрите. Мне показалось, т-т-там, на «Оскаре», гуляют Рокки и М-м-молли. — На экране сквозь толпу пробирались двое детей, точь-в-точь похожих на ее подопечных. Ей даже послышался чей-то голос «Эй, Молли, кто твой друг?»

Но пока мистер Нокман выходил из кухни, загадочные ребята уже скрылись в громадном здании «Кодака».

— Снаете, Мюриель, — проворчал Нокман, — хфа-тит пить эту рософую фоду. Что фам ф колофу фсбре-ло? Рокки и Молли сидят у сепя ф пунгалю.

* * *

На крытом дворе перед зданием «Кодака» было прохладнее и тише, чем на улице. Здесь не разрешалось фотографировать, и толпа была значительно меньше. Широкий проход, вдоль которого обычно шла оживленная торговля, был украшен цветами, на стенах висели свернутые в рулоны красные занавеси. Ко входу в театр вела парадная лестница, застеленная красным ковром, похожим на длиннющий язык.

Вокруг лестницы прогуливались знаменитости. Они приветствовали друг друга, собирались в группы, обменивались поздравлениями.

Вдруг над лестницей повисла тишина: в дверь вошла не кто иная, как сама Глория Сердсенс. Ее сопровождал пожилой мужчина весьма примечательного вида. Ожидающая толпа застыла в восхищении. Ибо Глория Сердсенс была звездой такой яркой, что все остальные рядом с ней чувствовали себя жалкими искорками.

Сегодня она была одета в некое подобие золотой спирали. Полоски сверкающего шелка были свернуты по кругу и сшиты; получилось переливчатое платье, плотно облегавшее все изгибы ее знаменитой фигуры. Лебединая шея была обвита настоящей золотой спиралью, как будто соединявшей голову с плечами. Такие же спирали вились по ее рукам возле плеч. Прекрасные миндалевидные глаза мерцали таинственным блеском. Кое-кто приветствовал Глорию скромным «добрый вечер», но большинство

взирало на звезду с молчаливым восхищением, жалея, что они недостаточно близко знакомы с ней. Глория одарила гостей своей прославленной улыбкой и прошла, грациозно помахав усеянной бриллиантами рукой. Глядя на величественную золотую фигуру, проплывающую по фойе, Молли подумала: «До чего же трудно поверить в то, что „королева Голливуда“ тоже попала в сети Праймо Клетса, Она кажется исполненной достоинства богиней, но на самом деле всего лишь раба».

— Мы нашли самое подходящее место для осуществления нашего плана, — сказала Молли.

— Но как мы к ним подберемся? — прошептал Рокки. — Не можем же мы просто подойти к ним и разгипнотизировать на глазах у всего честного народа. Кроме того, Клетс наверняка околачивается где-то неподалеку.

Молли встревоженно огляделась по сторонам. Такая мысль ее очень беспокоила; до сих пор она почему-то об этом не задумывалась. Праймо Клетс где-то рядом — это прозвучало словно известие о том, что тигр вырвался из клетки.

— Надо найти тихое местечко, — проговорила она, и тут ее глаза вспыхнули. — Придумала!

Глава двадцатая

— Но, Молли, не могу же я без дела болтаться в мужском туалете! — взмолился Рокки. — Мужчины — это ведь не дамы. Там совсем мало кабинок. Все происходит прямо перед тобой, надеюсь, ты меня понимаешь. Можно мне пойти с тобой и с Петулькой?

— Тс-с, Рокки. Конечно, нельзя. Послушай, это хорошая мысль. Туалеты здесь, наверно, чистые и тихие. Попробуй разгипнотизировать хотя бы несколько кинозвезд-мужчин, А я займусь дамами.

— Но у меня получается не так хорошо, как у тебя. Мне нужно хоть немного поговорить с человеком, чтобы мой голос подействовал.

— Попробайся, Рокки. Пожалуйста. Ты умеешь очаровывать. Задай им побольше вопросов о них самих, пусть порассказывают.

Рокки с неохотой побрел в мужскую комнату на другом конце фойе. А Молли с Петулькой отправились в дамский туалет.

Там горел очень яркий свет. От выложенного белым кафелем круглого зала с раковинами и зеркалами тянулся длинный коридор, разгороженный на серебристые кабинки. Несколько дам возле зеркал подправляли макияж. Они не обратили внимания на Молли с собачкой. Девочка уселась на табуретку возле двери, а Петулька вежливо свернулась в клубочек под туалетным столиком. Молли понимала, что рано или поздно в туалет непременно пожалует знаменитость из ее списка, поэтому надо быть наготове.

Из кабинки вышла пожилая уборщица. Она пристраивала рулон туалетной бумаги таким образом, чтобы свободный конец был свернут аккуратным треугольником. На уборщице была накрахмаленная полосатая униформа с маленьким белым фартуком, а туго завитые светлые волосы были уложены в красивую прическу. Женщина она была крупная, из тех, кто может в один присест съесть две порции мороженого, но сегодня от волнения она не проглотила бы ни кусочка. Ей выпала величайшая честь за всю ее сорокалетнюю карьеру уборщицы лос-анджелесских туалетов. Она была чрезвычайно горда вытирать унитазы, на которых посидели прославленные попки. Лишь только из кабинки выходила очередная посетительница, старушка кидалась наводить за ней блеск. Она так откровенно наслаждалась своими обязанностями, что Молли даже стеснялась мешать ей. Но дело важнее всего, и девочка, улучив удобный момент, когда в дамской комнате не было посетительниц, принялась за

работу.

Вскоре уборщица покорно стояла перед ней.

— Вы не заметите, как я гипнотизирую людей, — прошептала Молли. — Вы вообще не будете обращать на меня внимания. Продолжайте делать свою работу, а когда я уйду, просто забудьте обо мне, и все.

Уборщица кивнула.

— Как вас зовут?

— Бренда — Картрайт, — медленно произнесла женщина.

— Хорошо, Бренда, когда сегодняшний вечер закончится, вы почувствуете, что никогда еще не работали так здорово и что все вами восхищаются. Не волнуйтесь. Радуйтесь жизни.

Бренда кивнула и удалилась с мечтательной улыбкой, напевая себе под нос мелодию из мюзикла «Долли».

К удивлению и восторгу Молли, первой же посетительницей, зашедшей попудрить носик, оказалась Сьюли Шампань. Молли, не мешкая, приступила к делу.

Мисс Шампань была облачена в необыкновенно красивый наряд русалки. С зеленовато-серебристого платья свисали бархатные водяные лилии. Сверху донизу платье было усыпано мелкими узелками, будто на него накинули сеть. Чрезвычайно низкий вырез между бретелями приоткрывал грудь, а в круглой прорези на уровне живота виднелся пупок с изумрудной сережкой. Юбка сужалась к коленям так сильно, что Сьюли могла передвигаться лишь мелкими шажками, а сзади, точно пучок зеленых водорослей, волочился длинный-предлинный шлейф.

Сьюли склонилась к зеркалу и достала из сумочки губную помаду. Потом, глядя в зеркало, придала своему личику особенное, хорошо отработанное выражение — чуть приоткрыла губы, как будто от брызг внезапно налетевшей волны у нее перехватило дыхание. Довольная своим видом, актриса кончиками пальцев поправила пышную гриву волос. Тут-то на нее и взглянули из зеркала пристальные зеленые глаза Молли.

Через считанные секунды челюсть Сьюли Шампань безвольно отвисла, тюбик помады упал в раковину.

— Теперь, — торопливо проговорила Молли, — вы в моей власти. Полностью, окончательно и бесповоротно.

В этот миг дверь уборной снова распахнулась. Молли ахнула и отшатнулась: мимо нее, точно гладкий угорь в золотых кольцах, проплыла Глория Сердсенс. Знаменитая актриса заметила Сьюли Шампань, но, не удостоив ее даже кивком, направилась к другому зеркалу.

— Сьюли, дорогая, примите мои поздравления, — протянула она. —

Вас называли в числе претендентов на награду! Сегодня у вас главный в жизни праздник.

Глория раскрыла золотистую вечернюю сумочку, достала из нее фотографию собачки-пекинеса и нежно поцеловала.

Сьюли Шампань, погруженная в транс, пялилась на свое отражение в зеркале, будто у нее отказали мозги.

— Что с вами стряслось, Сьюли? Вам плохо? — королева Голливуда попыталась нахмуриться, но не смогла — мешали многочисленные инъекции ботокса, средства от морщин, плотно натянувшие кожу на лбу. Глория тронула губы ярко-алой помадой. — Милочка, что-то вы как будто не в себе. Язык Сьюли высунулся из уголка рта

— Ннфт, я тут, — пробормотала она

Молли поспешно похлопала Глорию Сердсенс по спине.

— Она сказала мне, что чувствует себя прекрасно. Вы планируете сегодня получить главную награду? — Глория царственно обернулась — кто это там посмел заговорить с ней? — и встретила глазами с маленькой девочкой. В тот же миг Молли обрела власть и над ней, Глория Сердсенс замерла, как баран, стукнувшийся лбом об лоб другого барана Сверкающая, как у робота, шея вжалась в плечи, сумочка выпала из рук.

— Хорошо, — кивнула Молли и покосилась на дверь, надеясь, что больше на пороге в ближайшее время не появится ни одна голливудская дива — Вы обе целиком в моей власти, и я хочу вас кое о чем попросить.

Обе актрисы кивнули.

— Углубитесь в воспоминания. Думайте о Праймо Клетсе. Он вас загипнотизировал, правда?

Актрисы снова кивнули. У Молли радостно екнуло сердце.

— Постарайтесь вспомнить, что приказывал вам Праймо Клетс. Вспомнили?

Еще два кивка

— Хорошо. Моя сила намного превышает силу Праймо Клетса. Вычеркните из мозгов инструкции, которые вложил Праймо. С этого дня вы свободны и можете делать все, что захотите. Вы никогда больше не будете повиноваться Праймо Клетсу. Вы к нему и близко не подойдете.

Девочка замолчала Глория Сердсенс и Сьюли Шампань тряхнули пышными прическами.

— Не — могу, — монотонно проямлила Глория.

— Не — могу — подчиниться, — эхом отозвалась Сьюли.

— Не желаю слушать подобной чепухи, — строго сказала Молли, чувствуя себя учительницей перед нашкодившими школьниками. — Вы

должны меня слушаться, — продолжала она, сама удивляясь своему тону. Необходимо было разобраться с этими актрисами, пока в уборную не зашел кто-нибудь еще. — Смотрите мне в глаза

Она включила гипнотический огонь в глазах на полную мощность. Голова Глории Сердсенс начала раскачиваться из стороны в сторону, Сьюли Шампань стала сползать на землю, рискуя поломать высокие «шпильки». Петулька заскулила. Девочке было неприятно видеть знаменитых киноактрис в таком состоянии, но она ничего не могла поделать.

— Расскажите мне о том, что вам приказал Праймо Клетс, — велела она Глории.

— Глубокая — тайна, — заявила королева Голливуда

— Послушайте, Глория, — взмолилась Молли, обеспокоенная тем, что ни один из ее приказов не выполняется. — Расскажите мне обо всем, это вам же на благо.

— Не — могу — ничего — сказать, — простонала Глория, дрожа всем телом. — Невозможно.

Обе звезды прямо-таки плавилась под гипнотическим давлением. Обычно под воздействием такой силы люди безоговорочно повиновались. Молли не понимала, почему актрисы сопротивляются. Если гипнотизировать дальше, они просто свалятся без чувств. Гипнотическое внушение Клетса проникло в них так глубоко, что Молли никакими усилиями не могла их освободить. Как он этого добился?

— Хорошо, — вздохнула Молли, сдаваясь. Ей хотелось поскорее вернуть звездам более приличествующую форму. — Через минуту я щелкну пальцами, вы выйдете из транса и будете вести себя как обычно.

В этот миг Молли осознала, что у нее еще есть кое-какие возможности, и не смогла устоять перед искушением. Ей снова захотелось насладиться головокружительным ощущением власти, какое она всегда испытывала, подчиняя кого-нибудь своей воле, Молли все еще могла изменить жизнь этих женщин или хотя бы попросить их о чем-нибудь.

Например, можно было сделать так, чтобы они пригласили ее и Рокки к себе домой на обед. Или напроситься вместе с ними на главную роль в новом фильме. Или приказать Сьюли Шампань возглавить движение в защиту флоры и фауны джунглей.

Но вместо этого Молли слышала тихое пение Бренды Картрайт и решилась на щедрый жест. Она сказала:

— Сьюли и Глория, сегодня вечером вы обратите внимание на то, как великолепно работает Бренда Картрайт, уборщица этого туалета. Придя домой, вы напишете ей письмо о том, что без ее титанических усилий

церемония не была бы такой блестящей. Можете даже пригласить ее на чай. Она станет для вас самой запоминающейся фигурой этого праздника. И еще, в будущем как только я скажу... гм... «Сладкий крем», вы снова окажетесь в моей сласти... то есть власти. — Молли щелкнула пальцами, и обе дамы пришли в себя.

— Я спросила, все ли у вас хорошо, — повторила Глория Сердсенс, возвращаясь к прерванному разговору

— Да, конечно. Вы же знаете, за роль в фильме «Кровь незнакомца» меня выдвинули на главную награду

— Да, милочка. Я вас только что поздравила.

— Правда? — Сьюли Шампань не понимала, как она могла пропустить мимо ушей поздравления Глории. Потом из ее груди исторгся странный хрипловатый вскрик — так могла бы пискнуть подавившаяся мышь.

— Ох, не-ет! Я уронила тюбик с помадой! И он сломался! Это дурной знак. Этот цвет составила лично для меня Вилломена Дрейксленд. Видите, как хорошо он сочетается с водяными лилиями у меня на платье? О, Боже всемогущий, как же я теперь выиграю «Оскара»?!

Но Глория Сердсенс не слушала ее. Она наклонилась за сумочкой и заметила Петульку.

— Ах, какая ми-илая соба-ачка, — протянула она, — Это твоя? — спросила она у Молли. — Я не слишком люблю мопсов, больше склоняюсь к пекинесам, но ты просто чу-удо. — Она обхватила голову Петульки ладонями и поцеловала ее в нос. Петулька чуть не задохнулась от запаха ее духов и очень обрадовалась, когда из кабинки вышла Бренда Картрайт. Глория тут же переключила свои восторги на уборщицу.

— Бренда, ми-илая! — восхищенно вскричала Глория. — Сегодня вы работаете просто чу-удесно! Вам следует вручить специальную награду!

Бренда захлебнулась в волне похвал, обрушенных на нее Глорией и Сьюли, и от избытка чувств не могла издать ни звука.

Еще раз потрепав Петульку по спине, многократно поблагодарив Бренду за хорошую работу и наполнив всю уборную ароматом духов, актрисы наконец упорхнули.

Молли без сил опустилась на табуретку. Она была замешательстве. Сколько сил она приложила к тому, чтобы разгипнотизировать двух кинозвезд, — и все напрасно! Девочка совсем растерялась.

В книге по гипнотизму ничего не говорилось о внушениях, которые нельзя снять. Молли всегда считала, что любого загипнотизированного человека можно освободить. Однако Клетс каким-то образом научился накладывать гипноз навеки. Молли не знала, как он этого добивается.

Перед ней словно воздвиглась массивная железная дверь с тяжелым замком, от которого у нее не было ключа. Девочка только сейчас осознала истинную силу Праймо Клетса

Все, кого он загипнотизировал, оказывались в прочной западне. Если Праймо Клетс может удерживать их в своей власти сколь угодно долго, то значит, он неуязвим. Устрашающая мысль. Он будет становиться все могущественнее и могущественнее, все богаче и богаче. И будет повелевать все большим и большим количеством людей в Америке, а может быть, и во всем мире. Праймо Клетс знал о гипнотизме в тысячи раз больше, чем Молли. И сейчас он, возможно, находился в этом самом здании. Молли задрожала от ужаса.

Снаружи донесся голос из громкоговорителя. Зрителей приглашали занять свои места в зале. В дамскую комнату торопливо заскочили еще несколько человек — успеть попудрить нос, пока не началась церемония. Молли решила не оставлять надежды. Может быть, в ее сети попадется еще кто-нибудь из жертв Праймо Клетса — те, кого он не успел загипнотизировать так глубоко. Надо постараться узнать как можно больше о том, что с ними произошло.

Но время шло и шло, а планы никак не осуществлялись.

В продолжение вечера на церемонии несколько раз объявляли перерыв. Гости заглядывали в дамскую комнату, чтобы подправить макияж и зайти в кабинки. Перед Молли проходили большие и маленькие кинозвезды, три режиссера, четыре продюсера, три сценаристки, женщина-оператор и костюмерша. Девочка выявила закономерность: чем выше рангом та или иная знаменитость, тем больше вероятность того, что Клетс уже загипнотизировал ее. В его сети попались две из трех режиссерш и одна дама-продюсер. И опять-таки все его инструкции были прочны и непоколебимы.

Церемония шла своим чередом. Публика рукоплескала. Зрителям показывали отрывки из лучших фильмов. Вручался «Оскар» за «Оскаром». Лауреаты, взволнованные и польщенные, выходили за наградами на сцену. Петулька тихо поскуливала, мечтая тоже оказаться в зале и посмотреть.

Наконец в дверь дамской комнаты постучали. Это был Рокки, крайне разочарованный. Все, кто заходил в мужскую комнату, слишком торопились, не удалось ни с кем поговорить.

— Сплошная суматоха, — проворчал Рокки.

Молли рассказала ему о своих открытиях.

— Но как он это делает?... — задумался Рокки.

— Не знаю. Как будто закладывает инструкции им в душу и

запечатывает. Завинчивает крышку. Странно все это.

— И опасно.

— С меня хватит, — заявила Молли. — Пошли домой.

Глава двадцать первая

К Петулькиному восторгу, ребята наконец отважились выйти в пустое фойе. Из зрительного зала доносился негромкий гул голосов. Молли и Рокки решили перед уходом заглянуть туда хоть одним глазком. Они бесшумно проникли в зал и спрятались за портьерой в самом темном углу.

Зал был громадным — словно разверстая алая пасть, усеянная длинными рядами зубов-кресел. На этих зубах восседали сотни людей, усыпанных драгоценностями, одетых в смокинги или вечерние платья. Они смотрели, слушали, аплодировали, радовались. Молли казалось, будто все они очутились в хищной утробе чудовищного зверя, имя которому — шоу-бизнес.

С боков зала по публике шарили жадными взглядами бесчисленные телекамеры, закрепленные на длинных кронштейнах. Они снимали знаменитостей — как те реагируют, когда со сцены объявляют очередного победителя. Каждая кинозвезда знала, что за ее жестами внимательно следят миллионы людей во всем мире.

Подошла очередь номинации «Лучшая актриса — исполнительница главной роли». На гигантском экране промелькнули кадры из фильма «Среди глуши» с Таней Толайли, потом экран разделился начетверо. Камеры демонстрировали в прямом эфире четырех актрис, названных кандидатами на эту награду; над сценой нависали их исполненные надежды лица, каждое шести футов в высоту. Разумеется, среди них была и Сьюли Шампань.

Вручала награды испанская актриса в платье с рукавами-крыльями, создававшими впечатление, что она вот-вот взлетит. Она разорвала запечатанный конверт с именем победительницы, достала карточку (публика затаила дыхание) и объявила:

— Золото-ой статуэ-эткой награждается... Сьюли Шампань за роль в фильме «Кровь незнакомца»!

Из зрительного зала донесся пронзительный вскрик — это Сьюли Шампань радовалась победе. Три другие актрисы на огромном экране тщетно старались скрыть разочарование. Публика устроила бурную овацию.

Сьюли встала, трепеща, и поцеловала тех, кто сидел с ней рядом, — свою сестру и режиссера фильма Джино Туччи. Потом подобрала длинный шлейф русалочьего платья и как можно грациознее заскользила по проходу

между рядами кресел. Но, приблизившись к сцене, она не выдержала и в растерянности прижала ладони к губам. Всю жизнь она мечтала об этом моменте, а теперь, когда он настал, никак не могла справиться с мыслями. Очень скоро — то ли через целый час, то ли всего лишь через один краткий миг — золотая статуэтка «Оскара» очутилась у Сьюли в руках, и испанская актриса поцеловала ее в щеку.

— Поздр-равляю, поздр-равляю, — говорила ведущая, подталкивая Сьюли к микрофону.

Сьюли Шампань почувствовала на лице жадные взгляды телекамер. Она улыбнулась, зная, что ее приоткрытыми губами любуются миллионы телезрителей во всех странах мира,

У себя в номере в «Шато Мармозет» миссис Тринкелбери глядела на триумф Сьюли Шампань и утирала слезы радости.

— уж кто-кто, а она з-з-заслужила эту н-н-награ-ду, — говорила миссис Тринкелбери. — Ох, и радуется, д-д-должно быть, к-к-красоточка наша. А уж мама-то ее, п-п-поди как гордится дочкой.

— А может, она сирота, — вставила Джемма.

— Интересно, что она с-с-сейчас скажет, — продолжала миссис Тринкелбери. — В-в-видать, волнуется, бедняжка.

А на телеэкране Сьюли Шампань задумчиво смотрела в зал, как будто ждала, пока стихнут аплодисменты. Но на самом деле актриса изо всех сил пыталась вспомнить заранее заготовленную речь. От радости все заученные слова вылетели у нее из головы.

Миссис Тринкелбери утерла слезы.

— Благодарю вас, — начала Сьюли Шампань, лихорадочно выискивая в мозгу потерянную речь. И наконец нашла.

— Да, — вздохнула она. — Я хочу поблагодарить всех, кто трудился над созданием этого фильма. Мне было очень приятно работать с вами, и, если бы не вы, я бы сейчас не стояла на этой сцене. Спасибо, огромное вам спасибо. Но особую благодарность я хочу высказать Бренде Картрайт, которая сегодня присутствует здесь, Она поддерживает дамскую комнату театра «Кодак» в такой идеальной чистоте, что я охотно провела бы там весь вечер. Я никогда еще не видела столь ослепительно-чистых сидений на унитазах. Да, Бренда, благодарю вас, вы превратили мой вечер в незабываемое удовольствие.

— Какая милая девушка, — заметила миссис Тринкелбери.

Публика не знала, смеяться или плакать, но кое-где слышались смешки. Многие сочувствовали растроганной актрисе. Она, видимо, так глубоко ошеломлена свалившейся на нее наградой, что немножко

запуталась в словах. Послышались аплодисменты. Многие режиссеры отметили для себя, что Сьюли Шампань — на самом деле гораздо более эксцентричная и интересная актриса, чем им казалось раньше.

Сьюли Шампань смущенно улыбнулась и сошла со сцены.

Рокки покосился на Молли.

— Странно она себя ведет. Надеюсь, ты тут ни при чем?

— Я не внушала ей говорить именно это, — с виноватым видом сказала Молли.

Молли, Рокки и Петулька внимательно следили за происходящим из-за своей портьеры. Наконец церемония закончилась, взволнованные галдящие толпы выплеснулись в фойе и коридоры. Ребят толкали со всех сторон. Молли краем уха слышала обрывок разговора об исчезновении Дивины Наттель.

— Как вы думаете, ее похитили? Но почему же тогда семья Дивины не получила требования о выкупе? — спросил какой-то мужчина.

— Могу сказать только одно, — ответил его спутник. — Лично я нанял телохранителя, чтобы он провожал моих детей в школу. Больше они не будут в одиночку бродить по улицам.

Тут Молли и Рокки поняли, что им следовало уйти хоть немного раньше. Чтобы не попасть в объективы телекамер, они решили выскользнуть через боковой выход. И тут на плечо Молли опустилась чья-то рука.

Девочка обернулась. Над ней возвышалась властная фигура седоволосого мужчины. Едва удержавшись от крика, Молли рванулась в сторону.

Праймо Клетс улыбнулся.

— Извини, если напугал, — заговорил он. Молли постаралась не выказать ужаса. Клетс смотрел прямо на нее. Молли узнала его глаза. Они и вправду были разного цвета: один бирюзовый, другой — карий со странным оттенком. Стараясь не встречаться с ним взглядами, Молли посмотрела в его волосатые ноздри. — Рад видеть тебя, — произнес Клетс теплым, дружеским тоном. — Ты Молли Мун, не правда ли? Меня зовут Праймо Клетс. Мне о тебе рассказал мой сын Синклер. В прошлом году ты промелькнула на нью-йоркском небосводе, как метеор, и исчезла. По-видимому, тебе суждено стать звездой двадцать первого века. — За спиной у Праймо Клетса стоял Синклер. Был он светловолос, голубоглаз, строен и загорел.

— Привет, — сказал он и широко улыбнулся, как будто поставил себе главной целью очаровать Молли. Петулька зарычала, Молли тотчас же

узнала Синклера — это он вошел в кабинет к Клетсу в ту ночь, когда они прятались под столом. Девочка постаралась загородить собой Петульку.

— Для меня большая честь познакомиться с тобой, — продолжал Праймо Клетс — Я всегда интересуюсь юными звездами. — Голос у него оказался текучим, гладким, как будто горло, язык и зубы были смазаны жидким силиконом. Необычайные глаза расширились и блестели. Праймо протянул для пожатия холеную руку. Девочка ее не взяла.

Праймо Клетс принял смятение Молли за неуверенность.

— О да, конечно, — воскликнул он. — Ты ведь не знаешь, кто я такой, верно?

Молли покачала головой, делая вид, что понятия не имеет. Голос у Клетса был страшный, неотразимо чарующий. Ни в коем случае нельзя его слушать!

— Мне пора, — буркнула Молли и попятилась.

Праймо не удерживал ее. Видимо, кто-то уже предупредил эту юную звездочку, что Голливуд — это бассейн, кишачий акулами, и что каждый встречный хочет отхватить от нее кусочек.

— Очень хотел бы познакомиться с тобой поближе, — промурлыкал он. — Молли, сегодня вечером я устраиваю самую крутую вечеринку во всем Лос-Анджелесе. Там будет весь цвет города Тебе непременно надо у меня побывать. Буду рад видеть тебя и твоего друга среди гостей. — Клетс протянул Молли два черных приглашения с золотистыми силуэтами сорок. — Надеюсь скоро увидеть вас — Клетс снова улыбнулся и растворился среди шумной толпы.

Молли и Рокки глядели на приглашения, не произнося ни слова.

Наконец Молли прервала молчание.

— Пожалуй, стоит заглянуть ненадолго.

— Нам вообще незачем туда ходить, — возразил Рокки. — Видела, как он на тебя пялился?

— Надо пойти, — настаивала Молли. У нее в голове уже созрел план. — Только подумай — нам предоставляется такой удобный случай узнать о нем побольше! Мы должны выяснить, в чем секрет его нестираемого гипноза Думаю, в доме обязательно найдется какая-нибудь зацепка Наверняка у него есть специальная комната для гипноза, и там мы что-нибудь узнаем. А если Клетс и вправду похитил Дивину, то, может быть, она сейчас заперта на чердаке или в подвале. Рокки, я понимаю, мы очертя голову лезем в львиное логово, но сходить надо.

— Молли, забраться в дом к Клетсу и думать, что выйдешь оттуда невредимой — это все равно, что играть в трансформаторной будке,

надеясь, что тебя не убьет током.

— Нет, — сказала Молли и подхватила Петульку на руки. — Мы не собираемся там играть. Мы отключим электроэнергию.

Глава двадцать вторая

Молли и Рокки не фазу сумели добраться до дома Праймо Клетса Шофер, который их привез, уже уехал, а поймать такси оказалось невозможно: улица была запружена толпами зевак, выпрашивавших автографы. Но вскоре они заметили пожилого длинноногого актера в джинсовом костюме, сжимавшего в загорелой руке точно такое же приглашение с золотой сорокой, и вежливо спросили, не может ли он их подвезти. Молли узнала этого актера: он играл в старых ковбойских фильмах, которые она смотрела на видео в Приюте Счастья. Его звали Дасти Голдмен.

— Подвезу, если не возражаете против тряской езды. Моя машина стоит вон там, сзади. — Он улыбнулся, и по обветренному лицу разбежались приветливые морщины.

Молли и Рокки были рады встретить хоть одного актера, который походил на настоящего человека, а не на экранную картинку, и не возражали против тряски. Они пошли за Дасти Голдменом к заднему выходу из театра «Кодак».

— Удивляюсь, как вы меня узнали, — скромно сказал артист. — Я уже много лет не снимался в громких фильмах.

— А как вы попали на «Оскара»? — спросил Рокки.

— Меня пригласила давняя подруга Она режиссер, сняла фильм, номинированный за лучшее звуковое оформление, а ее муж не смог пойти, приболел. Вот она и отдала мне его билет. Так что я здесь скорее в память о прошлых днях.

Когда они подошли к служебному входу в театр, солнце уже село, стало прохладнее. Дасти подвел Молли, Рокки и Петульку к потрепанному автомобилю с откидным верхом. Машина была ржавая, побитая и грязная.

— Почему никто не выходит через служебный вход? — спросила Молли. — Здесь же нет никаких толп.

— Потому и не выходят. Актеры любят быть на виду, позировать перед телекамерами, — ответил Дасти. — Чем чаще публикуют их фотографии, тем выше популярность. А чем более они популярны, тем чаще их фотографируют. Это как винтовая лестница, и все мечтают подняться по ней. Подняться выше, чем кто-либо до них. Выше, чем Мерилин Монро и Элвис. Хотят стать божествами, чтобы люди им поклонялись. Вот почему никто не идет через служебный вход. — Он вскарабкался на переднее

сиденье незапертой машины. — Я, конечно, не говорю, что все эти люди бездарны. Среди них есть и по-настоящему хорошие актеры, и высококлассные режиссеры. Но многие лезут на эту лестницу просто из спортивного интереса. Ребятам понравился пожилой актер. Он стоял на земле обеими ногами и мыслил здраво. Молли и Рокки вскочили в его «Тандерберд» и устроились на потертых кожаных сиденьях. Дасти взялся левой рукой за потускневший хромированный руль, повернул ключ в замке зажигания и несколько раз дернул рычаг передач. Мотор заурчал, и машина тронулась с места.

Ехать в машине с откидным верхом было приятно, но довольно холодно. Дасти дал Молли куртку, и девочка закуталась в нее поплотнее. Петулька взобралась к Молли на колени и высунула язык, подставив его встречному ветру. Они миновали Голливудский бульвар, а затем, набрав скорость, покатали через Западный Голливуд. Мимо них пролетали, мелькая, яркие огни ресторанов, отелей, баров. Уши Петульки хлопали на ветру.

— Любите музыку? — спросил актер.

— Обожаю, — ответил Рокки. Дасти включил радио. Заиграла музыка «кантри».

— Играешь на чем-нибудь?

— На гитаре, — ответил Рокки.

— Вы когда-нибудь бывали здесь? — Молли кивком указала на проплывающий мимо отель «Беверли-Хиллз».

— Да. Дорогое заведение. Все кругом розовое, золотое, битком набито диванными подушками. Будто очутился в коробочке с салфетками. — Дасти сосредоточил внимание на дороге, — Вон, видите здание, то, что сверкает огнями сверху донизу? Это особняк Праймо Клетса.

Молли риала дом Праймо Клетса — она видела его на фотографиях у Люси. Огромный особняк стоял на высоком холме посреди парка. Серые каменные стены и деревья освещались серебристыми лучами прожекторов. Чем выше взбиралась дорога, тем меньше было видно окружающей особняк земли. В конце концов перед путниками протянулась одна только высокая стена ограды.

Дасти подъехал к внушительным воротам, выключил музыку и показал приглашение дюжим охранникам.

— Никогда тут не бывал, — сказал он.

— Мы тоже, — откликнулись ребята.

Молли надеялась, что ее поспешное решение забраться к Клетсу в логово не было опрометчивым.

Нужно было поскорее выяснить все, что они хотели, и молить Бога, чтобы Праймо Клетс был слишком занят гостями и не обратил на них внимания.

Вслед за вереницей других машин Дасти въехал на длинную, извилистую аллею, обсаженную кедрами. Она петляла между небольших прудов, где под водой горели разноцветные фонари. На лужайках с колышущейся травой паслись целые стада чудовищных скульптурных зверей с громадными стальными челюстями, полными острых зубов. То тут, то там среди травы проплывали огоньки.

— Ценитель искусства. Представляю, какая коллекция у него в доме, — сухо заметил Дасти. — Если уж гостям неинтересно, так пусть хоть охранники у стен полюбуются. Кстати, глядя на экспонаты нашего гостеприимного хозяина, можно себе представить, каков он сам.

Дорога вывела их на усыпанный гравием двор, расположенный позади и немного выше главного здания. Служитель показал Дасти, где припарковать машину. Посреди автостоянки, в центре фонтана, высилась громадная каменная сорока, словно готовая взлететь. Из кончиков ее крыльев вырывались водяные струи.

Молли вышла из машины и огляделась, стараясь запомнить как можно больше. Внизу вырисовывались крыши, каминные трубы, окна верхних этажей главного особняка Праймо Клетса. Вдалеке, будто озеро светящегося пуха, раскинулся Лос-Анджелес. Город переливался миллионами волшебных огоньков: одни из них выстроились ровными рядами, другие смешались в сверкающую путаницу ярких красок и мигающего неона.

— Слышал, что тут необычный вид. Отсюда город похож на гигантскую компьютерную плату, правда? — сказал Дасти. Дальше путь лежал по каменной лестнице, ведущей к задней двери дома. Вдоль лестницы ярко пылали факелы.

Слева и справа благоухали цветники с розами, и повсюду громоздились знакомые стальные скульптуры. Из кустов прямо под ноги Петульке выпорхнул фазан. В самом низу лестницы их встретил сад в японском стиле с цветущими деревьями. С резного деревянного мостика свисали пурпурные пряди ароматной глицинии. Внизу, в пруду, среди широких листьев водяной лилии плавали огромные рыбы в оранжево-белую крапинку.

— Китайские карпы, — заметил Дасти, проходя через мостик. Тут Молли поняла, что она впервые в жизни оказалась в доме по-настоящему богатого человека. До чего же удивительное, наверно, ощущение —

каждый день возвращаться с работы в такое роскошное место. Они прошли под аркой и очутились в круглом мощеном внутреннем дворе, где большая скульптура в виде яйца напугала их, неожиданно выбросив из верхушки фонтан оранжевого пламени. В дом вела дверь, покрытая замысловатой резьбой. Тут их приглашения проверил еще один охранник. Молли, Петулька и Рокки вошли вслед за Дасти в просторный холл с высоким потолком.

Они очутились на балюстраде, тянущейся вдоль стены. Широкая дубовая лестница вела вниз, в огромный зал с мраморным полом, покрытым коричневатыми разводами, как будто кто-то пролил на него кофе. Снизу доносилась музыка — оркестр играл джаз. Спускаясь по лестнице, Молли изумленно вертела головой. Вдаль, в глубину дома, уходил длинный коридор. По нему деловито сновали официанты, разнося по комнатам подносы с угощением и напитками.

— Пойдемте-ка поближе к центру событий, — предложил Дасти и провел ребят в парадную гостиную Праймо Клетса.

Огромная зала, откуда по случаю праздника вынесли всю мебель, была полна гостей. С потолка свисала исполинская хрустальная люстра с бесчисленными подвесками, сверкающими, будто капли росы. Квартет играл популярную песню «Ты запала мне в душу». Проходя через залу, Дасти смешно пританцовывал, виляя бедрами.

Вскоре они очутились на огромном балконе величиной с теннисный корт. Их встретил пронзительный голос:

— А, Дасти, вот и ты!

На шее у пожилого актера повисла высокая, красивая арабка в платье с красной вуалью.

— Рад тебя видеть. Хорошо веселишься? — сказал Дасти и, подмигнув, познакомил Молли и Рокки со своей подругой-режиссером.

Официант предложил ребятам фруктового пунша. Петулька подобрала с пола маслину, съела и принялась сосать косточку. Молли внимательно изучала особняк Праймо Клетса.

Дом был четырехэтажный. В окнах первого этажа были видны веселящиеся гости с бокалами шампанского и коническими фужерами для коктейлей. Глория Сердсенс обнимала Джино Туччи; Геркулес Стоун поздравлял Сюли Шампань с вручением «Оскара»; Стефани Гулляш обменивалась приветственными поцелуями с Кингом Лоссом. Был там даже политик Гандолли, которого Молли видела на предвыборных плакатах, расклеенных по всему городу. В воздухе звенели смех и веселая болтовня. Гости наслаждались тем, что нынче вечером им довелось попасть

на лучшую вечеринку в Лос-Анджелесе. Многие деловито прочесывали комнату за комнатой, стремясь поговорить со всеми самыми значительными людьми. Актеры старались очаровать режиссеров, режиссеры льстили продюсерам, продюсеры выискивали звезд, которые помогут их следующему фильму побить все рекорды кассовых сборов.

Но Молли думала только об одном: как *им* повезло очутиться в гостях у Клетса именно в такой вечер. Первый этаж особняка бурлил в радостном оживлении, но окна верхних этажей были пусты и темны. «Самое подходящее время для небольшой вылазки», — решила Молли.

Глава двадцать третья

Молли и Рокки допили фруктовый пунш и прошли в зал с «кофейным» мраморным полом. Дубовая лестница, по которой они спускались, была запружена галдящей толпой, а вверху, на площадке второго этажа, стояли наготове два охранника. Нет, здесь не подняться, Молли и Рокки решили сначала осмотреться внизу. С трудом протиснувшись между толстенной женщиной в золотистом комбинезоне и столь же внушительным седоусым здоровяком, они попал в комнату, где народу было немножко поменьше. Она была обставлена в ультрасовременном стиле, свет исходил от стеклянно-стальной люстры в виде спутника.

— Помнишь, что говорил Дасти, — сказал Рокки. — Глядя на коллекцию картин Клетса, мы можем составить представление о нем самом.

Слева от них висела очень странная картина в серо-зеленых тонах: обезьянка шарманщика с поводком на шее тянула за собой толпу крохотных человечков на которых не было надето ничего, кроме поводков. На противоположной стене красовался портрет самого Клетса, такой огромный, что холст закрывал почти всю стену. В зрачках его глаз, одного бирюзового, другого карего, мелькало крохотное отражение летящей сороки.

— Хотела бы я знать, где он сейчас, — прошептала Молли, и тут в комнату вошел официант с подносом. На тарелке были красиво разложены жареные крабы и стояла бутылка черного соуса.

— Что это такое? — спросила Молли.

— Крабы с мягким панцирем, — ответил официант и, заметив озадаченный взгляд Молли, добавил: — Их можно есть целиком. Особый сорт.

— Гм, спасибо, не надо, — отказалась Молли. Но Рокки все-таки взял одного.

— М-м, хрустит, — промычал он.

Мальчику очень понравилось на вечеринке; он здесь так освоился, что даже не пугался упоминания о Праймо Клетсе.

— Не думаю, что он так уж сильно заинтересовался нами. У него есть рыбка и покрупнее.

— Не хочу я оказаться у него на сковородке, — сказала Молли, глядя на проплывающее мимо блюдо с крабами.

Молли, Петулька и Рокки, никем не замеченные, принялись пробираться сквозь толпу гостей, становившуюся все более шумной. Они искали личные покои Праймо Клетса. Дойдя до конца мраморного коридора, они распахнули дверь и очутились в оранжерее. Бесчисленные тропические лианы с густой листвой карабкались вверх по высоким колоннам; в их тени скрывались сотни цветущих орхидей. В воздухе витал влажный сладкий аромат. В дальнем конце оранжереи, у фонтана, играли на гитарах и пели трое гостей.

Двоих Молли не знала — это был высокий худощавый мальчик-подросток с большим носом и лохматой гривой, а также девочка лет шестнадцати, стриженная «ежиком». Серединка одной из бровей у нее была выбрита. В третьем музыканте Молли и Рокки с удивлением узнали Билли Боба Бимбла. Ребята остановились послушать. Молли видела, что Рокки отчаянно борется с желанием взять одну из запасных гитар и присоединиться к музыкантам, и сердито сверкнула на него глазами, напоминая о более важной миссии.

Рокки принялся подпевать.

— Классно поешь, парень, — кивнул лохматый мальчишка и прикрыл глаза.

Тогда Рокки заговорил в такт музыке. Молли была поражена. Он сочинял слова прямо на ходу, и получалось у него очень здорово, прямо настоящий рэп. Но потом он подал ей сигнал, и она с Петулькой отошла на другой конец оранжереи. Еще не хватало, чтобы Рокки ее загипнотизировал. Выждав несколько минут, Молли вернулась и обнаружила, что трое гитаристов взирают на Рокки немигающими глазами.

— Кру-уто, — протянул лохматый. Все они были в трансе.

На всякий случай Молли впиалась в них пылающим взглядом. Потом спросила, загипнотизировал ли их Клетс. Все трое ответили, что да. Но, когда она приказала забыть все инструкции Клетса, девочка с выбритой бровью ответила:

— Не выйдет. Если — Праймо — сказал — это — навсегда

— Да, — подтвердил Билли Боб Бимбл. — Праймо — крутой. Напишу — о нем — песню.

— Но ты ведь уже написал. Песня о сороке — разве это не про него? — сказала Молли, вспомнив мелодию, ежедневно льющуюся из радиоприемников по всему миру.

— Нет — подруга. Та — песня — о женщине — с разбитым — сердцем. Песня — о любви.

Молли поняла, что на поверхностном слое сознания Бимбл не

понимает, кто такой на самом деле Праймо Клетс. Но глубоко внутри он наверняка о чем-то догадывается. И песня это доказывает.

— Спой песню о сороке, — попросила она. И Билли Боб затянул чарующим голосом:

*«Не отдавай свое сердце,
Он кочет его украсть.
Украсть твое сердце, о-о-о,
Не отдавай свое сердце,
Он, как сорока,
Хочет его украсть, о-о-о,
Как сорока,
Хочет украсть звезды с неба,
Солнце и луну,
И тебя, о-о-о,
Как сорока».*

— Где Клетс тебя загипнотизировал?

— Здесь, в кинозале, — ответил Билли Боб Бимбл.

— Где это?

— На первом этаже. — Билли Боб указал на лестницу в дальнем конце оранжереи.

— А меня — на крокетной площадке, — сказал лохматый парень. Девочка кивнула.

Молли велела музыкантам забыть о встрече с ней и ее другом и вывела их из гипноза. Те остались и дальше брэнчать на гитарах, а Молли и Рокки отправились искать кинозал.

* * *

Они попали в роскошный домашний кинотеатр, где стояли огромные кресла с откидными спинками. Тяжелый шелковый занавес был раздвинут, открывая большой экран, на котором по горной дороге гнались друг за другом два мощных «Феррари». Молодой человек с очень серьезным лицом показывал пожилому продюсеру свой только что снятый фильм.

Горестно вздохнув, Молли и Рокки вернулись тем же путем, каким пришли.

— Здесь мы не найдем ничего полезного, — подытожила Молли.

— Как жаль, что нам нельзя просто веселиться и весь вечер смотреть кино, — вздохнул Рокки, когда они снова вышли на лужайку. Возле маленькой крокетной площадки, огороженной уличными обогревателями, прогуливались три звезды: знаменитый каратист Тони Вам и две актрисы, снимавшиеся в мыльных операх. Они говорили о письмах от поклонников. Петулька обнюхала их брюки. Молли отошла в сторонку — подслушать, о чем говорят две актрисы, сидевшие под лимонным деревом. Пожилая кинозвезда давала своей хорошенькой юной коллеге полезные советы.

— Откровенно говоря, дорогая, вам следовало бы увеличить скулы. Это очень легко, просто под кожу вшивается немного костной ткани. Ваше лицо примет совсем другой вид. А в лоб нужно сделать несколько инъекций ботокса — они не дадут появиться этим противным морщинкам, которые у вас уже назревают. Мне тоже введен ботокс. Посмотрите, я нахмурила брови, но вы этого не замечаете, правда?

— Нет, я не вижу никаких морщин.

— Вот именно.

— Но разве актриса может обойтись без морщин? Как же зрители увидят, хмурюсь я, грущу или сержусь? — спросила юная звездочка.

— Как хотите, милочка, но лично я не собираюсь гримасничать только потому, что этого требует какая-то там роль. Не собираюсь из-за этого губить свое лицо.

Молли проверила актрис и обнаружила, что они тоже являются верноподданными Праймо Клетса. Кроме того, она сделала первое за сегодняшний вечер важное открытие.

— Где Праймо Клетс загипнотизировал вас? — спросила она даму с ботоксом.

— Наверху — в своих — личных — покоях, — ответила та

— Как вы туда попали?

— Надо подняться по парадной лестнице, на площадке свернуть направо и пройти мимо всех этих красивых спален.

— Они такие чудесные, я там однажды ночевала, — вздохнула юная актриса,

— Надо дойти до конца, там будет особая дверь...

— Волшебная дверь...

— За ней еще одна лестница...

— Восхитительная лестница...

— Если повезет, вы сможете подняться наверх к Праймо и выпить с ним чаю.

— О, это как в раю...

— Вы увидите чудеснейшие личные покои Праймо — мастерские, библиотеку, кабинет. Он очень интересный, умный человек...

— Он великолепен. Ему бы быть президентом.

— Он гений...

— Там он и разговаривал со мной.

— И со мной.

Молли и Рокки переглянулись. Оба страшно волновались. Похоже, все гости на этом вечере, кроме них самих, были загипнотизированы Клетсом. Пробираться наверх было слишком опасно. Но тут друзья вспомнили о Дивине Наттель. Она где-то здесь, в этом здании, и ей очень плохо. Надо ее найти.

Глава двадцать четвертая

Молли, Рокки и Петулька бродили по парадному залу, выжидая, не подвернется ли удобный случай проскользнуть наверх. На праздник все еще прибывали приглашенные, лестница кишела гостями, сновавшими туда-сюда. Охранники внимательно следили за порядком. Но вот они отвлеклись на какого-то журналиста, пытавшегося прорваться силой. Проворно, как белки, карабкающиеся на орешник, Молли с Петулькой и Рокки взбежали по лестнице и повернули направо. Через мгновение они уже спрятались за колонной, возвышавшейся посреди коридора, и переводили дыхание. Они немного постояли, следя, не выйдет ли кто-нибудь на лестничную площадку, потом крадучись дошли до конца коридора и свернули за угол. Сердца у ребят отчаянно колотились. У дверей они столкнулись с охранником, но Молли быстро успокоила его гипнозом, и они пошли дальше.

По обе стороны коридора тянулись бесконечные спальни, и все они, похоже, были заняты, — об этом говорила разложенная на кроватях одежда.

— Видимо, он любит принимать гостей, — прошептала Молли, прикоснувшись к шелковому вышитому покрывалу. — Здесь как в старинном замке, правда?

— Только в замке холоднее, — заметил Рокки. — И, надеюсь, здесь нет подземных темниц.

Ребята на цыпочках двинулись дальше.

— А еще похоже на картинную галерею, — добавила Молли. Вдоль стен висела целая серия запыленных картин с изображениями кроликов, мечущихся в свете автомобильных фар. Дальше следовали портреты людей с головами, отвинченными от туловищ.

— Вот о чем он мечтает, — прошептала Молли. — О том, чтобы все, кого он загипнотизировал, потеряли головы ради него.

— Вряд ли. Он просто коллекционер. Но эти картины ему нравятся. И, значит, они показывают, каков он на самом деле.

Они добрались до самого дальнего конца этого крыла здания. Возле закрытой двери мерцала неоновая надпись: «Один стежок, но вовремя, стоит девяти». Ребята поняли, что стоят у входа в личные покои Праймо Клетса,

Рокки подергал дверь. Она была не заперта. За ней находилась ведущая вверх зеленая мраморная лестница.

Молли казалось, что она попала в башню, где живет злая ведьма, и где-то в глубине их ждет заколдованное веретено. Она закрыла за собой дверь и вслед за Рокки зашагала вверх по лестнице. Они очутились в небольшой гостиной, стены которой были обиты желтой кожей. В камине пылал огонь. От горящих дров шел горьковатый дым, на стенах плясали причудливые тени. Казалось, комната следит за своими гостями.

Молли подошла к письменному столу. Он был уставлен десятками пресс-папье, и все они выглядели одинаково — часы в виде одуванчика, вделанные в твердый шар из прозрачной смолы.

— Не прикасайся — вдруг стол присоединен к сигнализации!

— Рокки, если я не загляну внутрь, мы так ничего и не узнаем. — Молли подергала ящики письменного стола. Они были заперты.

— Наверно, именно здесь те две поклонницы Праймо Клетса и пили с ним чай, — предположила девочка.

Рядом располагались еще две комнаты. В одной стояли картотечные шкафы и несколько буфетов, но они тоже были заперты.

— Надо было научиться у Нокмана вскрывать замки, — прошептала Молли, Но Рокки ее не слышал. Он уже направился в комнату напротив — так ему не терпелось поскорее покончить с делом и убраться отсюда.

Эта комната представляла собой небольшую библиотеку, ее стены от пола до потолка были уставлены книжными полками. Книги здесь были самые разнообразные — романы, энциклопедии, справочники, биографии, книги по искусству, пьесы, фотоальбомы. По бокам от еще одного растопленного камина стояли два кресла с кремовой обивкой. На журнальном столике красовалась статуэтка — жадная рука пытается схватить сердце, норовящее упорхнуть. На стенах висели две картины, еще более странные. Одна из них изображала сороку в короне и с повязкой на глазах. На другой летящая сорока была подвешена за веревки, привязанные к крыльям и хвосту. Молли прочитала слова, вытканые вдоль края коричневого ковра под ногами,

«Познай свое сердце Знание — это власть. Познай свое сердце Знание — это власть Познай свое сердце Знание — это власть Познай свое сердце Знание — это власть».

Эти слова тянулись через весь пол. Девочка прошла по ковру, следуя за ними. В одном месте она споткнулась о невысокий бугорок. Под ковром что-то лежало. Молли склонилась, ощупала бугорок и, улыбнувшись, извлекла из-под ковра латунный ключ. Молли подошла с ним к столу. Нет, этот ключ был слишком велик для замков в ящиках — он скорее походил на дверной. Может быть, им отпирали дверь, через которую они только что

вошли? И тут Рокки догадался, для чего предназначен ключ. Он молча указал в центр стены, где едва заметные щели толщиной в волос выдавали потайную дверь. Невысоко над полом виднелась крохотная замочная скважина. Стараясь не шуметь, Молли вставила ключ в скважину и осторожно повернула. Замок тихонько щелкнул, и потайная дверь сдвинулась внутрь. Видимо, за этой дверью скрывалось то, что Праймо Клетс не желал никому показывать.

В тайной комнате находилась еще одна библиотека, меньше первой. Посреди комнаты стоял письменный стол, обтянутый кожей коричневатопурпурного цвета, и кресло с высокой спинкой. Молли, Рокки и Петулька крадучись вошли.

Книг на полках стояло так много, что за ними не было видно стен. Но, в отличие от тех, в предыдущей комнате, все они были одинакового размера и одной толщины. И корешки у всех были одного цвета — красно-коричневые. Одни переплеты были яркими, другие полиняли, но у Молли сложилось впечатление, что первоначально все книги были совершенно одинаковыми. Цвет показался знакомым, но девочка никак не могла вспомнить, где она его видела. Однако, прочитав надпись на корешке одной из книг, она поняла, откуда ей знакомы эти книги, и похолодела от ужаса.

— Не может быть! — ахнула она, обводя взглядом увешанные полками стены.

Ибо вдоль высоких стен, от пола до потолка, на всех-всех полках стояли бесчисленные экземпляры одной-единственной книги — той самой, которую Молли и Рокки хорошо знали.

ГИПНОТИЗМ

— Я думала, в Брайерсвилле хранится последний в мире экземпляр, — пролепетала Молли.

— Я тоже так думал, — кивнул Рокки. — Но ведь вначале было напечатано много таких книг.

— Интересно, как он собрал их? — спросила Молли. — Все они, наверное, принадлежали разным людям...

— Разным гипнотизерам, — уточнил Рокки.

Тут с Молли произошло то, что, по ее мнению, бывало только в мультиках. Ноги задрожали так сильно, что коленки заколотились друг о друга.

— Как ты думаешь, что с ними стало? Рокки ничего не ответил.

— Они мертвы? — выпалила девочка хриплым шепотом, похожим на ослиный кашель. Петулька сочувственно заскулила

— Мо... может быть, он просто заставил их забыть все, что они знают о гипнотизме, и отпустил восвояси, — предположил Рокки, не желая признавать, что Праймо Клетс способен на страшное злодейство.

— Эти книги — будто трофеи, — прошептала Молли. — Словно высушенные головы гипнотизеров, которых он лишил силы. — Ее ладони вспотели, как в сауне. — Рокки, мне страшно. Давай отсюда выбираться. — При виде фантастической коллекции книг, подобных той, что перевернула ее жизнь, Молли совсем пала духом. Она еще сильнее почувствовала, что до мастерства Клетса ей далеко, как до Луны. Ее навыки по сравнению с умениями Клетса были все равно что пластмассовые игрушки рядом с современными машинами. Она выкинула из головы все мысли о поисках Дивины. Девочке хотелось только одного — выбраться из этого здания целой и невредимой.

Ребята заперли комнату, спрятали ключ на место и на цыпочках побрели к парадному входу.

* * *

А внизу Праймо Клетс задавал тон празднеству. Торжественный вечер удался на славу, но все-таки он никак не мог расслабиться, почувствовать себя спокойно. Для него эта вечеринка была всего лишь способом упрочить свое могущество. Ему нравилось находиться в центре внимания, быть на короткой ноге с самыми яркими звездами Голливуда. Всех этих людей он мог назвать «своими», но беззаветная преданность делала их не такими привлекательными. Сильнее всего интересовали его гости, которых он прежде не встречал.

Он подумывал, не загипнотизировать ли пожилого актера по имени Дасти Голдмен, но решил, что от него не будет никакой ощутимой пользы. По-настоящему привлекала его вполне заурядная на первый взгляд девочка, Молли Мун.

О ее блистательной роли в мюзикле «Звезды на Марсе» писали все нью-йоркские газеты. Ее помощь на детском канале очень пригодилась бы. Праймо уже привлек к работе юного поп-музыканта Билли Боба Бимбла, но знаменитая девочка поможет Клетсу завоевать сердца всех американских детей. Ему уже не раз приходило в голову, что эта девочка умеет гипнотизировать. Внезапный взлет из небытия к славе, тайна, окутывавшая

ее, то, как она при всей своей заурядности сумела покорить публику, — все это говорило о недюжинном гипнотическом мастерстве. Всегда приятно встречаться с близкими по духу людьми, хотя, конечно, взрослых гипнотизеров приходилось рано или поздно убирать с дороги. Так безопаснее.

Вспомнив о Дивине Наттель, Клетс вздохнул. Он хотел, чтобы она возглавила большую рекламную кампанию одежды для девочек «Домашняя Мода». И никак не мог понять, почему ее не удастся загипнотизировать. Мало того, иногда выходило, что Дивина ослабляла его силы. Может быть, с Молли Мун будет легче справиться, однако все-таки надо быть осторожным. Не исключено, что именно она станет новым лицом «Домашней Моды».

Где сейчас Молли Мун? Праймо мерил беспокойными шагами балкон и сад, пытаясь представить, куда бы он пошел в такой вечер на месте ребенка, но, как ни старался, смог вспомнить себя только в двадцать с небольшим лет, поэтому решил поискать черного мопса, который всегда ходил с девочкой.

У дверей стоял и курил сигарету пожилой сценарист, похожий на сову.

— Помните знаменитую девочку Молли Мун? Вы ее не видели? — спросил у него Праймо Клетс.

— М-да-а, — протянул сценарист. — Дело было так. Панорамируем через зал до дубовой парадной двери, видим девочку и ее друга. Они проталкиваются через толпу, хотят уйти. Крупным планом — лицо девочки. Она смущенно улыбается. Кто-то ее узнал. Фокус — на девочкином мопсе. Он идет за детьми к двери. Изображение медленно гаснет.

— Давно это было? — спросил Праймо.

— Пятнадцать минут назад.

— Значит, они уже в такси, — сказал себе Праймо и прикусил палец острыми зубами.

— В следующий раз, — предложил сценарист, выпуская облачко дыма, — вам не помешает нанять специального затейника для детей.

* * *

Молли и Рокки спустились по дороге и вышли из поместья через главные ворота. Они решили, что проще всего будет пройти весь обратный путь до «Шато Мармозет» пешком.

Тайная библиотека Праймо Клетса напугала обоих.

— Ну почему мы должны разбираться с этим Клетсом? — жаловался Рокки. — Нам все равно его не остановить. Он слишком силен.

Молли была с ним согласна

— На самом деле это работа для профессионального тайного агента, — сказала она, глядя через дорогу на рекламный плакат детективного фильма. — Смешно подумать, что с таким заданием сумею справиться я.

— К тому же, это нечестно, — пробормотал Рокки.

— Совершенно нечестно. Ну почему Люси не могла подождать, пока не поправится, а потом приехать сюда сама? — вздохнула Молли.

— Мы очутились в одном из самых удивительных мест на Земле, — ворчал Рокки, — попали на вечеринку, ради которой кто угодно отдаст руку на отсечение, но должны лишать себя всякого удовольствия и совать нос в чужие дела, рискуя попасться в лапы к какому-то гнусному типу. Это несправедливо.

— И неразумно.

Так, возмущаясь, друзья брели в ночной прохладе по дороге.

Им не встретилось ни одного пешехода, потому что все лос-анджелесцы водят машины.

Вернувшись к себе в бунгало, Рокки приготовил коктейль — роскошную «Ширли Темпл». Молли достала из буфета пачку зефира в шоколаде.

— Когда ты собираешься позвонить Люси и сказать, что не справляешься с заданием? — спросил Рокки.

— Сейчас в Англии семь утра, неохота будить ее в такую рань. Позвоню завтра. — Рокки понимал, что Молли оттягивает неприятный разговор, но ничего не сказал.

Молли положила в рот зефиринку и подождала, пока та не растает. Ей хотелось поскорее забыть про Клетса, подумать о чем-нибудь хорошем, но никак не получалось. Страшный гипнотизер не шел из головы.

— Что бы ты сделал на его месте? — наконец спросила она, сдаваясь.

— Я бы не останавливался на достигнутом, — сказал Рокки, вперившись затуманенными глазами в лица людей на газетной фотографии. — Я бы захотел повелевать всей Америкой, чтобы каждый поступал, как я скажу. Я бы хотел стать президентом.

— Но ведь можно не останавливаться и на этом, — подхватила Молли. — Как насчет мирового господства? Люси считает, что у него на уме именно это.

Ясно одно: он не собирается выходить из игры. Наверняка хочет

отхватить самый большой кусок.

Девочка задумалась, вертя в руках хорошо знакомую упаковку зефира фабрики Муна. На нем была нарисована Луна, круглая и белая, как зефирина. А Земля под ней походила на синий мраморный шарик. Когда Молли была маленькой, она думала, что Луна сделана из зефира и что все зефиринки из пакетов фабрики «Мун» упали с Луны. А еще считала, что во всем мире детей находят в картонных коробках или корзинах от колясок, как нашли ее и Рокки, Что дети в своих космических колясках и летающих коробках прибывают из космоса.

— Ты думаешь, мы одни на всем белом свете догадываемся, что затекает Клетс? — спросила она.

— Не знаю и знать не хочу, — отозвался Рокки, настраивая гитару.

Молли обхватила руками пакет с зефиром, так что земной шар удобно утнезвился в ладонях.

— Рокки, представь себе, что будет, если мы ничего не предпримем. Если не остановим его. Представь себе, что будет, когда он возьмется за дело по-настоящему.

— Поживем — увидим. Если понадобится, можем вступить в игру позднее.

— Как бы не оказалось слишком поздно, — предостерегла Молли.

Ей было очень беспокойно. Чем дольше она смотрела на маленький земной шар в ладонях, тем явственнее ощущала, что должна, обязана остановить Праймо Клетса. Никуда не денешься. Потому что знать о его злой силе и ничего не делать — это все равно что самой позволить ему творить злодеяния. Если она окажется единственной, кто способен с ним справиться, и ничего не предпримет, то выйдет, будто она ему помогла. Будто она хочет, чтобы он добился успеха. Только этого не хватало! Она подумала о миллиардах жителей земного шара, обо всех свободомыслящих людях, которых Праймо Клетс хочет взять под свою власть. Казалось, маленькая голубая планета на ладони стучится к Молли в сердце. В Брайерсвилле Молли твердила, что они с Рокки должны применять свой гипнотизм на благо людям. Разве могла она после таких слов остаться в стороне, когда над будущим всего мира нависла угроза? Вот и пришло время использовать гипнотическую силу, чтобы творить добро. Нельзя допустить, чтобы Праймо победил. Тут и думать нечего.

— Теперь или никогда, — сказала девочка другу. — Надо попытаться помочь Дивине. Надо выяснить, каким образом Клетс делает свой гипноз постоянным. Когда мы это узнаем, то сможем освободить всех его жертв. Тогда его могущество начнет рассыпаться. Нельзя сидеть сложа руки. Мы

никогда себе не простим, если хотя бы не попытаемся вмешаться.

Рокки с тоской взглянул на гитару и застонал.

— Значит, придется нам вернуться к нему в дом. Когда?

— Завтра, — твердо сказала Молли. — Пока мы окончательно не растеряли всю храбрость. Знаешь, что говорят о падении с лошади? Если упал, надо поскорее снова забраться в седло, пока не растерял храбрость. Рокки, от этой поездки нам не отвертеться.

— У меня храбрости и так уже осталось с горошинку, — сказал Рокки.

— А у меня — с маковое зернышко.

Глава двадцать пятая

Наутро Молли и Рокки проснулись от громкого стука в дверь. Сначала они перепугались, решив, что за ними явился Праймо Клетс. Но потом обнаружили, что на улице уже рассвело, и услышали голос Джерри. Он громко просил впустить его в комнату.

— Вставайте скорее, сони, — кричал малыш. — Просыпайтесь! Мы едем на Ферму Нотта.

Протирая глаза, Молли отперла дверь. В комнату хлынули теплые лучи солнца и ворвался радостный Джерри.

— Это парк аттракционов. Там есть «Прыжок в неизвестность» — Джемма говорит, это самые крутые в мире американские горки. И еще есть карусель «Бумеранг» и еще одна — называется «Ягуар». Нас туда отвезет мистер Нокман. Мы и Роджера возьмем. Но надо собираться быстрее, а то там будут большие очереди.

— Который час?

— Часов десять, так что одевайтесь скорее, поехали Молли покачала головой.

— Не можем, Джерри, нам надо кое-что сделать для нашего благотворителя.

— Опять? Ну и глупая ты, Молли. Там будет так весело!

Молли вздохнула

— Знаю. Не травми душу. Поверь, я бы с удовольствием поехала, но не могу. И Рокки не может. Но когда-нибудь потом — обязательно.

— Ладно, — разочарованно протянул Джерри.

— Счастливого отдохнуть. Не ешь слишком много сахарной ваты, а то живот заболит. Помнишь, как в прошлый раз? И не бери своих мышек. Они вывалятся из кармана на карусели и ушибутся.

— Ладно, — весело бросил Джерри через плечо и поскакал по дорожке.

Молли и Рокки попытались подбодрить себя вкусным завтраком в уютном внутреннем дворике, но нелегко было забыть, что где-то вдалеке тебя ждут аттракционы Фермы Нотта, а впереди, будто уродливый демон, маячит дело Праймо Клетса.

Молли доела омлет и налила себе гранатового сиропа Рокки раскрыл газету и углубился в спортивные новости. И вдруг Молли почувствовала легкое головокружение. Она поглядела в тарелку — уж не попалось ли ей

испорченное яйцо? — но в этот миг по ее телу побежала ледяная дрожь. Это была не тошнота, нет — что-то иное Молли инстинктивно воспротивилась этому чувству, огляделась по сторонам — и с удивлением обнаружила, что мир вокруг нее застыл. Рокки сидел неподвижно, подняв руку, чтобы почесать затылок.

Это был не сон. Все происходило наяву. Молли подняла глаза и в страхе посмотрела на холмы. Та сила, которая заставила время остановиться, находилась где-то там, наверху. Не близко, но и не слишком далеко.

Молли поймала зависшую в воздухе осу и прислушалась.

В мире царило безмолвие. Ни звука, если не считать ее собственного учащенного дыхания. Не шумели машины, не играла музыка, не гудели пылесосы и газонокосилки. Только тишина. Весь мир погрузился в молчание. Никто не смеялся, не плакал, не кричал, не пел. Притихли даже ветра и моря.

И вдруг, будто кто-то отпустил кнопку «пауза» на невидимом магнитофоне, мир снова пришел в движение. Оса в кулаке у Молли заметалась и зажужжала. Молли выпустила ее.

— Дурочка, что ты делаешь?! — вскричал Рокки. — Хочешь, чтобы она тебя ужалила?

Потом, заметив, что Молли оторопело таращится по сторонам, спросил:

— Что с тобой?

Молли склонилась к нему, опасаясь, что время остановится снова, и рассказала обо всем. Мальчик не сразу поверил ей.

— Может быть, остановки времени имеют естественную причину, — предположил он. — В этих местах нередки землетрясения — наверно, тут происходит и что-то вроде времятрясений. Может, Земля сама так делает.

Ребята обдумали геологическую гипотезу. Молли не знала, верить в это или нет.

— И еще одно, — в полном замешательстве добавила Молли. — Пощупай этот бриллиант.

Рокки прикоснулся к украшению.

— Холодный как лед.

— Разве алмазы могут вот так остывать без всякой причины? — спросила Молли. — Вокруг камня все теплое. Кожа у меня теплая. Разве он не должен иметь такую же температуру?

— Может, бриллианты заряжаются холодом, когда ты испытываешь холодное чувство слияния? Задерживают холод, ну, например, как металл.

После завтрака Молли и Рокки натянули джинсы и футболки. У Молли не шла из головы странная остановка времени. Петулька, видимо, отправилась на прогулку, и Молли решила, что на этот раз им не стоит брать собачку с собой.

Наконец ребята с неохотой покинули отель. План у них был дерзкий. Они решили спрятаться в одной из личных комнат Праймо Клетса. Только так они сумеют выяснить, каким образом действует его гипнотизм и, возможно, узнают, что случилось с Дивинной.

* * *

Они сели в такси и покатали по бульвару Сансет. Из окна машины Молли с завистью глядела на прохожих, занимающихся своими обыденными, безопасными делами: они покупали продукты, шли на работу. «Какие же они счастливые», — думала девочка. Раз или два с красно-бело-синего предвыборного плаката им широко улыбнулся жизнерадостный политик Гандолли. Молли решила, что у него нет никаких шансов одолеть Праймо Клетса, если тому захочется стать президентом.

* * *

Накануне ночью, на обратном пути из особняка Праймо, Молли загипнотизировала охранника у ворот, чтобы он пропускал их в любое время. Поэтому сейчас они с легкостью проникли на запретную территорию.

Однако добраться от ворот до парадного входа в особняк оказалось чрезвычайно трудно. По-видимому, вчерашний праздник еще не закончился. По гравийной дорожке непрерывно разъезжали автомобили. Шелестели шинами длинные лимузины с затемненными стеклами. Каждые полминуты ребятам приходилось отбегать с дороги и прятаться за кустами. Путь, на который требуется десять минут, отнял все сорок.

— По-видимому, он устроил еще одну вечеринку, — проговорила Молли, глядя на дверь через спину гигантской черепахи, жующей ветки розового куста, за которым они притаились.

Из машины вышел человек в военном мундире. Одни за другими прибывали важного вида гости в деловых костюмах, с телохранителями.

— Не удивлюсь, если приедет и сам президент, — шепнул Рокки. —

Наверняка Клетс с ним уже встречался.

Молли бросила на него мрачный взгляд.

— Если так, то Клетс куда могущественнее, чем мы считали. — Она рассматривала прибывающих гостей. — Все эти люди похожи на политиков, правда?

— Угу, — согласился Рокки. — Вот этот — губернатор Калифорнии. Я видел его фотографию в газете. Интересно, что замышляет Клетс?

Было ясно, что пробраться в дом через парадный вход не получится. Поэтому Молли и Рокки поползли по-пластунски через верхний розарий. Молли угораздило вляпаться в фазаний помет. Пробравшись мимо стальных скульптур и пруда с китайскими карпами, они очутились возле дальнего конца серого особняка. Здесь они нашли приоткрытое окно на первом этаже. Сначала полезла Молли. Ее нога опустилась во что-то мокрое. Просочившись внутрь, девочка обнаружила, что угодила прямо в большую ванну с водой. Они попали в комнату, где аранжируют букеты. Повсюду стояли вазы, корзины и ведра с экзотическими цветами, на полках были разложены садовые ножницы. Стряхнув воду с мокрой кроссовки, Молли осторожно ступила на линолеумный пол и велела Рокки смотреть под ноги. Потом тряпкой стерла с джинсов фазаний помет.

— Говорят, если птичка тебя обделала, это на счастье, — прошептал Рокки.

— Только если она попадет на тебя сверху. К тому же я не суеверна, — ответила Молли.

Из коридора слышались голоса — очевидно, переговаривались слуги. Среди цветов спрятаться было негде, поэтому Молли на цыпочках подошла к двери, готовая загипнотизировать любого, кто неожиданно войдет. Но вот голоса стихли вдалеке, и на миг Молли отважилась выглянуть в коридор. Тот был коротким, и в конце его виднелась лестница, скорее всего служебная. Бесшумно, как кошки, радуясь, что стены выкрашены в синий цвет и джинсовая одежда на их фоне служит хоть какой-то маскировкой, ребята вышли в коридор и скользнули по лестнице вверх.

Они находились в другом крыле дома, не там, где были вчера. Сюда едва доносился гомон и смех из главных залов. Ребята крадучись поднялись по лестнице и очутились на площадке, застеленной фиолетовым ковром. Отсюда коридор уводил налево.

По обе стороны этого коридора располагалось множество дверей. Услышав вдалеке чьи-то шаги, Молли и Рокки юркнули в одну из них и спрятались за кроватью с высоким балдахинном.

Они попали в роскошные апартаменты с гостиной, спальней и ванной. Комната была оформлена в бело-розовых тонах, на креслах и кровати лежали пушистые подушки. На маленьких столиках, застеленных кружевными скатертями, стояли розовые лилии в вазах и крошечные фарфоровые фигурки собачек. Видимо, гостя, обитавшая здесь, хотела чувствовать себя как дома. На туалетном столике возвышалось небольшое серебряное деревце, обвешанное бриллиантовыми кольцами. В открытой шкатулке поблескивали три бриллиантовых кольца. Ребята увидела на фотографии в рамке улыбающееся лицо Глории Сердсенс, окруженной белыми собачками, и поняли, в чьей спальне оказались. В следующий миг они услышали рычание.

Молли внимательнее посмотрела на кровать. Покрывало, которое она поначалу приняла за толстый плюшевый ковер, на самом деле оказалось густой массой живого меха. На кровати, тесно прижавшись друг к другу, наслаждались сладким сном десять белых пекинесов. Тот, что лежал посередине, проснулся.

Молли и Рокки почувствовали себя спичками, которые вот-вот подожгут ящик с шумными петардами. Не издавая ни звука, они на цыпочках выбрались из комнаты.

Постепенно они обнаружили, что во всех апартаментах, расположенных вдоль коридора, живут кинозвезды. Каждая из спален была обставлена в индивидуальном стиле, соответственно вкусу владельца. Гардеробы ломились от платьев, а ящики комодов от белья.

В одной из комнат, где явно обитал какой-то мужчина, Молли обнаружила на столе банковское извещение на имя Геркулеса Стоуна. Внизу был напечатан адрес: Сорочье поместье, Норт-Кресцент-Драйв, Западный Голливуд.

— Видимо, он здесь крепко обосновался, раз даже банк шлет ему почту на этот адрес, — заметил Рокки. — Интересно, давно ли он тут живет. — Потом, прочитав документ, воскликнул: — Ба, да этот парень не бедствует. Тридцать четыре миллиона долларов! Он прямо купается в деньгах.

Молли нашла аэрозольный баллончик какого-то снадобья под названием «Прощай, лысина!». Она брызнула немного на ладонь — и тотчас же у нее на руке будто бы вырос клочок искусственных черных волос.

— Видимо, он начинает лысеть, — заметила девочка. На туалетном столике лежали бриллиантовые запонки и стояла фотография Геркулеса Стоуна в обнимку с Праймо Клетсом.

— Клетс держит их у себя, как охотничьи трофеи. Как птиц в золотых

клетках. Наверно, они его развлекают. Они, должно быть, живут здесь по несколько недель подряд.

— Неплохое развлечение, — заметил Рокки. — Представь себе, как было бы здорово, если бы ты могла поселить у себя любую знаменитость, какую захочешь.

— Мы до сих пор не нашли никаких следов Дивины, — напомнила Молли. — Но если у Клетса сегодняшний день распланирован как обычно, то есть он опять будет гипнотизировать людей, то мы, чтобы узнать, как он действует, должны как можно скорее проникнуть в его покои. Рокки, давай не будем здесь задерживаться.

Они вышли из апартаментов Геркулеса Стоуна и направились к площадке над высокой дубовой лестницей. Снизу, из мраморного зала, доносились голоса: гости приветствовали друг друга. Ребята сверху окинули взглядом целое море голов, и лысых, и лысеющих, и с волосами как грива ухоженного льва.

— Политики, армейские шишки, знаменитости, — подытожила Молли. — Я поняла его игру. Он приглашает сюда важных чинов из правительства и армии, обещая, что познакомит их со звездами. Знает, что до славы падки все, особенно политики. Не удивлюсь, если Клетс сегодня приберет к рукам еще пару-другую крупных шишек.

Перебегая от колонны к колонне, Молли и Рокки пробрались по коридору в другое крыло здания, где обитал Клетс. Их путь лежал мимо картин с кроликами, мечущимися в лучах прожекторов, затем мимо неоновой надписи «Один стежок, но вовремя, стоит девяти». Потом, дрожа, ребята вступили на зеленую мраморную лестницу, ведущую в святая святых Праймо Клетса. Они надеялись, что Клетс в эту минуту развлекает гостей на первом этаже, но все равно перед глазами черным облаком маячила угроза неожиданно столкнуться с ним лицом к лицу. Сердце Молли бешено колотилось, разгоняя кровь по телу, в ушах стоял размеренный гуд. Ладони вспотели.

Но, дойдя до конца лестницы, они обнаружили, что путь свободен, и проворно скользнули в пахнувший липой кабинет Клетса.

И в тот же миг они слышали в гулком коридоре громкие, хрипловатые голоса. Голоса приближались.

Глава двадцать шестая

От испуга Молли впала в ступор. Она совсем растерялась. Девочка поймала себя на том, что смотрит на корзину с дровами возле камина и прикидывает, нельзя ли там спрятаться. На счастье, Рокки сохранил рассудок и потянул ее к тяжелым шторам. Они были раздвинуты. Ловко извернувшись, ребята схватили занавески каждый за свой конец и завернулись в темно-зеленый бархат, расположив складки как можно естественнее. Молли старалась замедлить дыхание. Скользнув взглядом вверх, вдоль зеленой бархатной трубы, Молли почувствовала себя гусеницей в коконе.

Дверь, щелкнув, открылась и снова захлопнулась. Вошли двое. Молли тотчас же узнала текуче-гладкий голос Праймо Клетса.

— Вот где я претворяю в жизнь все свои планы, — говорил он. — Мой домашний кабинет. Здесь я предаюсь размышлениям и отдыхаю. Да, и еще подписываю чеки.

Он стоял близко, невыносимо близко к укрытию Молли. Девочка услышала, как он поворачивает ключ и выдвигает ящик стола. Она сглотнула — и ей показалось, что звук был как от воды, хлынувшей по сливной трубе.

— Вот она, моя чековая книжка для благотворительных пожертвований.

— Вы очень добры, мистер Клетс, — слышался еще один мужской голос.

— Ничего особенного, генерал. С удовольствием. Прошу вас, зовите меня Праймо.

Молли сжалась. Насколько она помнила, звание генерала было самым высоким в армии.

— Благодарю. Для вас я Дональд.

— Не за что, Дональд. Моя мать тоже была вдовой, и я вырос, не зная отца. Мне не понаслышке известно, каким подспорьем для таких семей являются благотворительные пожертвования. Пожалуйста, садитесь.

Молли услышала, как скрипнуло кожаное кресло под генеральским сиденьем. Потом застонало другое кресло, в которое сел Праймо.

— На чье имя я должен выписать чек?

— Для Фонда помощи вдовам солдат американской армии, — был ответ.

— Десяти миллионов долларов для первого раза будет достаточно?
Генерал чуть не поперхнулся.

— Гм, да, вполне. Более чем достаточно. Я поражен вашей щедростью.

На миг Молли засомневалась: может быть, они с Рокки и Люси Логан неправильно оценили Праймо Клетса? Может быть, он использует свой гипнотизм для благих целей?

В кабинете воцарилось молчание. Молли наострила уши. Зашелестело перо по бумаге. Потом снова наступила тишина, и ее нарушил какой-то странный звук:

— Бл-бу-уф.

Он слетел с губ генерала.

Молли тотчас же поняла, что произошло. Им наконец представился долгожданный случай узнать, каким образом Праймо Клетс гипнотизирует своих жертв навечно.

— Вот и чудненько, — произнес Клетс, словно разговаривая с ребенком. — Теперь вы, Дональд, полностью в моей власти. Вы забудете о том, что я пообещал вам благотворительный взнос. И не вспомните о нашей встрече здесь. Зато вы навсегда запомните восхитительный обед у меня в доме. Через минуту вы вернетесь к гостям и будете считать, что всего лишь выходили в ванную. И с этого момента будете выполнять все мои повеления. Ваша покорность будет вечной и неколебимой. Вы останетесь в моей власти навсегда... навсегда... навсегда...

Девочку за занавеской начала бить дрожь. Неведомо откуда налетел порыв ветра, такой морозный, будто он дул из самого сердца Арктики. Бриллиант на шее стал обжигающе-ледяным.

Ее охватил пробирающий до костей холод. Молли пропустила его через свое тело, но не дала ему задержаться внутри. И когда время остановилось, она все поняла. Во-первых, Клетс умел останавливать время, а во-вторых, именно так он и делал свой гипноз постоянным. Пока его жертвы находились под гипнозом, он останавливал мир и тем самым «запечатывал» свою силу.

И в этот миг Праймо, сидевший в кресле напротив генерала, вздрогнул и выпрямился, будто его ударили электрическим током. Волосы у него на затылке встали дыбом: он ощутил сопротивление своей силе, услышал чье-то тихое, настороженное дыхание. В кабинете находился кто-то еще. Праймо встал, в три широких шага приблизился к окну и отдернул штору. Молли чуть не завизжала, но от ужаса у нее перехватило горло.

На миг Праймо Клетс застыл в замешательстве. Он был изумлен. Нечасто ему доводилось сталкиваться с людьми, способными двигаться в

моменты остановленного времени.

— Ты?! — рывкнул он. — Молли Мун! Как же я не догадался!

Молли оправилась от испуга и впилась в него взглядом. Клетс рассмеялся.

— Ты меня разочаровываешь, — сказал он. — Я считал, что ты станешь моей достойной ученицей, но по твоему лицу вижу, что ничего из тебя не получится. И твой помощник, без сомнения, тоже здесь. — Клетс отдернул занавеску, за которой скрывался Рокки. — Вот и он. Неподвижен, как статуя. Видно, он не так опытен, как ты. — Клетс схватил Молли за руку. — Вы оба пожалеете, что явились сюда, — прошипел он.

Он подтащил Молли к замершему генералу. Потом положил руку военному на плечо и сделал удивительную вещь. Молли почувствовала, как Праймо Клетс послал из себя в генерала волну холодного слияния; тот зашевелился и внезапно снова получил способность двигаться.

— Возьми мальчишку, — велел ему Праймо Клетс — Но ни в коем случае не теряй контакта с моей рукой. — Иначе, поняла Молли, генерал снова оцепенеет. Генерал покорно встал и подхватил Рокки под мышку. Тот обвис, как тряпичная кукла.

— А теперь держи девчонку. Не отпускай ее. — Генерал могучей рукой поймал Молли за хиленький бицепс. — Хорошо. Теперь поспешим.

Свободной рукой Праймо Клетс нажал на кнопку в верхнем ящике стола. Одна из книжных полок повернулась, открывая потайную дверь.

— Может быть, мы выглядим смешно, — заговорил Клетс, пристраиваясь позади Молли и генерала — Но внешность обманчива, особенно в Голливуде. Взять, к примеру, меня. — Он подтолкнул их к потайной двери. — Люди считают, что я чудесный человек. Благотворитель. Пример для подражания. Но я отнюдь не таков. Я эгоистичен и жаден. И вдобавок убийца.

Очутившись на лестнице, уходящей вниз, Молли внезапно обрела присутствие духа. Может быть, здесь Праймо прячет Дивину? Девочка вырвалась от генерала и закричала:

— Помогите! Помогите мне! — Но конечно же, никто ее не услышал. В парадной гостиной политики оцепенели, как статуи, прямо посреди светских разговоров, с бокалами шампанского в руках и остекленевшим выражением восторга на лицах. Впрочем, если бы даже мир и двигался, все равно крики Молли потонули бы в гуле оживленной беседы. Но сейчас воздух был неподвижен, как на картине, звуки замерли, и далекие крики Молли, которую Праймо поймал и потащил вниз по лестнице, разносились по всему вестибюлю.

Один человек их все-таки услышал. Этот человек прохаживался среди недвижимых праздничных фигур и чистил ногти зубочисткой. В тот миг, когда Синклер Клетс вложил использованную зубочистку в протянутую руку Стефани Гулляш, у него зазвонил телефон. Синклер нажал на кнопку ответа.

— Иду, иду, — лениво протянул он.

— Синклер, поторапливайся, — донесся до него нетерпеливый голос отца Синклер увидел на дисплее суровое лицо Клетса. — У меня тут, сам слышишь, возникли неприятности. — Он повернул телефон так, чтобы Синклер увидел на дисплее вопящую Молли и генерала с неподвижным Рокки под мышкой. — Иди скорее сюда, помоги.

— Хорошо. Иду. Но загвоздка в том, что, когда ты остановил часы, я разговаривал с миссис Гроццетакк. Когда мир снова оживет, она наверняка заинтересуется, куда это я так неожиданно подевался.

— Выкинь ее из головы. Она уже давно слишком много пьет. Решит, что ей померещилось.

— Ладно.

* * *

Сильные руки грубо толкали Молли вниз по каменной лестнице. Бесконечная спираль уходила все глубже и глубже, будто мечтала дотянуться до самой преисподней. От железной хватки генерала у девочки заболела рука.

Она чуть не падала от изнеможения. Нелегко было бороться с лютым холодом и одновременно кричать во все горло.

— Пустите! — снова и снова вопила она. Но куда ей было бороться с двоими сильными мужчинами! Молли извернулась и устремила на Клетса пылающий взгляд.

Но ее гипнотический жар скатился с него, как вода с воска.

— Храбришься, да? Маленьким девочкам не следует играть с огнем. Да и со льдом тоже. — Праймо Клетс внезапно остановил свою разношерстную компанию. — Сними кристалл,

Молли недоумевала: откуда Клетс знает о ее бриллианте?

— Не сниму, — ответила она. — Он мой.

— Сними по-хорошему, а то я сам его с тебя сорву, — угрюмо пообещал Клетс.

Молли изумилась. Праймо Клетс — один из самых богатых людей в

мире, а в такую минуту способен думать о бриллиантах. Ну и материалист же он! Молли решила, что он требует бриллиант в виде штрафа или наказания.

— Вы гнусный, мелочный, жадный негодяй, — выпалила она — Зачем вам этот бриллиант? А мне он нужен. — Молли вспомнила о приютских детях, о неоплаченных счетах в отеле, об иссякающих денежных средствах Счастливого Приюта, о том, что им всем нечего будет есть, о том, какие их ожидают нелегкие времена. — Не отдам!

— Там, куда ты идешь, он тебе не понадобится, — холодно заявил Клетс — Отдай сейчас же.

Молли услышала в его голосе угрозу и затрепетала. Она изнемогала от усталости. Не было сил сопротивляться. Она взялась за застежку цепочки. Бриллиант впитал в себя весь холод из ее тела и обжигал, кожу, как ледышка. Девочка расстегнула цепочку, но по-прежнему сжимала бриллиант в руке.

— Я думаю, вы дадите поносить этот бриллиант Глории Сердсенс. Он ей понравится, — прошептала Молли. — Но знаете что? Если бы она знала, кто вы такой на самом деле, она бы вас возненавидела. И все, кого вы загипнотизировали, тоже.

— Вот как? Значит, ты не имеешь представления об истинной силе этого бриллианта? — сухо процедил Клетс — Гм. — Он взял алмаз из рук девочки.

И Молли застыла, хотя сама об этом не догадывалась.

Глава двадцать седьмая

Теперь генерал тащил по каменном лестнице уже двоих неподвижных детей. Они спустились ниже поверхности земли и продолжали двигаться вглубь. Наконец откуда-то снизу забрезжил свет. Каменные стены сменились толстым стеклом. Лестничная клетка превратилась в толстую трубу из прозрачного льда, которая спускалась в огромный белый зал размером со средневековый собор. Дойдя до дна, Праймо Клетс остановился.

Громадный зал был отделан в ультрасовременном стиле и напоминал большую картинную галерею, только на стенах не было никаких картин. Зато в центре высилось нечто вроде огромной скульптуры. Эта штука напоминала высоченную стальную башню. С вершины ее протягивался параллельно потолку длинный шест, и к его концу было прикреплено что-то очень большое и тяжелое. У подножия башни стояла стальная скамья.

Синклер Клетс сел на эту скамью и погляделся в карманное зеркальце.

— Синклер, подошел бы лучше да помог, червяк ленивый, — зарычал Праймо. — А ну, иди сюда! Свяжи им руки за спиной.

Клетс велел генералу положить Молли и Рокки на пол. Двое обездвиженных ребят лежали, как дохлые рыбы. Синклер связал им руки.

Потом Клетс освободил мир от оцепенения. Для Молли и Рокки время снова начало двигаться. Оба с изумлением обнаружили, что очутились в незнакомом месте. С точки зрения Рокки, мгновение назад он стоял за шторой, а для Молли время остановилось, когда Праймо выхватил у нее бриллиант. Осознав, что произошло, девочка ахнула.

— Значит, бриллиант связан с остановками времени!

Праймо не обратил на нее внимания. Он стоял возле маленькой металлической коробочки и крутил внутри нее циферблаты.

Молли и Рокки с трудом сели. Их взгляды, как магнитом, притягивались к длинному шесту на верхушке башни и к тяжелому предмету на его конце. Предмет был массивный, грозный, черно-белый. Вот Праймо Клетс потянул за рукоятку. Черно-белый предмет начал раскачиваться, потом метнулся вниз. Прямо на ребят, расправив крылья, пикировала огромная металлическая сорока.

Она пролетела мимо, эта тяжелая, смертоносная хищная птица Толстый клюв, острый, как меч, и массивное тело просвистели в воздухе над железной скамьей. Молли проследила глазами ее полет. Длинный шест

вознес птицу к потолку в другом конце галереи, там она на миг зависла. Потом сила тяжести снова потянула сороку вниз, и она начала свой жуткий полет в обратную сторону, целясь прямо в скамью. Острый, как нож гильотины, длинный хвост со свистом разрезал воздух, и холодный ветерок взъерошил волосы на голове у Молли.

— Рад, что ты не суеверна, — пробормотал Рокки. — Говорят, сорока приносит несчастье.

— Красиво, правда? — спросил Клетс, как будто демонстрировал ребятам любимое сокровище. — Это мой сорочий маятник. Он может качаться взад и вперед целый день, а вон там, на стене, висят часы. Видите? — С гордостью глядя на свое чудовище, Клетс нажал на кнопку, и с механическим скрежетом, похожим на пронзительный птичий крик, опасная сорока остановилась высоко в воздухе. Клетс подошел к скамье и погладил металлическое сиденье.

— Садись-ка сюда, Молли. — Девочка в ужасе затрясла головой. Меньше всего на свете ей хотелось оказаться на пути убийственной птицы.

— Принесите ее, — велел Клетс загипнотизированному генералу, и тот, как послушная собачонка, перетащил девочку на скамью. Синклер крепко держал Рокки. Как только ноги Молли оказались под сиденьем, на лодыжках защелкнулись два металлических зажима.

— НЕТ! — завизжала Молли. — НЕ СЯДУ! ВЫ С УМА СОШЛИ! — Она отчаянно извивалась, пытаясь вырваться из металлических тисков, но Клетс невозмутимо взирал на ее старания, будто ждал, пока закипит чайник. Синклер подтащил к скамейке орущего и брыкающегося Рокки и усадил его рядом с Молли. Потом Клетс-младший проверил, крепко ли застегнуты обе пары замков на ногах у ребят.

По нажатию кнопки на пульте дистанционного управления за спинами у пленников, точно змеи, выдвинулись два металлических обруча и защелкнулись у детей на талии.

— Пришла пора повеселиться, — расхохотался Клетс. Молли подняла глаза на ужасную птицу над головой. Они с Рокки сидели прямо по курсу ее полета,

— Вы не посмеете! — закричала девочка, переводя взгляд с Праймо на пульт управления в его безжалостной руке.

Клетс достал из верхнего кармана Моллин бриллиант и протянул его Синклеру. Будто прочитав телепатический приказ, Синклер повесил бриллиант на цепочке на шею Молли. Клетс нажал несколько кнопок на пульте.

— Мисс Сорока запрограммирована, — объявил он. —

Приблизительно через две с половиной минуты она снова двинется вниз. Когда это случится, вы увидите мою принцессу в действии. Надеюсь, вы в состоянии представить себе ее вес. А клюв у нее острый, как... Синклер, как называются те кухонные ножи, которые мы продаем?

— «Трик-трак».

— Острый, как ножи «Трик-трак», и удар ее хвоста убийствен. И нос, и хвост несут смерть, так что не волнуйтесь — какой бы конец вы ни выбрали, результат будет один и тот же.

— ВЫ РЕХНУЛИСЬ! — завопила Молли. Она недоумевала, почему Синклер вернул ей бриллиант, но могла думать лишь о кошмарной птице. — Вы не изрубите нас своей сорокой! Вы с ума сошли!

Но потом она заметила в полу решетки для стока, а рядом серебристой змеей свернулся длинный шланг, выходящий из стены. Перед глазами у Молли возник образ Дивины. Она в отчаянии обернулась к Рокки. Его лицо выражало тот же дикий ужас, что и у нее.

У Молли задрожали губы.

— Прошу вас, мистер Клетс, — жалобно залепетала она. — Не надо нас убивать. Отпустите нас, и мы больше не станем вас тревожить. Пожалуйста, не сажайте нас под этой страшной птицей.

Но Клетс не обратил на нее внимания.

— Вношу поправку: сорока начнет двигаться через две минуты. Ты, Молли Мун, конечно же, можешь остановить мир. Синклер вернул тебе кристалл. Поэтому у тебя в запасе есть больше, чем две минуты. За это время ты должна решить свою судьбу. Надолго ли ты можешь заморозить время? Лично для меня пределом являются десять минут. Утомительное занятие, не правда ли? Благодаря тебе я сильно устал, а мне еще предстоит развлекать гостей на праздничном обеде. А это неприятно. Перед работой я предпочитаю отдохнуть. — Клетс ослабил узел галстука. — Знаешь, Молли, я нахожу довольно странным, что ты никогда не осознавала исключительной важности этого кристалла. Только с его помощью можно останавливать время. Разве ты не замечала, каким холодным он становится, когда ты пускаешь его в дело? Разве тебе не известно, что алмазы — плохие проводники тепла? И чему вас только учат в школе? — Клетс расстегнул воротник и вытащил из-под рубашки тонкую серебряную цепочку. На ней висел огромный прозрачный кристалл. В его гранях отражались и преломлялись отсветы ярких ламп пыточной камеры. Алмаз сверкал зловещим блеском.

— Покажи им свой, — велел он Синклеру. Тот достал из-под рубашки тонкий кожаный шнурок, на котором висел еще один мерцающий

бриллиант.

— Пора, — сказал Клетс, завязывая галстук. — Я бы с удовольствием поговорил с тобой о бриллиантах и тому подобных вещах, но мне нужно возвращаться к гостям. Может быть, потом... Ах да, совсем забыл, вы будете уже совсем в другом месте. — Праймо покосился на зарешеченный водосток. — Какая утрата. Желаю тебе, Молли, и твоему другу — никак не могу запомнить, как его зовут, — приятно провести оставшиеся одиннадцать минут. Счастливого пути.

В тот миг, когда Праймо на прощание помахал рукой, Молли собрала в глазах всю свою гипнотическую силу и обрушила ее на Клетса. Ее взгляд прожег воздух и с полной мощностью впился ему прямо в лицо. Клетс пошатнулся, точно от удара.

— Полно, полно, Молли! Я такого не ожидал. — И отвернулся, бормоча: — Какая утрата. Какая утрата. — Потом Праймо жестом велел своему сыну и генералу следовать за ним, и все трое вступили на винтовую стеклянную лестницу. Молли услышала его слова: — Синклер, эта лестница очень красива, но подниматься по ней утомительно. Напомни мне установить лифт.

Глава двадцать восьмая

Молли и Рокки не шевелясь сидели на скамье, которой суждено было стать их смертным ложем. Железные тиски крепко сжимали их лодыжки, безжалостные стальные петли больно впивались в бока. У Рокки стиснуло грудь. Молли склонилась вперед, проверяя, не удастся ли прижаться к скамье ниже траектории полета смертоносного сорочьего клюва

— Ничего не выйдет. Я не смогу убраться с линии огня. — Девочка с ужасом вглядывалась в замершее под потолком орудие казни. — Рокки, я не хочу умирать. Она рассечет мне позвоночник. А потом раздавит нас в лепешку.

— Клюв ударит в меня, — прошептал Рокки, астматически хрипя. — Я видел, где он пролетает. Рассечет меня пополам, затем нас обоих разорвет крыльями. А когда она полетит обратно, хвост снесет нам головы. — Он в отчаянии вцепился в металлический пояс.

— Ох, Рокки! Ох, ну кто-нибудь... помогите же нам! Помогите! — во весь голос завопила Молли, отчаянно извиваясь. — Этого не может быть наяву. Он нас запугивает. Он вернется. Вот увидишь, вернется. Не хочет же он на самом деле...

— Убить нас?

— Нет, я не верю! Рокки, — вдруг ахнула Молли, — он и правда собирается нас убить... Как убил Дивину. — И она завизжала так громко, как не визжала никогда в жизни: — ПОМОГИТЕ! ЛЮДИ! СПАСИТЕ НАС! СПАСИТЕ!

Рокки взял Молли за руку.

— Две минуты истекают.

Девочка умолкла, Даже охваченная паникой, она сумела заметить, как странно он спокоен. — Нас никто не услышит, правда?

Рокки кивнул. В его глазах стояли слезы.

— Прости, Молли.

— Но ведь должен быть какой-то выход, — взывала к разуму друга Молли. — Неужели мы ничего не можем сделать? Взломать эти замки... — Вся ее гипнотическая сила вдруг оказалась бесполезной. — Неужели это конец Г И вдруг сорока издала леденящий душу скрежет. От страха Молли чуть не потеряла сознание.

— Можешь, например, остановить мир, — посоветовал Рокки. — И дать нам еще немного времени.

— Да, — с жаром прошептала Молли. — Да, конечно... конечно... Молли впиалась глазами в водосточную решетку и сфокусировалась на ней. Ей понадобилось всего несколько секунд. Откуда-то из глубины мозга тоненький голосок кричал: «Какой смысл, Молли, рано или поздно эта штука все равно нас убьет». Но Молли не слушала его. Она молниеносно достигла холодного чувства слияния. И в тот же миг, как оно затопило ее, сверху послышался шелест ветра. Страшная птица приближалась. Нечеловеческим усилием Молли погрузилась в холодную волну. Через долю секунды птица подлетела к ребятам, но все же не достигла цели. Мир остановился. Молли, дрожа, подняла глаза. Клюв птицы застыл в считанных дюймах от шеи Рокки. Мальчик сидел, плотно зажмурив глаза. Кончик одного крыла не долетел нескольких футов до груди Молли. Девочка положила руку Рокки на плечо и, вспомнив, как Праймо Клетс оживлял неподвижного генерала, послала чувство слияния по руке к другу. Рокки открыл глаза и инстинктивно отшатнулся от грозного клюва

— Она застыла, — сказала Молли.

— Ненадолго, — прохрипел мальчик. — Еще немного, и она разрежет меня пополам. А почему я двигаюсь?

Молли всеми силами удерживала внутри себя холодное чувство слияния.

— Когда я прикасаюсь к тебе, ты можешь двигаться, — пояснила она. — А сорока будет висеть, пока у меня хватит сил ее удерживать.

Где-то высоко над головой, в доме, сопротивлялись остановке времени Синклер и Праймо Клетсы. Молли подумала о том, как сердится Клетс из-за того, что она помешала ему развлекать гостей на зван обеде. Ему пришлось остановиться на оборванной фразе и в точности помнить, что именно и как он говорил, где и в какой позе стоял, чтобы начать с того же места, когда время снова пойдет.

Когда время снова пойдет... «Когда это случится, нас уже не будет в живых», — подумала Молли. Девочка не сводила глаз с черно-белой убийственной машины. Неужели мир когда-нибудь снова оживет? Конечно, а как же иначе.

Рокки тронул кончик сорочьего клюва.

— Сколько народу эта птица уже погубила до нас? — на него безжалостно смотрели металлические птичьи глаза.

— Что нам делать? — спросила Молли. — Если это в самом деле... наши... ну, понимаешь... наши последние минуты. — Она чуть не плакала.

— Если это в самом деле так, думаю, мы должны наслаждаться этими минутами. Почему бы и нет? Понимаешь, Молли, когда это произойдет, всё

случится так быстро, что мы ничего не почувствуем. Мы умрем мгновенно. Поэтому давай попробуем повеселиться.

— Хочешь сказать, мы должны рассказывать друг другу анекдоты? — удивилась Молли, и к ее горлу подступил такой огромный комок, что боль от него пронзила всю шею. Или, может быть, вспоминать самые приятные вещи? — Она несколько раз глубоко вздохнула, сосредоточиваясь. Очень трудно было одновременно разговаривать и удерживать мир в неподвижности.

— Здесь нельзя ничего посоветовать, — вздохнул Рокки и, помолчав, добавил: — Клетс даже не предоставил нам последнего желания — как в кино. А ведь это Голливуд. Вот уж гнусность так гнусность.

Молли поглядела на друга. Рокки сиял неподдельной улыбкой. Глядя на него, она сама чуть не заулыбалась.

— А о чем бы ты попросил?

— Попросил бы гитару. Потом запел бы, попробовал бы загипнотизировать его голосом А ты бы что попросила?

— Пистолет.

Молли чувствовала, как заторможенный мир вырывается из рук, словно сжатая пружина, которая хочет распрямиться. Она силой подчинила его себе. От этого ей стало холодно, очень холодно. Девочка застонала.

— Тебе плохо? — спросил ее Рокки.

— Устала немного.

— Я рад, что много лет назад тебя принесли в наш приют, — неожиданно сказал Рокки.

— А я — что тебя, — Молли понимала, что этот разговор причинит ей столько боли, сколько не причинял никакой другой в жизни. — Рокки, я всю жизнь хотела узнать, кто мои родители. А теперь рада, что не знаю. Рада, что я сирота, потому что иначе я не познакомилась бы с тобой. Ты всегда был самым лучшим другом, И еще ты самый лучший на свете певец. Твои песни чудесны. Их полюбили бы во всем мире, если бы... Рокки, как ты думаешь, на что похожа смерть?

— Я думаю, это вроде глубокого сна, но без сновидений. Глубокий сон, когда ты ни о и ничего не чувствуешь.

— Что, вечный сон?

— Вечность пролетит для тебя как одна секунда, потому что ты будешь спать.

— Как ты думаешь, когда-нибудь мы проснемся?

— Нет, вряд ли. Мне кажется, наши души по имени Молли и Рокки будут спать всегда, и мы даже не будем об этом знать. Но может быть, та

энергия, которая высвобождается, когда мы умираем, наша энергия, у которой нет ни мыслей, ни чувств, — может быть, она переселится во что-нибудь другое. Как батарейка. Энергия, которая питала нашу жизнь, подождет, пока к ней не подключится кто-нибудь еще. Во что бы ты хотела вставить свою энергетическую батарейку, Молли?

— В щенков Петульки. Если они когда-нибудь у нее будут.

Рокки погладил руку подруги.

— Молли, не бойся умирать.

— Откуда ты все это знаешь?

— Просто верю в это, и всё, — ответил Рокки. — Это здравый смысл. Я никогда не был особенно религиозен. У всех религий классная музыка, что верно, то верно, и очень красивые храмы, но из-за религий люди слишком много сражаются. Обращайся хорошо со всеми людьми и животными вокруг тебя — вот и вся религия. Ты согласна?

— Как ты думаешь, мы хорошо обращались с людьми и животными? — спросила Молли.

— Мы не совершенны, но ты, Молли, очень добрая.

— Ты тоже... Но если все люди обязательно умирают и уходят в вечный сон, то какой смысл у жизни вообще?

— Это все равно что спрашивать, какой смысл у красивого заката или у великолепной музыки.

— Тогда скажи, какой смысл у них?

— А почему в них должен быть смысл?

— Может быть, какой-то смысл все-таки есть, — настаивала Молли. — Может, нам как раз предстоит найти этот смысл,

Молли дрожала всем телом и не могла с собой справиться. Она чувствовала, что ее силы иссякают, мир вырывается из рук, хочет ожить снова. Миллиарды людей и животных, букашек, растений и машин желают идти вперед, двигаться, жить. Молли представила себе, какая неподвижность царит сейчас во всем мире. Люди оцепенели посреди недорассказанной шутки — смех застыл у них на губах, но из горла не доносится ни звука. Кто-то дерется, и в воздухе замерли занесенные кулаки. В мире всегда где-то идет война. Остановились в воздухе пули, зависли осколки взорвавшихся бомб. Нет, о жестокостях думать не хотелось. Молли стала думать о хорошем. Малыш делает первые шаги. Где-нибудь голодный человек вписывает в лотерейный билет цифры, которые помогут ему выиграть. Рождаются младенцы, жокеи выигрывают на скачках, изобретателей и художников осеняют новые идеи. Может быть, в этот момент ученые делают какое-то очень важное открытие. И все эти

люди стремятся двигаться дальше. Молли скрипнула зубами. С каждой минутой давление становилось в выносимее. У девочки больше не было сил разговаривать. Минуло восемь минут.

Она с ненавистью уставилась на злобную металлическую птицу, стараясь испепелить ее взглядом, развеять в прах. У Молли закружилась голова. Ей было очень плохо. Мокрая нога, которой она угодила в цветочную ванну, совсем закоченела. Молли удерживала мир еще четыре минуты. Потом еще четыре.

Она держала мир так крепко, что боялась его нечаянно раздавить.

Ей казалось, что она цепляется за край обрыва, висит над пропастью, смотрит в разверзшуюся внизу смертоносную бездну. Рокки ухватился за ее ноги, и теперь она удерживается только на самых кончиках пальцев. Ногти скребут по гладкому камню, ища, за что бы уцепиться, но неизбежно соскальзывают вниз.

— Я больше не могу держаться, — простонала Молли. — Мне холодно, очень холодно.

Потом глаза девочки закрылись, и сила тяжести потянула ее вниз, в бездонную пропасть. И время поглотило ее.

Глава двадцать девятая

В тот вечер Клетс собрал за ужином всех знаменитостей, которые у него жили.

Его всегда забавляло их общество, к тому же они были живым напоминанием о его собственном могуществе.

Они расселись за роскошным столом, перед умопомрачительной хрустальной посудой и столовыми приборами из чистого золота, и рассказывали о том, как прошел день. Клетс внимательно слушал.

Глория Сердсенс была в восторге, потому что Джино Туччи, режиссер фильма, в котором она снималась уже целый год, наконец нашел кандидатуру на роль собачки.

— Помните, Праймо, я вам рассказывала, что у нашего первого песика случился сердечный приступ? Мы и представить себе не могли, где нам найти еще одну такую же очаровательную собачку. Я же не могла отдать роль одному из моих пекинесиков, потому что остальные девять умерли бы от зависти. И вот Джино нашел на эту роль совершенно чудную собачоночку. Мопсика! На следующей неделе мы переснимем все сцены, где участвует собачка. И фильм будет готов к ноябрю.

Праймо воткнул чайную ложечку в лежащего перед ним сырого морского ежа, выскреб соленую середину и отправил в рот.

— Хорошо, — кивнул он.

Но тут Геркулес Стоун посмотрел на свою тарелку и нахмурился.

— Я не могу это есть, — прорычал он. Тотчас же перед ним, как из-под земли, вырос его личный дворецкий. — По-моему, я говорил повару, какими хочу видеть мои гамбургеры. Сыр должен лежать поверх мяса, а соленые огурцы — между томатами и листовым салатом, а не поверх салата. Горчица намазывается под мясо, а не поверх него, а майонез должен наноситься между солеными огурцами и томатом.

— Простите, сэр, — ответил дворецкий. — Повару трудно запомнить ваши указания, потому что вы все время меняете порядок укладки.

— Я не могу это есть! — не унимался Геркулес Стоун и, как капризный ребенок, перевернул тарелку.

— О, чудесно! — возопила с другого конца стола Сьюли Шампань. — Теперь я не смогу переварить салат.

Космо Ас проявил больше сочувствия.

— Не переживай, Гerk.

Но Кинг Лосс, сидевший рядом со Сьюли, отодвинул восьмирожковый подсвечник и заглянул Геркулесу Стоуну прямо в глаза.

— Слышь, Стоун, — прорычал он. — Будешь еще так выпендриваться — отведаешь на обед моего кулака. Без майонеза, горчицы и огурчиков. Вот тогда наешься досыта — я тебе вышибу все твои белоснежные зубы, так что до конца жизни будешь питаться только супом.

— Только попробуй, Лосс. В суд подам, — отозвался Геркулес, поигрывая бицепсами.

— Раз уж мы заговорили о еде, Лосс, — вмешался Тони Вам, знаменитый мастер восточных единоборств, — не хочешь ли отведать моих котлеток по рецепту кун-фу?

— Праймо, остановите же их. Терпеть не могу, когда они ссорятся, — захныкала Сьюли.

— Хватит! — рявкнул Праймо Клетс. И в тот же миг все звезды в комнате покорно склонили головы. В эту минуту, извинившись за опоздание, в столовую вошел Синклер.

— Снова подрались? — спросил он.

— Пустяки, сегодняшний вечер прошел неплохо, — ответил Клетс.

* * *

После ужина все поднялись наверх, в кинозал. Огромный экран был снят, за ним обнаружилась большая, задернутая занавесом сцена. На ней за роялем сидел аккомпаниатор во фраке и белом галстуке.

Гости расселись, прекрасно зная, какое развлечение их ждет. Этот спектакль они никогда не обсуждали.

Клетс уселся в кресло. Настало его любимое время. Он хлопнул в ладоши, и свет погас, остались только два белых прожектора, скрестивших лучи на авансцене. Пианист заиграл мелодию любимой песни Клетса. И потом вошла звезда.

Из-за кулис на сцену вышла Дивина Наттель. Она похудела и казалась гораздо более усталой, чем прежняя красотка с журнальных фотографий, У нее за спиной стояла гувернантка, неподвижная, как оловянный солдатик.

Девочка метнула в темноту зала яростный взгляд.

— Не буду петь, — с вызовом процедила она.

Клетс взглянул на нее и задумчиво вздохнул. В сотый раз он спросил себя, что же за сила такая помогает Дивине сопротивляться его гипнотическому влиянию. Когда он пытался загипнотизировать ее, она

увертывалась от его магнетизма, как ящерица от сачка. Это озадачивало Клетса. Но он не позволял себе сердиться на нее. Потому что было в Дивине нечто такое, что наполняло его благоговением. Он мог заставить ее спеть для него. Ничто так не радовало его душу, как ее пение. Почему — он и сам не знал. Ее голос расслаблял его, как успокоительное лекарство, и без него он уже не мог обойтись.

— Подумай хорошенько, Дивина, — отозвался Клетс шелковистым голосом. — Или ты снова хочешь целый день питаться морскими ежами? На завтрак, обед и ужин. Кажется, ты их терпеть не можешь. Представь себе, каким разнообразным могло бы стать твое меню. У нас великолепный новый повар, он печет восхитительные шоколадные торты и домашние пончики с карамелью.

На миг губы Дивины задрожали. Потом она топнула ногой.

— Клетс, я вам не птичка в клетке. Не стану петь по вашей указке. За пение мне всегда платили. И я не стану петь бесплатно. Особенно для вас Я ВАС НЕНАВИЖУ.

— Полно, Дивина Я прошу всего об одной песне. Потом ты снова будешь жить как принцесса. Примешь чудесную ванну с экзотическими маслами. Вымоешь голову. — Дивина вглядывалась в темный зрительный зал, под ее серыми глазами темнели круги. Она сердито тряхнула головой. Но понимала, что побеждена,

— Ладно, спою.

И пианист заиграл вступление.

Клетс откинулся на спинку кресла. Только песня, которую собиралась исполнить Дивина, и вызывала в нем хоть какие-то чувства. Может быть, думал он, эту колыбельную пела ему в детстве мать. Он не знал, почему эта песня пробуждает в нем такую нежность. А еще — сожаление и грусть. А когда ее пела эта девочка, мелодия почему-то воздействовала в десять раз сильнее. Дивину нельзя было назвать милой крошкой, но это не имело значения. Она напоминала Клетсу о чем-то утраченном. Возможно — о его собственном детстве.

Нежный голосок Дивины звенел в воздухе, как дыхание свежего весеннего ветерка.

*«Когда я с тобой — расцветает земля,
Озера и реки, леса и поля,
И небосвода покров голубой.
Весь мир залит светом, когда я с тобой.
Ты мое солнце, ты даришь мне свет,*

*Радость и счастье, спасаешь от бед.
нас светит солнце, шумят тополя.
Когда я с тобой — расцветает земля».*

Клетс вздохнул. А Дивина в небесно-белых лучах прожекторов пела дальше.

Глава тридцатая

Свет был абсолютно белым.

Молли открыла глаза, огляделась и вздрогнула от удивления. Она находилась совсем не там, где была мгновение назад. И чувствовала себя совершенно по-другому.

Она уже не падала с ног от изнеможения, не мерзла, не плакала от отчаяния и не готовилась к смерти. Она успокоилась, согрелась и отлично отдохнула, как будто все жизненные тяготы и тревоги остались далеко позади. Было хорошо, как в раю. Босым ногам стало сухо и тепло.

Она уже не сидела, пристегнутая к железной скамье, и не ждала, когда на нее обрушится убийственная сорока. Ее мягко поддерживала спинка старого кресла в дощатой хижине. Сквозь щели пробивался теплый летний ветерок. Снаружи была видна облупившаяся скамья, выкрашенная белой краской. Вдалеке, на краю океанской голубизны, виднелась пристань.

Рокки полулежал в соседнем кресле и тоже смотрел на море. В первые мгновения оба сидели не шелохнувшись, только прислушивались к плеску далеких волн и крикам чаек.

— Рокки, — произнесла Молли. — Наверно, мы умерли. И очутились на небесах.

Она обвела взглядом белую комнату. В ней стояли две кровати, застеленные простынями и тонкими одеялами. Справа располагалась небольшая кухня, дверь слева вела в маленькую ванную. На стене висела гитара

— Я не помню, чтобы птица ударила нас, — сказал Рокки. — Разве мы не должны были запомнить тот короткий миг, когда она в нас врежется? Мгновение острой боли?

— Может, мы умерли раньше, чем болевой импульс дошел до мозга

Молли изумленно уставилась на два стула у противоположной стены. На них лежала одежда Выцветшая, потрепанная. Под стулом стояли ее кроссовки. Они были не такими, как раньше, — стали сильно поношенными. А на футболке зияла дыра Молли встала, не чувствуя под собой ног, подошла к креслу и взяла джинсы. Они были обрезаны до колена, внизу болталась бахрома. Неужели та одежда, в которой ты умираешь, остается при тебе и на небе?

— Ух ты, Молли, ну и загорела же ты! — воскликнул Рокки. — Только посмотри, какие у тебя ноги!

Молли опустила взгляд. Ее лодыжки уже не были бледными и покрытыми пятнами, они были приятного золотистого оттенка

Рокки тоже оглядел себя.

— Я никогда еще не был таким коричневым.

— Наверно, мы были мерт... — Молли так и не смогла произнести это слово, — ...довольно долго. — Она подняла с кресла рубашку Рокки. На ней не было ни следа смерти, крови. Оранжевый рисунок полинял, рукава были отрезаны.

Рокки подошел к открытой двери. Она выходила на скрипучую дощатую веранду. Длинная лестница вела на выбеленную солнцем пристань. Футах в пятнадцати от берега пристань заканчивалась. Дальше простиралось только море, волнистое, как коробка из-под яиц, а далеко над горизонтом сияло солнце. Молли вышла вслед за Рокки и подобрала на веранде большую перламутровую раковину.

— Каким же это все кажется знакомым, — проговорила Молли, облизала губы и полной грудью вдохнула соленый воздух.

— Похоже, мы здесь уже бывали, — согласился Рокки. — И в этот миг из-за угла выскочила Петулька

— Ой, Петулька! — Молли подхватила собачку и зарылась лицом в мягкую черную шерстку. Минуту назад она думала, что никогда больше не увидит маленького мопсика. Петулька завиляла хвостом и лизнула Молли в щеку.

— Наверно, Петулька тоже умерла — Молли запнулась. — Погоди-ка Я совсем не чувствую себя мертвой. Мне просто кажется, что мы живем здесь...

— Давным-давно, — закончил за нее Рокки.

— Потому что мне знаком этот причал. Я в точности знаю, откуда с нею надо прыгать. — Она сдвинула брови.

— И эта раковина у тебя в руках, — сказал Рокки. — Мне кажется, я сам ее нашел, только не помню, как. — Ребята переглянулись.

Хижина стояла у подножия отвесной скалы. Немного выше открывался вход в пещеру, однако было неясно, как туда попасть со стороны суши. Обрыв тянулся на многие мили. «Это место может находиться в любом уголке Земли», — подумала Молли. Никакие ориентиры не могли подсказать ребятам, где они оказались, разве что воздух был приятно-теплым,

— Мы живем здесь очень давно, сами того не сознавая, — сказала Молли. — Как будто нас подхватил какой-то временный ураган и перенес сюда.

— Я думаю, — предположил Рокки, — нас загипнотизировали.

У них над головами резко вскрикнула чайка. В тот же миг за хижиной послышались чьи-то шаги. Обернувшись, Молли и Рокки увидели светловолосого мужчину в синем спортивном костюме. Он шел

к ним, держа в руках два стакана. Это был Синклер Клетс

— Тебе — «кьют», — он протянул Рокки один стакан. — А для тебя, Молли, концентрированный гранатовый сироп со льдом.

Все чувства Молли завихрились, будто белье в стиральной машине. Сначала она считала себя мертвой, потом с радостью обнаружила, что жива, потом ее охватило изумление, а теперь — жуткий страх. Этот человек хотел ее убить. Наверно, он за тем и пришел, чтобы убить ее. Она попятилась, решив прыгнуть в море и спастись вплавь. Потом посмотрела на стаканы у Синклера в руках. Он что, на этот раз решил их отравить?

Потом в ее измученном мозгу что-то щелкнуло. Она сообразила, что он не убивал ее — сорока-то их не ударила. И в груди у Молли запылал бешеный гнев — она догадалась, что именно Синклер их и загипнотизировал. Девочка больше не владела собой. Как хамелеон меняет окраску, так и ее страх мгновенно преобразился в ярость.

— Значит, вы копались у нас в мозгах? — выкрикнула она — Держали нас, как кроликов в садке, и вытянули все, что хотели узнать о нашей жизни! И давно мы работаем у вас морскими свинками? Две недели? Три?

Синклер поставил стаканы на деревянный стол.

— Я так и думал, что первые твои слова будут именно такими, — ласково проговорил он. — Молли, я спас вам жизнь.

Но Молли бушевала от злости. Как он смеет изображать из себя друга?

— Если даже вы и спасли нам жизнь, это не дает вам права копаться в наших мозгах.

Синклер покачал головой.

— А я и не копался.

— Так мы вам и поверили! — презрительно бросила Молли. — Мы прекрасно знаем, что вы делали, а чего нет. Вы исключили нас из жизни, скажете, нет?

Синклер смущенно опустил глаза.

— На сколько недель? — потребовала ответа Молли.

Синклер ковырнул ногой ракушку. Этого момента он боялся больше всего.

— На семь с половиной месяцев, — еле слышно произнес он.

Молли оторопела. Потом быстро подсчитала. Выходило, что они с Рокки, сами того не сознавая, прожили в этой хижине половину марта,

апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь и октябрь.

— Какое сегодня число? — прошептала она.

— Третье ноября, — ответил Синклер.

— Вот это да! — воскликнул Рокки.

— А что с остальными? — вскричала Молли. — Где миссис Тринкелбери, Джемма, Джерри и другие дети? Они вернулись в приют? Где они?

— Они живы и здоровы. Живут в Малибу. Я снял для них большой дом на берегу. Сейчас часть детей вернулась в Брайерсвилль. Честное слово, у них все хорошо.

И тут Молли взорвалась.

— Честное слово? Да кто вы такой, чтобы давать свое честное слово? Думаете, мы поверим вам после того, как вы отняли у нас семь с половиной месяцев жизни? Кем вы себя возомнили — богом? Вы просто рехнулись. Пошли, Рокки. Должен же быть отсюда какой-то выход. — Она свернула за хижину, в ту сторону, откуда появился Синклер. Рокки неодобрительно покачал головой, сплюнул под ноги Синклеру и последовал за подругой.

Из боковой веранды вышел и преградил им путь семифутовый громила.

— Простите, Молли и Рокки, — извинился Синклер, — но вам придется меня выслушать. Прежде всего я верну вам память. — Синклер хлопнул в ладоши и твердо сказал: — Вспомните.

И в головах у Молли и Рокки словно прорвало плотины. Воспоминания долгих месяцев жаркого лета затопили мозг, защекотали нервные окончания видами, звуками, запахами, ощущениями множества радостных дней, проведенных на берегу моря.

Они вспомнили о том, как ловили рыбу и жарили ее на костре, как Рокки играл на гитаре, как они плавали, ныряли, собирали ракушки, вспомнили о десятках прочитанных книг. О том, как Рокки сорвал ноготь на ноге, запускал воздушного змея, играл с Петулькой, о том, как они рисовали, писали дневники, по ночам сидели у костра и пели, выучили новый язык.

— *Nemos aprenddo a hablar Espanol?* Мы научились говорить по-испански? — спросил Рокки.

— S, — ответил Синклер и пояснил: — Я решил, что вам не мешает выучить еще один язык.

Молли с удивлением обнаружила, как много приятных воспоминаний о Синклере она приобрела за лето — не о прежнем, ленивом, тщеславном убийце, сыне Праймо Клетса, а о хорошем друге. Она взгляделась в его

знакомое лицо, светлые волосы до плеч, добрые голубые глаза, и ей стало стыдно.

— Но почему? — спросила она, — Почему вы держали нас под гипнозом?

— Потому что иначе вы бы не захотели здесь остаться.

— Может, и не захотели бы, — начала Молли. — Но разве не мы должны решать, как нам жить? Мы, а не вы. У нас действительно было замечательное лето, но выбрали-то его для себя не мы. Вот в чем дело, Синклер. Вы должны были позволить нам решить самим.

— Я не мог рисковать.

— Почему?

— По двум причинам. Во-первых, я боялся, что вы не откажетесь от идеи сразиться с Праймо. Если бы он поймал вас еще раз, то наверняка бы убил. Во-вторых, дело касалось моей собственной безопасности. Если бы Праймо узнал, что я его предал и спас вас, то он бы прикончил и меня.

— Как вы нас спасли? — тихо спросила Молли, прихлебывая гранатовый сироп. Она осознала, что Синклеру можно доверять.

— С верхних ступенек лестницы я смотрел, как ты остановила мир, — ответил он. — Я не мог изменить программу в птице, потому что секретный код известен только самому Праймо. Я видел, что ты все сильнее устаешь, и ждал. А когда ты совсем потеряла силы, я тоже остановил мир.

— Значит, время удерживали мы оба — и вы, и я?

— Да. А когда ты упала в обморок, время остановилось и для тебя, и, конечно, для Рокки тоже, — пояснил Синклер. — Я поскорее освободил вас, и мы с Эрлом, — он кивком указал на охранника, — унесли вас из поместья и доставили прямо сюда, в хижину.

— Но разве вы не боялись, что Клетс вас поймает?

— Немного боялся. Но он считал, что я пошел наводить порядок. Смываю водой из шланга кровь и убираю тела, — Он внезапно побледнел. — Мне никогда не доводилось убираться в сорочьем зале. На эту работу Клетс ставил загипнотизированных слуг. Наверняка он убил там немало народу. Не знаю, сколько, — голос Синклера совсем угас.

— Он убивал всех, кто представлял для него угрозу? — спросил Рокки.

— Нет, — ответил Синклер. — Многие просто исчезали. Праймо стирал их личность, заставлял забыть, кто они такие. Превращал их в сумасшедших, у которых в голове звучат голоса. Потом забрасывал в какой-нибудь глухой уголок.

— Как мусор.

— Да Никто не знал, кто они такие, и в первую очередь — они сами.

— Вы не пытались спасти их?

— Пытался, но Праймо никогда не подпускал меня близко к стиранию личности, поэтому помочь было трудно. Не знаю, скольких людей он уничтожил таким способом. Честно говоря, иногда у меня бывала возможность помочь кое-кому из них, но я боялся. И ненавидел себя за это. Как видите, я не герой. Я слаб.

— Но вы спасли нас, — возразила Молли. — Это был храбрый поступок. Почему вы не обратились в полицию?

— Молли, вся лос-анджелесская полиция у Праймо в кармане. И вообще он контролирует всю полицию Америки. Вы и представить себе не можете, как он могуществен. И с газетами та же история. Почти все издатели пляшут под его дудку. Если бы даже какая-нибудь газета решилась опубликовать мой откровенный рассказ, то в тот же день Праймо уничтожил бы ее. А потом добрался бы и до меня.

— А почему вы не разгипнотизировали кого-нибудь из его жертв? — поинтересовался Рокки. — Вы ведь тоже умеете останавливать мир. Мы знаем, что Клетс закрепляет свой гипноз, останавливая время. Вы могли бы остановить мир снова и снять гипноз.

— Легко сказать, — вздохнул Синклер. — Но вы не знаете, что Клетс использует кодовые фразы. Именно они делают его гипноз нестираемым.

— Кодовые фразы? — переспросила Молли.

— Да. Они-то и есть настоящие ключи. Без них нельзя освободить его жертв. А я этих фраз не знаю.

— Тогда почему вы все-таки разбудили нас? — спросила Молли.

— Потому что мне нужна ваша помощь. После ваших терзаний в сорочьем зале произошло очень многое. Праймо стал гораздо опаснее. Время на исходе.

— Это связано с днем В, правда? — спросил Рокки. — Видимо, он приближается,

— Да.

— А что такое день В? — спросила Молли.

— Вы не знаете?

— Нет, — хором ответили ребята.

— День В, — пояснил Синклер, — это день выборов. — Он поглядел на недоуменные лица ребят. — Праймо всегда хотел стать президентом Соединенных Штатов.

— Но это невозможно! — воскликнула Молли, не веря своим ушам. — Чтобы стать президентом, нужно иметь сотни сторонников, возглавлять

политическую партию, быть политиком, много лет заседать в Конгрессе...

— Это не так, — возразил Синклер. — Стать президентом может каждый, если он рожден в Америке и не имеет криминального прошлого. Сегодня третье ноября, а Праймо начал избирательную кампанию только в июне — поздновато, но ведет он ее блестяще.

Синклер рассказал ребятам о том, как летом была организована кампания «Клетса — в президенты!». Клетс вложил в нее миллионы долларов, выступая как независимый кандидат. Это означало, что он не принадлежит ни к какой политической партии. Кампания охватила всю Америку, невероятно назойливая реклама преследовала людей повсюду, так что ни один гражданин не мог не попасть под ее влияние. «Клетса — в президенты!» — кричали плакаты, расклеенные на тысячах стен. «Клетса — в президенты!» — воздушные шары с таким лозунгом парили над большими и маленькими городами страны. Праймо побывал во всех штатах и арендовал целые стадионы, устраивая на них концерты, где выступали и произносили пламенные речи покорные ему знаменитости. Загипнотизированные звезды рассказывали публике, какой хорошей станет жизнь в Америке, если Клетс станет президентом. На каждом концерте выступал и сам Клетс, Его лицо проецировалось на громадные экраны высотой в сотню футов. И все, кто взглянет на экран, конечно, тотчас же гипнотизировались.

Размах и величие этой кампании полностью затмили Гандолли и всех остальных кандидатов.

Желание американцев видеть Клетса президентом распространялось как заразная болезнь. «Души Америки — клетки ее тела. Америке нужен Клетс», — таков был его слоган.

— Вы говорите так, будто день выборов уже наступил, — заметил Рокки. Синклер неловко переминался с ноги на ногу.

— Он действительно уже наступил.

— Как наступил?! — вскричала Молли так громко, что Петулька испуганно тявкнула. — И что произошло? Он победил? — Синклер избегал смотреть ей в глаза. Он уронил к ее ногам газету.

«Праймо Клетс выиграл президентскую гонку», — возвещал заголовок.

— Победа была предрешена, — запинаясь, проговорил Синклер. — Выборы всегда проходят в первый вторник ноября. Это было вчера. Второе ноября. Вы читаете сегодняшнюю утреннюю газету.

На мгновение воцарилась тишина. Потом к Молли вернулся дар речи.

— Синклер, вы с ума сошли? Почему вы столько ждали? Почему не

разбудили нас раньше? Мы бы провалили его кампанию, попытались бы узнать кодовые фразы, могли бы что-нибудь придумать, а вы вместо этого держали нас здесь. Простите, Синклер — Молли помолчала, — но мне кажется, вы слишком долго тянули.

— Я не мог рисковать. Отец думал, что вы мертвы, и поэтому вам ничто не угрожало, — ответил Синклер. — Но сегодня... после победы... — Его голос задрожал. — У меня была безумная надежда, что он не выиграет. Но он, разумеется, победил. Теперь он стал самым опасным человеком на свете.

Молли представила себе, как Клетс, будто гигантский спрут, запускает свои склизкие щупальца во все страны на Земле.

— Но зачем ему такое могущество? — спросила она

— Потому что он обезумел, — сказал Синклер. — Почему безумцам кажется, будто они вправе изменять мир? Не знаю.

И вдруг Молли всей душой пожалела Синклера. Нелегко ему, должно быть, предавать родного отца. Он, по-видимому, очень хороший человек. Ведь как-никак Клетс поднялся на самую вершину и взял сына с собой, но Синклер не захотел такого подарка. Он больше заботился о других, чем о себе.

— Ох, ну за что нам все это! — простонала Молли. — Так не честно. Для Клетса все идет по плану. А для нас все вылетело в трубу. — Вспомнив водосточную трубу в сорочьей пыточной камере, она сразу пожалела, что произнесла это слово.

— Он еще не стал президентом по-настоящему, — сказал Синклер, немного приободрившись. Молли и Рокки озадаченно переглянулись.

— Надежда еще осталась, — пояснил Синклер. — Пока Праймо называется «избранным президентом».

Ему дается пара месяцев на то, чтобы подобрать себе советников и организовать правительство. И только потом ему передаются бразды правления. Так происходит всегда. Он не считается полноправным президентом до тех пор, пока не принесет присягу. А это бывает десятого января. У нас еще есть время, чтобы выбить его из седла

— Охрану вокруг Клетса удвоят или даже утроят, — заметил Рокки.

— Но я его сын, и он мне доверяет, — сказал Синклер. — По крайней мере, пока еще доверяет. И не знает, что ты, Молли, жива, так что у нас припрятан козырной туз в рукаве.

В голову Молли закралось подозрение, что Синклер такой же безумец, как и Праймо Клетс. Ее детский разум не мог справиться с мыслью о том, что злобный гипнотизер станет президентом Соединенных Штатов. Что

тут может поделаться она, маленькая девочка?

— Синклер, боюсь, я ничем не могу вам помочь. Я уже пыталась, и посмотрите, что вышло. Я не волшебница, у меня нет ответа на все вопросы.

— Ты ошибаешься, — сказал Синклер. — Крохотный лучик надежды остается всегда. Но сейчас рано говорить об этом. — Он вскочил, радуясь случаю сменить тему. — Я расскажу вам обо всем в машине. — Эрл протянул ему бейсболку, солнечные очки и ключи. — К тому же вам наверняка не терпится узнать, как поживает ваша компания в Малибу.

— Куда мы поедem? — поинтересовалась Молли.

— Обратно в Голливуд. Я познакомлю вас с одним человеком.

Глава тридцать первая

Пещера в утесе позади хижины оказалась удивительным местом. Синклер Клетс с Эрлом провели Молли, Рокки и Петульку по узенькой тропинке в просторный зал, залитый зеленоватым светом. Вода в подземном озере десятифутовой глубины была такая прозрачная, что сквозь нее просвечивало чистое песчаное дно.

С влажного, подернутого зеленью потолка свисали сталактиты. Дальний конец пещеры замыкала бетонная стена с вделанной в нее дверью. Через несколько минут мощный лифт плавно возносил всю компанию сквозь каменную толщу утеса. Наверху их встретила стена, обитая замшей кремового цвета, и сверкающая стеклянная дверь. Синклер нажал кнопку на стене. Дверь скользнула вбок, и они очутились снаружи, возле бетонного бункера, в котором заключался лифт. Бункер был замаскирован под огромный валун.

Возле скалы стоял «Астон Мартин» Синклера Клетса. Зрелище было впечатляющее.

— Вон там — Гавайи, — махнул рукой Синклер. — Может быть, когда все закончится, мы возьмем у Праймо его личный реактивный лайнер и полетим туда.

— А мы что, и самолетами управлять научились? — спросила Молли и наморщила нос, пытаясь вспомнить уроки пилотажа.

— Нет, — рассмеялся Синклер. — Там будет пилот.

Петулька тявкнула на него, требуя скорее открыть дверцу машины. На вершине обрыва было ветрено, и морской бриз проникал под ее лохматую шерстку. Все сели в «Астон», Синклер включил зажигание. Мотор зарычал, как только что проснувшийся лев, и машина покатила вверх по извилистой огороженной дороге к верхнему краю обрыва. Вскоре они выбрались на автостраду.

— Это Тихоокеанское шоссе, — пояснил Синклер. — Оно тянется вдоль всего западного побережья Америки. Там, к северу, — он показал налево, — Сан-Франциско, потом Сиэтл, а дальше Канада. А там, — он махнул направо, — к югу — Малибу, Лос-Анджелес, и так до самой Мексики.

— Ух ты! — воскликнул Рокки. — А где мы сейчас?

— Это место называется Дюн-Бич. До Голливуда два часа езды, так что давайте поторапливаться.

«Астон Мартин» зашуршал шинами по асфальту.

— Если мы проезжаем Малибу, то нельзя ли по дороге навестить наших? — спросила Молли. Синклер покачал головой и переключил рычаг на самую высокую скорость.

— Прости, Молли. Рано. Сейчас они думают, что ты занята работой для вашего благотворителя. Мне пришлось загипнотизировать всех, чтобы они не тревожились за вас. Надеюсь, вы не возражаете. Все они живут очень хорошо. Но если вы сегодня встретитесь, то Праймо может узнать, что вы еще живы, а нам это ни к чему.

Молли усадила Петульку на колени, откинулась на синюю кожаную спинку и закрыла глаза. Она никак не могла прийти в себя. Девочка словно перенеслась вперед на машине времени, пролетела сквозь прозрачную трубу, где в пути мельком видела летние и осенние месяцы, но не успела как следует ощутить их. Вот, значит, как себя чувствуешь, когда тебя надолго загипнотизируют. Молли стало стыдно перед людьми, в чьих головах она хоть немного покопалась, — однако она не укоряла себя за то, что под гипнозом велела Нокману исправиться. Теперь он сильнее радуется жизни, разве не так? К тому же скоро весь ее гипнотизм выветрится, и он навсегда останется просто хорошим человеком.

— А как поживают Нокман и миссис Тринкелбери? Есть что рассказать? — спросила она,

— Еще как есть, — с улыбкой подтвердил Синклер и нажал на клавиши видеоманитона — Если хотите повеселиться, посмотрите на экран. — Под потолком замерцал маленький телеэкран, и, к удивлению Молли и Рокки, по нему поплыли кадры любительской видеосъемки.

Все приютские ребята устроили для мистера Нокмана и миссис Тринкелбери праздничный вечер. Микрофон успел записать конец речи, которую произносил Нокман.

— Теперь я наконец понял, — сказал он. — Я понял, что шись прекрасна.

И все захлопали.

— Чей это день рождения? Нокмана? — спросила Молли.

— Нет, они празднуют помолвку мистера Нокмана и миссис Тринкелбери. Она состоялась в июле.

— Что-что?! — Молли и Рокки изумленно выпучили глаза.

— Вы уверены? — переспросила Молли. — И они... как это... влюблены друг в друга?

— Как голубки.

— Тьфу, — поморщился Рокки.

— Тем не менее, они счастливы, — заметил Синклер. Молли взглянула на Рокки.

— Надеюсь, он не втянет ее в преступную жизнь.

— Ни в коем случае, — заверил Синклер. — Насколько мне известно, этот парень от нее без ума и сделает все что угодно, лишь бы порадовать ее.

— Ну, если миссис Т, счастлива, то я тоже рада, — сказала Молли. — А как поживают остальные?

Синклер перемотал кассету вперед, В гостиной Джемма и Джерри устраивали представление для остальных приютских детей. Джемма пригласила Гизелу на сцену и сказала, что загипнотизирует ее. Молли и Рокки не верили своим глазам. Потом Джемма и Джерри в самом деле загипнотизировали Гизелу и внушили ей, что она находится на гребне высокой стены и что всякий раз, когда Джемма дует, стена качается. Гизела лежала пластом посреди сцены и цеплялась за пол, чтобы ее не сдуло.

— Но кто их научил? — спросил Рокки.

— Ты сам, — ответил Синклер. — Так сказать, косвенно.

— Я?!

— Да, — подтвердил Синклер. — Ты, по-видимому, сделал ксерокопию с книги по гипнотизму, и они нашли часть этой копии. Они научились неплохо изображать настоящих гипнотизеров.

— Но разве они гипнотизируют не по-настоящему? По-моему, они выступают блестяще!

— Не обманывайтесь. Гизела им подыгрывает. У Джеммы и Джерри нет никаких гипнотических способностей, я проверял. Зато они очень хорошо умеют дрессировать животных. Смотрите.

В той же комнате установили стол с миниатюрным гимнастическим залом. Там были крохотные горки и качели, колесики и карусели. На глазах у изумленных ребят Джерри демонстрировал, как его мышата съезжают с горки, качаются на качелях, кружатся на карусели. Они даже карабкались друг на друга и, как настоящие гимнасты, выстраивали маленькую мышиную пирамиду.

— Джерри умеет обращаться с мышами, — сказал Синклер, когда фильм подошел к концу. Петулька покосилась на экран и зажмурилась.

Дальше они ехали в тишине. Синклер сосредоточил все внимание на дороге, было заметно, что он взволнован. Он то набирал скорость, то замедлял ход, его пальцы нервно постукивали по рулю. Казалось, он вот-вот на что-то решится. Молли снова подумала, как нелегко ему, должно быть, предать родного отца. Потом Синклер, словно прочитав ее мысли, заговорил:

— Знаете, Праймо Клетс мне не родной отец. Он меня усыновил. Меня и Салли. — Он открыл шкафчик под «бардачком», внутри оказался маленький холодильник. Синклер достал оттуда банки с напитками.

— Усыновил?! — в один голос воскликнули пораженные Молли и Рокки, брови у них полезли на самый лоб. Петулька почувствовала, что от людей снова исходят волны удивления.

— Совершенно верно, — подтвердил Синклер и протянул Рокки банку воды. — Мы с Салли даже не родные брат и сестра.

Молли и Рокки не могли оправиться от потрясения. Оба были сиротами, и тема усыновления очень их волновала. Мало того, ни тот, ни другая ни разу не встречали за пределами приюта подкидышей и людей, которые были усыновлены, поэтому очень внимательно выслушали историю жизни Синклера.

Как выяснилось, сначала его и Салли усыновили владелец цирка с женой. Синклеру было четыре года, а девочке — пять. Дети словно попали в большую семью. Они были необыкновенно счастливы. Владелец цирка к тому же был гипнотизером и выступал на сцене. На беду, он оказался таким хорошим гипнотизером, что однажды попал в поле зрения Праймо Клетса. Тот увидел в нем угрозу и решил убрать с дороги. Он загипнотизировал циркача и его жену. Теперь они работают садовниками в Сорочьем поместье.

Маленькие Синклер и Салли стали жить у Клетса. Он окружил детей роскошью, неведомой им ранее, давал им все, чего душа пожелает. У них были миниатюрные автомобили, фантастические спальни, дом с кинозалом и бассейном, загородное имение с верховыми лошадьми, удивительные игрушки. Они проводили каникулы у моря, катаясь на яхтах и водных лыжах. Клетс нанял им домашнего учителя. «Когда вы вырастаете, — говорил он, — то будете управлять моей империей». Когда Синклеру стукнуло десять, а Салли одиннадцать, Клетс начал учить их гипнотизму.

— Но, — с горечью в голосе произнес Синклер, — я возненавидел его с того самого дня, как он отобрал свободу у моих приемных отца и матери, циркачей. Я видел, насколько он бессердечен, и поклялся, что сделаю все возможное, чтобы у Клетса не было нужды гипнотизировать меня. Я хорошо играл свою роль. Делал вид, что люблю его, как сыну полагается любить родного отца. Но в глубине души я его ненавидел. Салли совершила ошибку. Она слишком часто спорила с ним. Праймо ее загипнотизировал. Но меня он гипнотизировать не стал. Ему было приятно думать, что хоть один человек на свете любит его не потому, что он ему это внушил под гипнозом. Но, как я уже сказал, я его совсем не любил.

Наоборот.

Молли взглянула на море, на мелкую рябь, сверкающую тысячами солнечных бликов. Она не знала, как ответить Синклеру на его исповедь. Все неожиданности, какие случились за этот день, переполнили ее мозг. Молли знала, что должна расспросить Синклера еще очень и очень о многом, но никак не могла вспомнить сами вопросы. Дорожная тряска и шум мотора убаюкали девочку, и она задремала. Петулька уютно прижалась к ней, уткнувшись носом под мышку, и радовалась, что наконец-то вернулась настоящая Молли.

Глава тридцать вторая

Дом Синклера располагался высоко на Голливудских холмах. Автомобиль на низкой скорости с ревом карабкался по крутой дороге, обсаженной деревьями. По обе стороны от шоссе склоны были усеяны уютными домиками.

— Все эти дома сейсмически стойкие, — пояснил Синклер. — Это значит, что они могут выдерживать землетрясения. Мой дом тоже.

Он свернул на подъездную дорогу. Его особняк оказался современным, кирпичным, и опирался на колонны.

Стоянка для машин располагалась внизу, между колоннами, увитыми тропическим плющом и бугенвиллией. Синклер подвел ребят к дверям лифта.

— Похоже, вы не очень любите лестницы, — заметила Молли, пока лифт ехал вверх.

В следующую минуту они с Рокки одновременно воскликнули: «Ух ты!» Перед ними раскинулась гостиная Синклера,

Из панорамного окна открывался великолепный вид на Лос-Анджелес. И знаменитая надпись на холме «Голливуд», огромная, будто на исполинской географической карте, виднелась всего в миле отсюда. Вдоль окна тянулась изогнутая кушетка, Петулька вскочила на нее и свернулась калачиком. Молли выглянула в окно. От дома уходил длинный акведук, поддерживаемый стойками и полный юлы. Он змеился над деревьями, над холмами и над дорогой, потом возвращался к дому и входил в комнату через проем в оконном стекле. Обогнув гостиную, он замыкался в круг.

— Это мой кольцевой бассейн, — сказал Синклер. — Мне он нравится. Люблю поплавать кружок-другой — прочь от дома и обратно. Иногда проплываю кругов десять.

— Круто! — восхитился Рокки.

— Я бы очень хотела поплавать, — вздохнула Молли.

— Так плавай. Но сначала давайте я покажу вам весь дом, — предложил Синклер.

Спальня у него оказалась круглой, и в середине стояла такая же круглая кровать.

— Когда-нибудь спали на водяной кровати? Молли и Рокки попробовали присесть, покачались.

— Странное ощущение, — хмыкнула Молли. — Как будто сидишь на

студне.

— На самом деле очень удобно, — сказал Синклер и повернул выключатель. По воде побежали пузырьки. — Хорошо расслабляет.

При виде булькающей водяной кровати Молли и Рокки восторженно захихикали. Синклер умел жить стильно.

Он показал ребятам свой кинозал, где смотрел новейшие фильмы, компьютерную комнату и темную фотолабораторию. На проволоках вдоль стен висели недавно проявленные снимки. Почти на всех были запечатлены Молли и Рокки: вот они плывут на лодке, держа в руках весла, а между ними восседает Петулька. Вот Рокки играет на гитаре. Вот Молли подносит к уху большую раковину и слушает, как шумит море. Было там много фотографий Петульки. На одной ее нежно целовала Глория Сердсенс.

— Совсем забыл!.. — вскричал Синклер. — Пока вы... гм... пока вас не было, Петулька снялась в кино. Режиссером был Джино Туччи. Видите, вот он на снимке. Этот итальянец.

— Петулька снималась в кино?! — Молли изумленно воззрилась на фотографию. — Как это?

— Джино повстречал ее на вручении наград киноакадемии. Видимо, Глория Сердсенс тоже, — пояснил Синклер.

— Ах, да, — спохватилась Молли. — Мы... гм... столкнулись в дамской комнате.

— Глория пришла в восторг от этой собачки, Джино тоже. Он проследил, где живет Петулька. Миссис Тринкелбери дала разрешение на съемки. Фильм называется «Раскаты грома» и выйдет на экраны через десять дней.

— Вот это да! А можно нам пойти на премьеру? — поинтересовался Рокки.

— Не стоит. Вам нельзя привлекать

— Ай да мопсик! — просияла Молли. Она от души гордилась собачкой. — Петулька, ты теперь кинозвезда! И какая же ты умная, сумела сама все устроить.

— К тому же ей неплохо заплатил, — сказал Синклер. — На бифштексы хватит.

Молли обняла Петульку еще крепче. Собачка недоумевала, из-за чего вся эта суматоха. Потом Молли заметила фотографию с кристаллом.

— Где мой бриллиант? — спросила она.

— Пришлось отдать его Праймо, — вздохнул Синклер. — Он хотел, чтобы я снял его с тебя, когда ты погибнешь.

— Великолечно, — проворчала Молли.

— Но у меня остался мой. — Синклер вытащил из-под рубашки кристалл. — Если понадобится, можете его взять.

— Спасибо. — Молли злилась на Клетса за то, что он отнял у нее кристалл. Мало ему было своих!

— Послушай, — сказал Синклер, — если мы сумеем одолеть Праймо, то я заберу у него все кристаллы, и вы сможете взять два, а то и три.

— Но сколько же их у него?

— Восемнадцать, считая ваш. И все они достались ему от других гипнотизеров. Бережет их, как старая сорока

— Восемнадцать! Да он и не заметил бы, если бы вы утащили у него мой бриллиант!

— Поверь, Молли, я не могу вернуть кристалл. Прости. Надо подождать.

— Хотелось бы знать вот что, — заговорил Рокки, разглядывая фотографию. — Откуда взялись эти кристаллы у стольких гипнотизеров? Откуда они все узнали, какую силу дают эти бриллианты? Молли, например, не знала, Обнаружила случайно.

— Истина покрыта мраком, — ответил Синклер. — Я думаю что все эти гипнотизеры не догадывались, им нужны кристаллы. Кристаллы сами находят своих владельцев. Как будто бы у них есть собственный разум. На самом деле никакого разума, конечно, нет, но они стремятся к гипнотизерам, притягиваются почти магнетически.

— Они что, передвигаются сами? — испуганно спросила Молли.

— Нет. Но они вызывают у людей стремление перемещать их. Могут управлять людьми, чтобы те переносили их все ближе и ближе к нужному месту.

— И где это место?

— Около гипнотизеров.

— Но почему?

— Может быть, для того, чтобы они могли послужить своей истинной цели. Не знаю. Это загадка. У них есть инстинкт находить дорогу домой, как у голубей.

— У голубей? Ну, не совсем, все-таки голубей обучают. Скорее как у угрей.

— А что делают угри? Каждый год угри уплывают из европейских рек и двигаются через весь Атлантический океан к Саргассову морю. Там они мечут икру. Мальки угрей плывут обратно в европейские моря, превращаются в молодых угрей и возвращаются в те же самые реки, откуда пришли их родители, хотя сами они этих родителей никогда не видели.

Потом, лет через десять, никогда не видели. Потом, лет через десять, они взрослеют, и взрослых угрей инстинкт снова направляет на нерест в Саргассово море. Никто не рассказывает мальчикам, как поступали их родители. Они просто знают, куда плыть, и все. Эти кристаллы, разумеется, не живые, но у них, похоже, есть какой-то внутренний инстинкт, как у животных. Он притягивает их к гипнотизерам. Я думал, ученые смогут разгадать эту тайну. Я загипнотизировал многих из них. Тех, кто исследует магнетизм и древние горные породы, строение и поведение атомов, квантовую физику. Никто не сумел установить, как гипнотизеры связаны с этими камнями и почему они вместе могут останавливать время.

— Значит, у Праймо целая коллекция этих кристаллов, — подытожил Рокки. — И еще коллекция книг по гипнотизму.

— Да, и это тоже.

— Какой ужас, — прошептала Молли. — Хорошо хоть, он еще не успел дотянуться своими воровскими лапами до книги, которая принадлежит Люси Логан. — Ее голос дрогнул. — Люси Логан! Я обещала позвонить ей, а сама не звонила уже несколько месяцев. Она, наверно, думает, что меня уже нет в живых!

Синклер нахмурился. Тут-то Молли и узнала самую страшную новость. Синклер рассказал ей, как вскоре после ее спасения от сороки подслушал разговор Праймо Клетса по телефону. Он говорил с какой-то дамой по имени Люси. После разговора Синклер проверил номер и обнаружил, что тот брайерсвилльский. Тогда он еще не знал ничего о Люси Логан и не придавал этому разговору значения. Но через несколько дней, когда загипнотизированная Молли рассказала о Люси, он понял, кому принадлежал тот номер. И Синклер пришел к огорчительному выводу. После того как Молли исчезла, Люси, наверное, решила позвонить Клетсу и загипнотизировать его голосом по телефону. Но она недооценила способностей Клетса и сама оказалась жертвой его гипноза. Теперь она в стане врагов, сообщил Синклер.

Услышав об этом, Молли схватила за голову.

— Но теперь я хотя бы знаю, что ей больше ничего не грозит, — наконец сказала она. — Нет худа без добра. Если Люси на стороне Клетса, с ней больше не случится никаких автомобильных аварий. — И лишь тут до нее окончательно дошел чудовищный смысл случившегося: Клетс подчинил Люси себе. — Как это печально... Бедная Люси. Она все знала о Клетсе и ненавидела его. — Молли вспомнила тот день, когда сидела у Люси в подвале и просматривала накопленные ею материалы. — Синклер! Значит, Люси была права? Клетс в самом деле похитил Дивину?

— Совершенно права, — подтвердил Синклер. — Клетс был в Нью-Йорке, и ему никак не удавалось загипнотизировать Дивину. Почему — не знаю. Вскоре девочка заподозрила, что он что-то замышляет, и он решил убрать ее с дороги. С помощью своего кристалла Клетс остановил время, и никто не заметил, как он схватил Дивину. Она целый год прожила в Сорочьем поместье. Он держит ее в самых лучших комнатах, как певчую птичку в клетке. Пока она соглашается петь для него, ей дают все, чего она захочет. Но стережет он ее, как ястреб. К ней нельзя даже близко подойти. Странное дело.

— Бедная Дивина! А Люси! Нет, это невыносимо. Еще утром я загорала на пляже и не знала никаких бед. А теперь я снова по уши в несчастьях.

— Молли, я понимаю, каково тебе сейчас, — сказал Синклер. — Но ты должна подняться над своими чувствами. Нам всем придется переступить через себя, потому что сейчас самое важное — помешать Клетсу принести президентскую присягу. Для этого надо разрушить всю его пирамиду власти. Тебе придется серьезно поработать, Молли. Сделать то, на что я никогда не был способен. Ты должна выяснить тайные кодовые фразы Клетса.

— Но как я узнаю эти фразы? Они ведь у него в голове! — прошептала Молли.

— Молли, у тебя исключительный талант гипнотизера. Он вложен в тебя на уровне инстинктов — как у угрей. Этот инстинкт, Молли, и подскажет тебе, как выведать у Праймо его пароли.

— Як нему и близко не подойду! — ошетинилась девочка,

— Тебе и не придется, — заверил ее Синклер, — Сегодня я хочу познакомить вас с одним человеком.

Это мой друг, и он научит тебя, как проникнуть к Клетсу в голову, не приближаясь к нему ни на шаг.

Молли встревоженно обернулась. Уж не сошел ли Синклер с ума?

— Я уже пыталась, с меня хватит, — заявила она -

Посмотрите, что случилось с Люси. Поймите же, Синклер, я не волшебница

— Молли, успокойся, — сказал Рокки.

— Пришло время познакомиться с Лесом, — объявил Синклер.

— С лесом? Вы о чем? Мы что, пойдем гулять?

— Нет, — рассмеялся Синклер. — Лес — это мой учитель йоги и медитации.

Глава тридцать третья

Синклер подошел к окну и громко свистнул. Через несколько минут вошел высокий очень худой индеец с седыми кудрями до пояса и в очках с толстыми стеклами. На нем были мешковатые белые спортивные брюки и свитер на молнии, на ногах — носки и пластиковые шлепанцы.

— Привет, Молли, Рокки, рад познакомиться. Много слышал о вас.

Как выяснилось, Лес учил Синклера медитировать уже десять лет. А до этого он путешествовал по свету. Три года прожил отшельником в пещере во Франции, размышляя о смысле жизни и питаясь только орехами и ягодами, насекомыми да консервированным супом. Потом бродил по глухим амазонским джунглям в компании монахов, считавших за грех стричь волосы. Жил в племени эскимосов и научился строить снежные иглу. Провел одиннадцать месяцев в хижине на дереве в Шри-Ланке, путешествовал автостопом по Индии, пересек пустыню Калахари с караваном верблюдов.

Теперь он жил в Лос-Анджелесе и учил Синклера йоге и медитации. Его квартира располагалась в этом же особняке на первом этаже. При ней был небольшой дворик, где Лес разводил кур, и стеклодувная мастерская. Это он был создателем прелестных зеркальных статуэток, стоявших на кофейном столике. Молли спросила себя, загипнотизировал его Синклер или нет.

— Что такое медитация? — спросила она, когда йог уселся на полу, скрестив ноги.

— Медитация, — ответил Лес глубоким голосом, в котором Молли услышала рокот камней в стремительной горной реке, — медитация позволяет расслабить и успокоить тело, чтобы оно могло настроиться на космическую волну и улавливать положительные вибрации Вселенной.

Внезапно Лес лег на спину и вскинул ноги к голове, потом заложил их за шею. Голова его высунулась между лодыжек, а руки ровно легли на пол. Он буквально завязал себя в узел.

— М-м-м, как удобно, — вздохнул он, зажмуриваясь. — Теперь я сосредоточиваюсь на том, что есть ничто, и чем дольше я созерцаю ничто, тем сильнее наполняет меня его свет, и наконец я...

Молли и Рокки терпеливо ждали,

— И наконец вы... что? — спросила Молли.

— Никак помер? — прошептал Рокки.

— Он погрузился в медитацию, — поправил его Синклер.

— И долго он может так... медитировать? — спросила Молли.

— Иногда час. А иногда и целый день. Хотел бы я научиться этому, но пока не получается. Бывает, Лес мысленно путешествует на большие расстояния. Это называется трансцендентальной медитацией. Он может навестить своих друзей в Индии и, если они тоже медитируют, устроить с ними трансцендентальную встречу.

— Хороший предлог для того, чтобы вздремнуть после обеда, — сказала Молли.

Синклер пропустил ее слова мимо ушей.

— А иногда, — продолжал он, — Лес так глубоко концентрируется, что может ходить по огню.

— А по воде? — спросила Молли.

— А по воздуху? — подхватил Рокки. Синклер не заметил их сарказма.

— Я надеюсь, Молли, — сказал он, — что Лес поможет тебе сосредоточить твой разум и расслабить тело так, чтобы ты вошла в нужное состояние, научилась путешествовать по космическим волнам и сумела телепатически извлечь необходимые кодовые фразы из головы Праймо.

— Вы что, серьезно? — спросила Молли, как будто Синклер попросил ее взмахнуть руками и взлететь. Она слышала о новомодном калифорнийском спиритуализме, но считала его полной ерундой.

— Отбрось недоверие, — посоветовал Синклер. — Лес научит тебя входить в соприкосновение с твоими внутренними инстинктами. Погоди, вот увидишь. Сама удивишься своим способностям.

Синклер ушел, оставив Молли и Рокки рассматривать завязанного узлом человека. Лес протяжно пукнул. Рокки и Молли не могли удержаться от сдавленного смеха.

— Не знаю, как насчет моих внутренних инстинктов, — тихо сказала Молли, — но с его внутренним запахом мы точно войдем в соприкосновение.

* * *

Следующие дни выдались спокойными. Синклер уехал в Вашингтон, на восточное побережье Америки, где Клетс подбирал президентскую команду советников. Для Синклера было очень важно делать вид, что он остается преданным сыном и помощником Праймо, поэтому когда отец просил помощи, он не мог отказать. Однако это поручение согласовывалось

с его планами: он намеревался держаться поближе к Праймо, чтобы быть в курсе всех его действий.

* * *

А в Голливуде, в доме на холмах, Молли очень скоро обнаружила, что Лес не собирается учить ее ничему, что поможет выудить из головы Клетса кодовые фразы. Но все равно с ним было очень интересно.

Рядом со своей квартирой Лес разбил очаровательный садик с цветами. Мозаика под ногами переливалась калейдоскопом красок, вдоль стен располагались шпалеры, увитые зеленью. Он познакомил Молли и Рокки со своими курами и угостил ребят свежеснесенным яичком. Научил выдувать стекло. Он прилепил комок холодного стекла к длинной металлической трубке, нагрел на жарком пламени и осторожно подул в трубку. На ее конце засверкал горячий стеклянный пузырь. Потом Лес показал им, как медитировать.

Рокки честно старался сосредоточиться, но находил, что играть с Петулькой гораздо интереснее, чем сидеть, закрыв глаза, рядом с Лесом. Молли, напротив, считала, что эти занятия хорошо успокаивают нервы. Она всегда умела отключать разум и мысленно уноситься в космос, поэтому быстро достигла в медитации успехов.

Ее разум воспарял, как облако, над голливудскими вывесками, затем взлетал все выше и выше, пока наконец далеко внизу, в туманной дымке, не скрывался сначала дом Синклера, а потом и весь Лос-Анджелес. А Молли тем временем размышляла над тем, как она мелка и малозначительна. В Лос-Анджелесе живет восемь с половиной миллионов человек, и она — всего лишь крохотная песчинка в этом громадном людском море. Поднявшись еще выше над своей воображаемой вселенной, Молли подумала о том, что на всей Земле живет шесть миллиардов человек, и почувствовала себя совсем уж жалкой.

На миг она разрешила себе поверить в Леса. Если она и в самом деле сумеет совершить то, чего от нее ждут, то это деяние будет совсем не мелким, а наоборот, очень даже важным. Если она сумеет извлечь из Клетса его пароли, если они помешают ему принести президентскую присягу и он не станет самым могущественным человеком на свете, то ее поступок будет определять судьбы всех жителей планеты.

И вот так, плавая над миром, Молли ощущала себя одновременно крошечной и страшно огромной — головокружительное сочетание. Но это

шло ей на пользу, потому что чувство мелкости не давало чувству огромности перейти все допустимые рамки, за которыми Молли могла бы посчитать себя суперважным сверхчеловеком.

— Как себя чувствуют очень знаменитые личности, когда понимают, что они известны почти всем людям на земном шаре? Кем они себя считают — сверхчеловеками? — спросила она однажды у Леса, когда они сидели на полу и сортировали комки цветного стекла — плохие в одну сторону, хорошие в другую.

— Те, кто глуп, считают, — подтвердил Лес — А те, кто поумнее, понимают — им просто повезло родиться такими, какие они есть, талантливыми, и еще больше повезло очутиться в струе, которая вознесла их на вершину. Они понимают, что слава — это не та волшебная палочка, которая делает знаменитость намного лучше обычного, никому не известного человека. Слава — это пирамида, на самом верху которой стоят самые знаменитые люди, пониже — менее известные, а на самом дне — люди никому не ведомые. А вот счастье похоже на яйцо. Можно сказать, что самые счастливые люди находятся на верхушке яйца, менее удачливые — посередине, а самые несчастные — внизу. И там, внизу, среди несчастливых, можно найти великое множество прославленных людей. Я бы предпочел находиться на макушке яйца, чем на вершине пирамиды.

— Тогда, — не отставала Молли, — почему люди так стремятся к славе?

— Может быть, они полагают, что слава — это ключ к счастью. Они ошибаются.

— Я знаю многих людей, которые любят читать журналы о жизни кинозвезд и мечтают тоже стать знаменитыми.

— Я тоже таких знаю. Но все эти журналы полны куриного помета, и мне гораздо интереснее было бы почитать о жуках-навозниках. В конце концов читатели таких журналов начинают ощущать, что их собственная жизнь — куриный помет. А это нехорошо — считать свою жизнь куриным пометом. Куриный помет воняет. Кому и знать, как не мне.

Молли выглянула во двор и увидела бентамскую курочку, которая только что отложила яичко в прогулочный ботинок Леса.

— Жизнь, Молли, похожа на летние каникулы. Пролетает, как мельтешня ярких красок. Все мы состоим из органических молекул, родившихся в недрах звезд, и когда мы умираем, то в краткой вспышке снова превращаемся в звездную пыль.

— Выходит, неважно, звезды мы или не звезды, — подытожила Молли. — Все мы — одна и та же звездная пыль.

— Ты меня поняла. — Лес прикрыл глаза. — Когда ты обнаружишь в себе звездную пыль, то скоро найдешь источник новой силы. И после этого ты узнаешь себя с новой стороны.

Молли сомневалась, что эти философские беседы хоть немного приближают ее к кодовым фразам Праймо Клетса, но Лес, видимо, и в мыслях не имел давать ребятам какие-то особые уроки телепатии, о которых говорил Синклер.

— Я чувствую, Молли, что у тебя добрая энергия, — говорил Лес. — Ты должна искать нану мельчайшее...

— А кто это — Нану Мельчайший? — спросила Молли, представляя себе этого Нану древним морщинистым стариком.

— Это не человек. «Нану» и означает «мельчайшее». Ты должна найти в себе крупцу, самую мелкую из мелких, Молли, и тогда ты обнаружишь источник истинной силы.

— Гм, спасибо, — ответила Молли. — Я постараюсь запомнить, — «Иногда кажется, — подумала она, — что Лес просто не от мира сего».

Глава тридцать четвертая

Короткие дни покоя расслабленности внезапно подошли к концу.

Праймо Клетс решил, что пора брать на себя президентские полномочия. С занятием высокого поста перед ним открывалась масса заманчивых возможностей заработать кучу денег, и он решил организовать в Лос-Анджелесе большую конференцию для иностранных бизнесменов.

Однажды утром Синклер пришел домой очень встревоженным. Положив портфель, он едва дождался, пока опустится подъемная дверь, и сказал ребятам:

— Я говорил Праймо, что занимаюсь здесь медитацией с Лесом, но он и слушать не хочет.

Лицо Синклера было мрачным, как пасмурная погода за окном. Ему становилось все труднее ускользать от Праймо Клетса. Праймо хотел, чтобы он переселился в особняк и был в любое время готов прийти на помощь. Синклер не знал, долго ли еще сумеет притворяться. Ему было все тяжелее выполнять задания Клетса. В последний раз Праймо велел сыну загипнотизировать целую толпу высокопоставленных чиновников, чтобы убрать все препятствия на пути нового президента к достижению его целей. Синклеру все время приходилось скрывать свои истинные чувства, но он понимал, что вскоре Праймо почует неладное и обрушит силу своего гипнотического взгляда на него.

Синклер разрешал Молли и Рокки плавать в своем кольцевом бассейне и гулять по саду сколько влезет, но запрещал выходить на улицу. Он боялся Клетса, опасался, что тот шпионит за домом — в прошлом, по его словам, Праймо нередко нанимал шпионов. Поэтому он настоятельно требовал, чтобы ребята никуда не высывали носа

Последние несколько дней Молли и Рокки провели в сильном напряжении. Девочке без конца казалось, что двери вот-вот распахнутся и в дом ворвется полиция, чтобы схватить их. От этих мыслей ее начали мучить кошмары.

Молли часто охватывало раздражение. Синклер возлагал на нее неоправданные надежды. Верх глупости считать, будто она способна телепатически выудить у Клетса тайные кодовые фразы. Добыть их можно было только чудом. Она сердилась на Синклера за то, что он слишком много взваливает на нее и до сих пор не выработал более разумного плана

Однажды на город опустился густой туман. Молли очень хотелось

выйти из дому. Но вместо этого как всегда пришлось играть с Рокки в шахматы. Синклер, погружившись в свои мысли, расхаживал по комнате и время от времени выглядывал в окно. Наконец он заговорил:

— Справиться с Праймо можно только одним способом.

— Надеюсь, вы не предлагаете нам его убить? — Молли оторвала глаза от шахматной доски. — Ни за что. Мы не убийцы. Но я не вижу, что еще может остановить Праймо Клетса, кроме... смерти.

— А как насчет хорошего гипнотизера?

— Ни в коем случае. — Молли покачала головой и опустила пешку, за которую было взялась. Она понимала, какие мысли бродят в голове у Синклера. — Синклер Клетс, вам самому хоть раз удавалось загипнотизировать Праймо Клетса?

— Однажды я пытался, — признался Синклер. — Когда был помоложе. Праймо считал это забавной шуткой. Он знает, что у меня не хватит сил его загипнотизировать. Его способности не идут ни в какое сравнение с моими. У него есть пара козырей в рукаве. И я знаю только одного человека на свете, у которого эти козыри тоже имеются.

Петулька жалобно заскулила. Она почувствовала, что Молли волнуется.

— Молли, эти козыри есть у тебя. Ты и сама наверняка это знаешь, — наседавал Синклер. — Когда я спас вас от сороки, то сумел загипнотизировать тебя только потому, что твои силы были истощены. Иначе ты стала бы мне сопротивляться. Я осознал твою истинную силу, когда увидел рекламные ролики, снятые вами в Нью-Йорке. В твоих глазах скрыта такая же мощь, как у моего отца.

Молли встала и отошла к дальнему краю окна.

— Не заставляйте меня гипнотизировать его, Синклер! — взмолилась она, глядя на улицу. — У меня ничего не получится. Никаких шансов. Ни единого.

— Ты должна попробовать, — настаивал Синклер. — Я искренне верю, что у тебя все выйдет как надо.

— Вы говорите так потому, что я — ваша последняя надежда, — с горечью произнесла Молли. Ей представилось, как Праймо Клетс высасывает память у нее из головы и превращает ее в пустой пакетик из-под кетчупа, — Как это все глупо, — вздохнула девочка. — Неужели на такое способна только одна я? Наверняка есть кто-нибудь еще. Взрослый гипнотизер. А я не хочу.

— Всех остальных Праймо уже одолел, — покачал головой Синклер.

— Вот именно. А на что надеяться мне?! — в отчаянии вскричала

Молли и разрыдалась.

— Прости. Мне очень жаль, — сказал Синклер. — Можешь отказаться. Не надо, не делай ничего. — Он облокотился на оконное стекло. — Только пожалуйста, подумай хорошенько. Решение остается за тобой, и я вполне пойму, если ты решишь не помо... не рисковать. — Синклер резко обернулся. — Но послушай, Молли. Я могу подойти к Праймо очень близко. Он мне доверяет. Мы попробуем захватить его врасплох, когда он только проснется или в конце дня — когда устанет. Подумай, Молли. — Синклер поглядел на часы. — Черт, мне пора идти, о то он хватится. Должен помочь ему встречать гостей, пришедших на обед. Он пригласил главу ФБР и заместителя премьер-министра Японии. Они придут, чтобы встретиться с Сьюли и Глорией. — Синклер печально улыбнулся ребятам, — Надеюсь, сегодняшний вечер не станет для меня последним.

Потом он погладил Петулька, глубоко вздохнул и вышел.

* * *

Молли, Рокки и Петулька остались смотреть в панорамное окно.

По щекам Молли катились крупные слезы.

— Прости, Рокки, — пролепетала она сквозь всхлипы. — Но... но я не знаю, что делать.

Рокки снял бандану, обернутую вокруг запястья, и вытер ей нос. Он смотрел, как его лучшая подруга содрогается в рыданиях, и готов был провалиться сквозь землю.

— Должен быть какой-то другой выход, — выдавила наконец Молли. — Не хочу, чтобы мои мозги превратились в манную кашу.

— Другой выход найдется, — медленно проговорил мальчик. — И, кажется, я его знаю.

Глава тридцать пятая

Как, спросите вы, может слабая девочка втереться в доверие к человеку с таким положением и могуществом, как у Праймо Клетса, и загипнотизировать его? Ответ очень прост: надо подобраться к нему с неожиданной стороны.

Лучшая форма атаки — внезапное нападение. На этом и основывалось решение, которое предложил Рокки. Он заявил, что тактика лобового удара с Праймо Клетсом не сработает. Когда Молли выяснила, в чем заключается его идея, она сказала, что не позволит ему рисковать жизнью в одиночку, и решила сама воплотить его план в жизнь. Столкновения с Праймо Клетсом избежать не удастся, поэтому нужно было сделать так, чтобы победителями из этой схватки вышли они, а не злодей-гипнотизер.

Через два дня Синклер уехал, чтобы проследить за последними приготовлениями к встрече Праймо с зарубежными воротилами бизнеса. Конференция должна была состояться в «Клетс-Центре», но для начала был намечен официальный прием и завтрак у нового президента дома.

В то же самое утро, спозаранку, в дом к Синклеру пожаловали лучшие в Голливуде костюмер и гример. Их, разумеется, загипнотизировали.

Двое профессионалов взялись за работу. Молли с восхищением смотрела, как под длинными пальцами искусного мастера-гримера в совершенно другого человека.

С восьми до девяти часов гример делал ему новый нос. Из специальной резины он слепил для мальчика изящный, тонкий, чеканный профиль. С девяти до десяти были созданы морщины и новая прическа, густые черные брови и короткая темная бородка. Чтобы придать солидности, мальчика облачили в толстое стеганое белье, а затем нарядили в черную расшитую рубаху-джеллабу и красно-белый головной убор, перевязанный лентой. Результат был фантастическим. Рокки превратился в самого настоящего араба.

— Жарко в этой одежде, — пожаловался он Синклеру. — Как меня теперь зовут?

— Шейх Джаллавит. Один из самых богатых нефтяных магнатов Саудовской Аравии.

— А вы уверены, что сюда не заявится настоящий шейх Джаллавит.

— Не заявится. Я сообщил ему, что конференция откладывается.

— А как быть с ростом? Неужели он такой же маленький, как я?

— Когда ты наденешь туфли на платформе, — пообещал костюмер, — то станешь ростом ровно пять футов три дюйма, точь-в-точь как шейх.

— Может, я и сойду за араба, но лишь в том случае, если не надо будет ничего говорить, — встревоженно заметил Рокки.

Пока в облик ее друга вносили завершающие штрихи, Молли заглянула в мастерскую к Лесу. Он окунал тонкую стекляшку в стакан с химикатами.

— Почти готово, — сообщил он. Девочке невольно подумалось; «Как хорошо было бы остаться здесь, у него, на целый день!» Словно прочитав ее мысли, Лес погладил девочку по голове и сказал: — Не волнуйся, Молли, нану мельчайшее защитит тебя. — Хоть эти слова и казались бессмысленными, все-таки ей отчего-то сделалось легче.

Затем настала очередь Молли преображаться. Ее нарядили в госпожу Джаллавит, жену шейха. Подобно Рокки, она надела стеганое белье, чтобы казаться толще, просторный халат — у Молли он был фиолетовым — и туфли на платформе. Но серьезного грима ей не требовалось, поскольку голова должна была скрываться под накидкой, а лицо — под черной шелковой чадрой. Коже вокруг глаз придали смуглый вид.

Наконец к полудню, задыхаясь в душных костюмах, Молли и Рокки сели в черный лимузин с шофером. Они старались чувствовать себя настоящими арабами.

* * *

Лимузин, величаво шелестя шинами, въехал в парадные ворота особняка Праймо Клетса,

Молли вспомнила пыточную камеру в подвале роскошного дома, и ей стало дурно. Поэтому она постаралась думать не о страшной сороке, а о Дивине Наттель, которая томится в заточении где-то в этих стенах, о том, как обрадуется Дивина, когда ее освободят. Если, конечно, план сработает. В лучах полуденного солнца посверкивали стальные звери на лужайках; вид у них был голодный и злобный. Молли очень боялась идти по мощеному двору в туфлях на высокой платформе. Правда, и у нее, и у Рокки, как и положено пожилым арабам, были тросточки для ходьбы, но сумеют ли они удержаться на ногах даже опираясь на палки?

— Боюсь, Клетс разглядит нас насквозь, — лихорадочно прошептала Молли. — Я чувствую себя как старуха из «Тысячи и одной ночи». Может,

лучше вернемся домой?

— Ты и впрямь ни дать ни взять арабская старуха, — заверил ее Рокки. — Пошли. — Его голос звучал приглушенно, потому что Молли, как и ее друг, заткнула уши воском, чтобы защититься от словесного гипноза, если вдруг Клетсу захочется пустить его вход.

Во рту у Молли сделалось сухо, как в пустыне Сахаре, а ладони от страха взмокли. Она ухватилась за посеребренную трость и осторожно вылезла из машины.

У входа царила суета: один за другим подъезжали автомобили, из них выходили, сразу направляясь к дому, важные гости. Сквозь чадру Молли разглядела, что двор кишит охраной — ради заграничных шишек служба безопасности удвоила усилия. У девочки подкосились ноги. Рокки подтолкнул ее золоченой тростью, чтобы она сделала хоть шаг.

Яйцо во внутреннем дворе, приветствуя их, выбросило фонтан яркого пламени. Хоть Молли и ожидала этого, но все-таки испуганно отшатнулась.

Синклер помог чете пожилых арабов подняться на парадное крыльцо. Потом, под предлогом их почтенного возраста, провел через мраморный зал, где собирались делегаты, прямо в конференц-зал Праймо Клетса. Таким образом Молли и Рокки уклонились от разговоров с другими гостями и в особенности с самим Праймо Клетсом. Их путь лежал мимо выставки, на которой была представлена продукция самых крупных предприятий Клетса Автомобили «Праймоспид», компьютеры «Компьюклетс», «Одноклеточная медицина», «Клетс Ойл». На огромных фотографиях изображались самые знаменитые марки. Медово-пшеничные хлопья, часы «Таймеццо», «Веселые пузырьки», батончики «Небо», дезодоранты «Дубовая Роща», туалетная бумага «Шелест», диетические батончики «Тонкие Звонкие», одежда «Домашняя Мода». Но больше всего напугало Молли изображение складных ножей «Трик-трак».

В просторной комнате с галереей под потолком был накрыт громадный стол на двадцать восемь персон. Перед каждым гостем стояли бокал, бутылка минеральной воды на серебряной подставке, хрустальная ваза со льдом и были разложены шоколадки в обертках. Синклер подвел Молли и Рокки к дальнему концу стола, где для них были зарезервированы места — на них лежали карточки с им «Шейх Джаллавит» и «Госпожа Джаллавит».

— Все в порядке, — шепнул им Синклер. — Теперь я вас покину. Надо проводить к столу гостей и их переводчиков. Когда все соберутся, выйдет Праймо. Молли, я посадил тебя рядом с ним, слева Обычно он начинает с тех, кто сидит напротив него, потом движется вокруг стола по часовой стрелке, пока не доберется до человека, сидящего справа от него. Потом

переключился на тебя. Удачи! Скоро увидимся. Молли села Ноги у нее дрожали, сердце отчаянно колотилось. На столе перед ней лежала речь Праймо Клетса, переведенная на арабский язык. Девочка взяла листок и сделала вид, что читает.

Восседавая на подушках, которые Синклер специально для них положил на стулья, Молли и Рокки казались убедительно большими, особенно по сравнению с усевшимися напротив них по другую сторону от Клетса двумя худощавыми филиппинцами. Филиппинцы оказались людьми жизнерадостными. Они, весело болтая, вскрыли шоколадки. Представились Молли; та в ответ кивнула, склонилась к ним, пожала руки и пробормотала, как ей хотелось думать, с арабским акцентом; «Сабах аль-хейр. Гм, калла дулла килла». Потом принялась вертеть пальцами чадру в надежде, что они не станут продолжать разговор.

Молли осторожно выглянула сквозь щелку в чадре и заметила, что комната постепенно наполняется. Прибыла элегантная индианка в красно-оранжевом сари и ее спутник в темно-зеленом костюме. Потом явилась пара из Японии. На даме было ультрамодное желтое платье и причудливая треугольная шляпа в мелкую складочку. Все новые гости занимали свои места. Никогда еще Молли не видела такого разнообразия оттенков кожи и многоцветья нарядов.

Девочка тихонько сидела, делая вид, что погружена в чтение, но диковинные буквы плясали перед глазами. Она попыталась расслабиться, медитируя, но напряженная обстановка мешала собраться с мыслями.

Вскоре за торжественным столом собралось двадцать пять человек. В зале стоял гул голосов. Гости были весьма польщены тем, что сам Клетс пригласил их к себе домой. Все надеялись, что их компании заключат крупные контракты с будущим американским президентом и что они заработают на этом кучу денег.

Тут раздался негромкий звон; это Синклер постукивал по краю бокала кофейной ложечкой.

— Леди и джентльмены! — начал он, мгновенно погасив взволнованные шепотки. — Рад представить вам нашего будущего президента! Мистер Праймо Клетс!

Праймо с величайшим апломбом размашисто вошел в комнату. Улыбнулся, кивнул гостям, приветственно помахал рукой. На нем был черный костюм в белую полоску, в глазах пылали самоуверенность и упоение властью. Он выглядел безупречно выдержанным и спокойным, но Молли ощущала в нем затаенную алчность. Он сел рядом с Молли, и она еще раз попыталась отогнать свои страхи.

— Добро пожаловать, дорогие гости! — начал Клетс. — Доброе утро! Бонжур! Гуд морнинг! Ола! Бонжорно! Коннитива! Мархабан! Спасибо за то, что пролетели тысячи миль ради нашей встречи. Премного благодарен. Чрезвычайно приятно видеть, что на нашем собрании представлены многие страны мира, и в качестве избранного президента смею вас уверить, что Америка будет плодотворно сотрудничать с вашими предприятиями.

Переводчики вокруг стола передали своим клиентам слова Клетса. Гости одобрительно закивали и стали внимательно слушать дальше.

— В бизнесе необычайно важно доверять человеку, с которым вы ведете дела. Если вы заглянете в мои глаза, то увидите, что я как раз тот человек, которому можно доверять. — Он умолк.

Молли была изумлена тем, как быстро действует Клетс. Все, кто был в комнате, вежливо и покорно обратили на него взоры.

— Да, — продолжал Клетс своим безупречно выверенным, бархатным голосом. — Загляните — ко мне — в глаза — и вы — увидите — что — мне — можно — доверять — пол-но-стью.

И за разговором он принялся гипнотизировать всю компанию. Восковые пробки в ушах Молли и Рокки приглушали его голос. Ребята сидели неподвижно, изо всех сил стараясь не слушать. Молли про себя громко распевала слова песни про сороку:

*«Не отдавай свое сердце,
Он, как сорока,
Хочет его украсть,
Как сорока,
Хочет украсть звезды с неба,
Солнце и луну».*

Теперь Молли почувствовала, как вокруг нее со всех сторон поднимается чувство слияния. Это Праймо Клетс, первоклассный мастер гипнотизма, методично двигался вокруг стола, подчиняя себе каждого человека в отдельности. Как и предсказывал Синклер, Клетс начал с гостей, сидящих напротив. Потом он перешел к правой от себя стороне. Он лихо укладывал гостей на обе лопатки, словно опрокидывал костяшки домино.

Скоро должна была настать очередь Молли. Она старалась успокоиться, дышать по методу йогов, как научил ее Лес, — вдыхать через одну ноздрю и выдыхать через другую. Но какое тут спокойствие, если сердце колотится, как у перепуганного кролика? Девочка подняла голову

под точно рассчитанным углом, чтобы заглянуть Клетсу в глаза. Через считанные секунды он переместит свой взгляд с филиппинцев прямо на нее.

В руке Молли сжимала пластиковый кружок величиной с монету. Он был прикреплен к тонкой проволоке, которая уходила вверх по рукаву и скрывалась под чадрой. Теперь она нажала кнопку на этом кружке. Из-под чадры, будто маленькая дверца, выплыло вогнутое зеркальце, мастерски изготовленное Лесом.

Оно точь-в-точь соответствовало по размеру щели перед глазами. Зеркальце было двусторонним. Молли видела сквозь него черно-белый силуэт Клетса. Она подождет, пока он не повернется и не устремит на нее свой гипнотический взгляд. Потом плотно зажмурит глаза.

* * *

Праймо Клетс был совершенно уверен в себе. Как он и ожидал, все это сорище воротил у него в кабинете мигом покорилося, как безропотные марионетки. Осталось сделать только последние шаги. Следующими были шейх и госпожа Джаллавит. Праймо склонил голову и поглядел на почтенную даму. Странно, что она здесь. Обычно арабские женщины не участвуют в делах своих мужей. Может, она хорошо умет принимать решения? Надо будет одарить ее особенно расслабляющим гипнотическим взглядом, таким, после которого она уже не опомнится. Праймо устремил глаза на нее.

К его удивлению, глаза госпожи Джаллавит, глядевшие на него сквозь прорезь в ткани, оказались такого же цвета, как и его собственные. Один бирюзовый, другой карий Клетсу невольно подумалось: до чего же редкое и привлекательное сочетание.

Госпожа Джаллавит глядела на Клетса с неколебимой уверенностью.

— Очень важно доверять тому человеку, с которым ведешь дела, — настойчиво произнес гипнотизер слащавым тоном и улыбнулся. Глаза нал чадрой улыбнулись в ответ. Клетс удивленно сдвинул брови. Неужели она пытается сопротивляться?

Праймо спокойно и медленно повторил немногие арабские слова, какие знал.

— Марха — бан дикум. — Сквозь восковые затычки в ушах Молли еле слышала эти слова. Они звучали как заклинание.

Пришла пора, решил Клетс, выстрелить в госпожу Джаллавит полным

парализующим зарядом. Собрав в глубинах души всю разрушительную силу, он устремил на женщину могучий поток сковывающей волю энергии.

Всё произошло в считанные секунды.

Мощный импульс его взгляда отразился от зеркальца перед глазами Молли и ударил в самого Клетса. Гипнотизер раздавил себя своей же внутренней силой.

Его голова дернулась вбок, как будто он получил удар кулаком от Кинга Лосса, и повисла. Так он и остался стоять, глядя невидящими глазами на стакан с водой.

Молли приподняла зеркальные очки.

— Получилось! — воскликнул Рокки, не веря в свое счастье.

Сидевшие рядом с Молли трое гостей и их переводчик обеспокоенно косились на свежееизбранного президента. С ними быстро управился Синклер. Теперь все присутствующие глядели остекленевшими глазами на Клетса, а тот не сводил оторопелого взгляда со стакана воды. Синклер приблизился к Клетсу, ступая осторожно, будто находился в клетке со спящим тигром.

— Удалось! — изумленно ахнул он. — Всегда мечтал увидеть Клетса загипнотизированным, и вы исполнили мою мечту. Только посмотрите — его словно лоботомировали.

— Лобо... чего?

— Ну, как будто ему удалили часть мозга. И это сделали вы.

— На самом деле он сам себя загипнотизировал, — сказала Молли, снимая душную чадру, накидку и зеркальные очки. — Блестящая идея принадлежала Рокки, а Лес виртуозно поработал руками. — Она с удовлетворением посмотрела на Клетса. — Нельзя терять время. Вдруг он очнется?

Ребята с наслаждением скинули ботинки на платформах, а Рокки отодрал накладной нос и снял головной убор. Синклер кинул ему рюкзак с кроссовками. Потом он быстро запрограммировал переводчиков, чтобы те рассказали своим хозяевам-бизнесменам правдоподобные истории о том, что случилось на званом обеде. Он внушил им, что Праймо уехал на выходные отдохнуть в горы, и велел очнуться от транса ровно через час.

Молли подошла к Клетсу.

— Я сниму с него кристалл, — сказала она, придвигая стул и вскарабкиваясь на него.

Праймо стоял неподвижно, как восковая фигура. Но, в отличие от восковой фигуры, дышал Он был похож на зомби — такого, который может в любую секунду очнуться и укусить. Молли осторожно расстегнула

платиновую цепочку, вытянула из-под рубашки бриллиантовый кулон и повесила к себе на шею. Сразу стало теплее и уютнее. Праймо остался недвижим.

— Пора останавливать мир, — сказала Молли и положила руку Рокки на плечо. — Ты готов? — Мальчик кивнул. Тогда, сосредоточившись на хрустальном графине с водой, Молли торопливо вдохнула в себя холодное чувство и, уже почти с профессионализмом, остановила время. В тот же миг все, кто сидел вокруг стола, в том числе Клетс, превратились в каменные статуи. Синклер улыбнулся.

— Я давно потерял счет, сколько раз Праймо проделывал это с другими. Наверняка не ожидал, что когда-нибудь попадет в собственную ловушку. Надеюсь, я сумею перетащить его, не выводя из оцепенения. — Он наклонил Клетса назад и поймал его под мышки.

— Уф. Целую тонну весит.

Синклер поволок приемного отца из столовой, изо всех сил стараясь не перелить в него через руки ни капли холодного чувства. Это было нелегко.

— Молли, как ты себя чувствуешь? Сумеешь удержать время, пока мы не вывезем его отсюда?

Молли кивнула. Она понимала, что тяжелее всех приходится Синклеру. Он, прилагая все силы, тащил избранного президента по мраморному вестибюлю. Когда он поднимал его, словно портновский манекен, по лестнице, с ноги Клетса свалилась замшевая туфля. Молли, не выпуская Рокки, подхватила ее. Потом бросила взгляд на верхние этажи дома и представила, что где-то там, наверху, одинокая и заброшенная, сидит Дивина Наттель. Сейчас они ее не спасут — нет времени. Но если все пойдет по плану, вскоре Дивина будет свободна.

Синклер перетащил Клетса через двор. Над гигантским яйцом стоял столб ослепительного пламени. Через минуту они добрались до «Астон Мартина», и Синклер с трудом запихнул отца на заднее сиденье. А сам, вытирая пот со лба, вскочил на переднее. Машина, взвизгнув, сорвалась с места и свернула на гравийную дорожку.

— Нажми дистанционник! — крикнул Синклер Рокки, и железные ворота отворились в тот самый миг, когда машина подкатила к ним. Через минуту они мчались по бульвару Сансет, лавируя между неподвижных машин. Там, где были пробки, они выезжали на тротуар и проскакивали на красные сигналы светофоров. Молли начала дрожать всем телом — ей становилось тяжело удерживать мир в неподвижности.

Вдруг Синклер притормозил и остановил «Астон». Молли

высвободила время, и машины на другой стороне дороги снова пришли в движение. Праймо Клетс что-то проворчал, но оставался в трансе.

— Мне показалось, или вы тоже это почувствовали? — тихо спросил Синклер.

— Что? — не понял Рокки.

Молли встревоженно выглянула в окно.

— Это пришло с неба,

— Оно было где-то вдали, но, кажется, приближалось, — подтвердил Синклер.

— Я ничего не заметил, — покачал головой Рокки.

— Кто-то сопротивлялся остановке времени, — пояснила Молли.

— Неужели инопланетяне?

Молли побледнела. Никогда в жизни она не думала всерьез, что инопланетяне существуют, но в последнее время поняла, что на свете не бывает ничего невозможного.

Синклер промолчал.

Глава тридцать шестая

Молли, Рокки и Синклер сидели на длинном белом диване под огромным венецианским окном у Синклера в гостиной. Они устали, но были очень довольны собой и от радостного возбуждения не могли усидеть на месте. Синклер не скрывал восторга.

— Вот это да! — снова и снова повторял он, не умолкая, с той минуты, когда они наконец доставили Клетса в особняк. Дело в том, что Синклер был не только доволен, но и потрясен. Став свидетелем того, как Праймо Клетс, человек, отравивший всю его жизнь, был выпотрошен, будто ракушка устрицы, он испугался сильнее, чем сам ожидал.

Клетс, глубоко загипнотизированный, восседал в кресле с высокой спинкой. Он окаменел, словно наглотался цементного раствора, Молли всадила в него опасно большую порцию гипнотической силы. Петулька с недоверием обнюхала его ноги.

— Что нам теперь делать? — тихо осведомился Рокки.

— Надо стереть в нем желание стать президентом, — прошептал Синклер. — Положить конец его властолюбию и амбициям. Сделать так, чтобы он не стремился повелевать миром, не хотел безграничных богатств.

— Наверно, надо стереть у него из головы умение гипнотизировать, — предложила Молли.

— Да, — согласился Синклер. — А потом зафиксировать это внушение паролем, чтобы гипноз остался в нем навсегда,

Молли неуверенно переминалась с ноги на ногу. Ей не нравилась идея программировать людей навсегда, так, чтобы они не могли избавиться от навязанного образа мыслей.

— Нет, не надо. Мы ведь не накладывали на Нокмана постоянного гипноза. И посмотрите, каким он стал хорошим. Разве нельзя улучшить и Клетса?

— Клетс, в отличие от Нокмана, не мелкая сошка. У него извращенный ум. Нельзя быть с ним добрыми, Молли. Нельзя рисковать, — возразил Синклер.

— Наверное, вы правы, — с неохотой согласилась Молли.

— Самое важное, — напомнил Рокки, — освободить всех его жертв. Надо выяснить, где они и какими кодовыми фразами он их сковал, а потом разгипнотизировать.

— Если он сам знает, где они, — с горечью проговорила Молли.

— И если они еще живы, — добавил Синклер,
— Ладно, — подытожила Молли. — За дело. Она встала прямо
напротив человека, который
совсем недавно был чуть ли не самым могущественным на планете,
— Праймо Клетс, вы будете отвечать на мои вопросы, — приказала
она. — Где Люси Логан? Она жива? Не грозит ли ей опасность?
— Люси — находится — в Калифорнии. Остановилась — в отеле —
«Бeverли-Хиллз».

— Ну и ну! — воскликнул Синклер. — Значит, он перетащил ее
поближе, чтобы, когда понадобится, она была под рукой и работала на него.
— Невероятно, — пробормотала Молли. — Но это к лучшему. Мы
сумеем быстро добраться до нее и разгипнотизировать. — Потом, отложив
на время жгучие вопросы о Люси, девочка перешла к более мрачным
делам.

— Праймо Клетс, скольких людей вы убили?
— Восьмерых, — ответил Клетс таким беспечным тоном, будто
сообщал о количестве соперников, обыгранных в настольный теннис
Молли в ужасе отшатнулась.

— Вы не раскаиваетесь? — с трудом выдавила она. Синклер вздохнул.
— Молли, я же говорил, он чокнутый. Конечно, не раскаивается.
— Раскаиваюсь? — переспросил Клетс и неуверенно помолчал. —
Какая-то — частичка — глубоко — глубоко — внутри — раскаивается. Но
у меня — нет доступа — к этому — чувству. Дивина Наттель — помогла
мне — прикоснуться — к моим — чувствам. Но в других местах — стена.

— Стена?
— Запрет.
— Что?
— Мне запрещено думать о моих чувствах.
Девочка нахмурилась. Рокки и Синклер насторожились. Молли, как
шахтер, неожиданно наткнулась на глубоко скрытый пласт удивительной
информации.

— Праймо, вы хотите сказать, что кто-то запретил вам думать о ваших
чувствах? — медленно спросила она.

— Да.
— Кто вам запретил? — от волнения и ужаса волосы на голове у
Молли встали дыбом.

— Мой — хозяин.
— Кто ваш хозяин?
Праймо Клетс пожал плечами, как будто пытался вспомнить имя, но

никак не мог. Синклер и Рокки, широко раскрыв глаза, склонились над ним.

— Скажите, — требовала Молли. Праймо затряс головой, будто хотел вытряхнуть заползшую в ухо букашку.

— Ответ — запрещен, — проговорил он. Молли взяла Праймо за руку и уставилась на свои туфли.

— Синклер, — попросила она — Помогите Рокки, чтобы он не застыл. — И легко, будто застопорила пленку на кинопроекторе, остановила мир.

— Теперь, — сказала девочка Клетсу — вы забудете приказ, который велит вам держать все в Все тайны отменяются. Кто ваш хозяин?

У Клетса на губах выступила пена: он изо всех сил пытался произнести имя.

— Слаккг Клегг, — бормотал он. — Слагг Кллакк. Имя словно вертелось у него на языке, но никак не могло сорваться. — Сласс Шлладд. — Тарабарщина какая-то. Петулька, неподвижная, как чучело, взирала на него снизу вверх.

— Должен быть пароль, — подсказал взволнованный Синклер. — Наверняка имя закрыто паролем. А может, он вообще говорит неправду. Неужели у него действительно есть хозяин?

— Нужно выяснить этот пароль, — сказала Молли и обратилась к Клетсу: — Какой кодовой фразой вы закрепляли свои инструкции?

— Не могу — сказать, — ответил Клетс.

— Придется гадать, — вздохнул Синклер.

— Но на это уйдет целая вечность, — возразила Молли. — Ведь существуют миллиарды сочетаний.

— Отпусти мир, — испуганно велел Синклер. — Мне снова кажется, что кто-то сопротивляется, и это чувство все ближе и ближе. — Он выглянул в окно и обвел взглядом горизонт, пытаясь определить, откуда подступает это электрическое покалывание.

Молли кивнула, и мир снова пришел в движение. Потекла вода в кольцевом бассейне, издали послышался голос Леса, сзывавшего кур.

— Те, кто скрываются там, — продолжал Синклер, — они-то и управляют Клетсом. И сейчас они ищут его. — В его глазах мелькнул страх. — Если они доберутся сюда, нам несдобровать. Вдруг этих хозяев много? Они захотят вернуть своего президента.

Разум Молли лихорадочно работал. Было ясно: те, кто повелевают Праймо Клетсом, вот-вот ворвутся сюда. Если так, то до их прихода надо срочно сделать одну вещь. Она схватила с кофейного столика бумагу и ручку и метнулась к Клетсу.

— Праймо, как можно скорее скажите мне все кодовые фразы, которыми вы сковали других гипнотизеров, и кинозвезд, и всех остальных людей. — Что бы ни произошло, надо было попытаться освободить Глорию Сердсенс, и Сьюли Шампань, и всех остальных рабов Клетса.

— Я всегда — применял — только одну — фразу, — прошипел Праймо.

— Какую? — Молли держала ручку наготове. В воздухе повисла напряженная тишина — все ждали, затаив дыхание.

— Кодовая фраза такова: «очень пунктуально». Молли пошатнулась, как будто ее ударили чем-то тяжелым. Прямо по голове.

— «Очень пунктуально»? Но ведь это... — она запнулась. Те самые слова Эти два слова, именно в таком сочетании, были когда-то применены к ней самой. Эти слова вернули Молли к реальности, когда она была загипнотизирована в первый раз. И произнес их человек, которому Молли полностью доверяла. И этими же самыми словами Праймо Клетс подчиняет себе своих жертв. Эта фраза принадлежит не Клетсу, ее придумал кто-то другой.

Тут беспорядочные обрывки сложились в голове у Молли в ясную картину. Может быть, «очень пунктуально» и есть тот пароль, который удерживает в повиновении самого Клетса?

Никого не предупредив, Молли и Клетса за руки и снова остановила время.

— Приказываю вам сообщить мне, кто ваш хозяин, — крикнула Молли. — Очень пунктуально.

Именно эту кодовую фразу и надо было услышать Клетсу. Догадка Молли оказалась верной. Не только Клетс запечатывал этими словами уста своих жертв этот пароль был использован и для него самого.

В ту же минуту Праймо Клетс покорно обмяк и произнес:

— Моя — хозяйка — Логан.

Глава тридцать седьмая

Рокки разинул рот так широко, что туда можно было бы запихнуть щедрый ломоть сыра. Синклер словно проглотил живого угря.

— Вы хотите сказать, вами повелевает Люси Логан? — переспросила Молли, стараясь осознать страшную новость.

— Моя — хозяйка — Люси — Логан, — подтвердил Клетс. — Я — делаю — только — то — что — прикажет — Люси.

Молли снова ощутила, что кто-то сопротивляется остановке времени. Неведомая сила подступила совсем близко. Девочка выпустила из себя холодное чувство слияния, и вертолет, зависший в воздухе за окном, продолжил свой путь.

Значит, врагом была Люси Логан. Доброжелательная тихая библиотечарша, которую, как они все полагали, загипнотизировал Клетс. На самом деле она с самого начала была его повелительницей. И если Синклер не ошибался, то именно Люси Логан двигалась сквозь застывший мир, выискивая своего самого покорного слугу, и с каждой минутой приближалась к ним. Молли оцепенела. Люси — враг? Это никак не укладывалось в голове. Девочка не помнила себя от боли. Она привыкла считать Люси своим другом...

Все собравшиеся были в полной растерянности. Никто не знал что делать. Забрать Праймо и спастись бегством, пока Люси не ворвалась в дом? Но куда спрятаться? Нельзя допустить, чтобы кто-нибудь заметил избранного президента в загипнотизированном виде. Молли чуть ли не физически почувствовала за спиной вой полицейских сирен.

Но может быть, фальшивая библиотечарша вовсе не направляется к Голливудским холмам. Может, она и не догадывается, что Праймо Клетса разоблачили. Ясно было одно: для спасения нужно как можно больше вывести у Клетса.

— Откуда ты знаешь Люси Логан? — спросил Синклер.

— Мы — вместе — учились — в университете.

У Молли в голове пестрой чередой пролетали мысли, одна другой фантастичнее. Неужели это Люси изобрела убийственную сороку? Неужели Люси нарочно спланировала все так, чтобы Молли и Рокки погибли под ее клювом? Не может быть. Ведь Люси хотела помешать планам Праймо Клетса!

— Откуда родом Люси Логан? — спросила Молли в безумной

надежде, что, может быть, на свете есть и другая женщина с таким именем.

— Люси — из — Брайерсвилля.

У Молли почва уходила из-под ног. Она ничего не понимала.

— Но почему Люси послала меня уничтожить Клетса, если сама стояла за всеми его поступками? — спросила она у Рокки и Синклера. — Она устроила так, чтобы я нашла книгу по гипнотизму и научилась гипнотизировать. Зачем она это сделала, если с самого начала хотела от меня избавиться? — Молли обернулась к Клетсу. — Вы знаете, почему Люси послала меня к вам?

Загипнотизированный Клетс ненадолго задумался, потом начал размышлять вслух.

— Может быть — из-за подозрительного — случая — с Дивиной — Наттель. Понимаете — я не мог — загипнотизировать — Дивину. А это — необычно. Впервые — в жизни — я - потерпел — поражение. Может быть — тогда — Люси — перестала — полагаться — на меня. Может быть — встревожилась — что ее гипноз — выветривается из меня.

— А он и правда выветривается?

— Нет.

— Тогда почему вы не могли загипнотизировать Дивину? — спросила Молли.

— Должно быть — это — связано — с ее — возрастом. Она напомнила мне — о чем-то — давно забытом. Мне казалось — я люблю ее — почти — как дочь. Она — вытеснила — всю мою — силу. Я не мог — загипнотизировать — ее — а когда — она — узнала — про меня — не мог — допустить — чтобы она — рассказывала — обо мне — другим. Поэтому — пришлось ее — похитить. Я сделал это — без приказа — Люси Лоты. Может быть — Люси — послала тебя — проверить — не делал ли — я - чего-нибудь еще — без ее — приказа.

— Когда вы в последний раз видели Люси Логан?

— Одиннадцать — с половиной — лет — назад.

Молли удивленно ахнула. Одиннадцать с половиной лет назад — ведь тогда ее еще даже на свете не было!

— Вы хотите сказать, она ни разу не приезжала к вам в Америку? Все это время жила в Брайерсвилле?

— Она — никогда — не приезжала — ко мне. Путешествовала — по другим странам.

— Как же она вами управляла?

— Мы — разговаривали — каждую — неделю.

— И когда вы разговаривали с ней в последний раз?

— В июне. Перед тем — как я — объявил — что хочу — избираться — в президенты.

— Но с тех пор прошло пять месяцев, — подсчитал Рокки. — Почему же она одиннадцать лет разговаривала с вами каждую неделю, а в июне вдруг перестала?

— Вы можете ответить на этот вопрос? — обратилась к Клетсу Молли. Праймо пожал плечами.

— Может быть — к июню — Логан — почувствовала — что — все готово — к избирательной — кампании. И оставила — частные — вопросы — на мое — усмотрение.

— И что же Люси планировала сделать, когда вы станете президентом? — спросила Молли.

— Она — хотела — стать — первой леди.

— Первой леди? Что это такое?

— Так называют супругу президента, — пояснил Синклер, изумленно присвистнув.

— Моей женой, — уныло подтвердил Праймо. — Она планировала — вскоре — со мной — встретиться. Мы должны были — встретиться — на благотворительном — празднике — «Большая книжная распродажа» — и там — влюбиться. Она считала — что имидж — президента-романтика — повысит — мою — популярность — среди американцев.

Новость была настолько сногсшибательной, что Молли, Рокки и Синклер не сразу сумели осмыслить ее. С минуту они сидели, как громом пораженные. «До каких же пределов может простираться человеческая лживость?!» — подумала Молли.

— Ну и женщина! — не без восхищения воскликнул Синклер. — Все эти годы она держала Клетса под колпаком, чтобы он делал за нее всю грязную работу. Убирал с пути конкурентов-гипнотизеров, которые могут помешать ее амбициям...

— Не успела убрать только вас и Салли, — вставил Рокки.

— Да, — размышлял Синклер. — Наверно, она хотела, чтобы рядом с Клетсом были обученные гипнотизеры, преданные ему — и ей. — Лицо его омрачилось, и он умолк.

«Бедный Синклер, — подумала Молли. — До чего же ужасно сознавать, что вся твоя жизнь подчинялась честолюбивым планам одной-единственной женщины».

— И кроме того, — подхватил Рокки, — она хотела, чтобы Праймо разбогател и все его деньги достались ей.

— Чтобы он разбогател и сумел потратить на избирательную

кампанию десятки миллионов долларов — намного больше, чем другие кандидаты. И непременно победил, — добавил Синклер.

— И все потому, — сказала Молли, — что ей хотелось стать женой президента. Она наверняка рассчитала, что к тому моменту, как Праймо станет президентом, он будет настолько богат и могуществен, что она сумеет без опаски выйти на сцену. В качестве первой леди она будет сопровождать его повсюду. Будет рядом с ним, станет нашептывать ему на ухо, как змея. Не Праймо хотел власти над всем миром, а она! — Молли встряхнула головой, будто хотела хорошенько утрамбовать все сногшибательные новости, в одночасье свалившиеся на нее. — И все это время, — проговорила она, до сих пор не веря в происходящее до конца, — Люси Логан использовала меня в своих целях, а потом решила убить. И еще, — Молли сморщилась от отвращения, — когда я пришла к ней в гости, она не сказала мне ни единого слова правды. Только врала. Автомобильная авария, нога в гипсе, обожженное лицо — все это было выдуманно, чтобы уговорить меня помочь.

Молли вспомнила тот удивительный воскресный день. Перед глазами встали комнаты, полные часов, запертый зал с карликовыми деревцами на столе и чудовищные шелковые туфельки в стеклянной витрине — туфельки, которые надевали китайским девочкам с забинтованными ногами. И все это принадлежало Логан. Она сковывала разум людей. Еще Молли вспомнились тщательно подстриженные живые изгороди. Теперь Люси представлялась ей не как добрая леди, ухаживающая за садом, — Молли видела в ней обезумевшую властительницу дум, которая кромсает кусты ножницами, чтобы и они повиновались ей, а не велениям природы. У Молли в голове всплыла большая птица на кусте. Что это — сорока? Может быть, она олицетворяла Праймо Клетса? А другие кустарниковые звери — лемур, которого Молли сначала приняла за собаку, заяц? Неужели каждый из них обозначал человека, находящегося во власти Люси? Вдруг девочку поразила страшная мысль. Что, если она тоже находится в подчинении у Люси Логан? И зеленый лемур на кусте — это она сама?

— Как вы думаете, меня-то Люси не загипнотизировала? — спросила она у Рокки и Синклера.

— Нет, не волнуйся, — успокоил ее Синклер. — Если бы загипнотизировала, я бы обнаружил это в Дюн-Бич. Но, к счастью, ты цела. И это удивительно.

— И правда, удивительно, — согласилась Молли. — Интересно, почему она меня не тронула?

— Считай, что тебе повезло. Хотя... — внезапно Синклер осознал, как

мало у них времени. — Подумаем об этом позже, Молли. А сейчас нужно поскорее распрограммировать Клетса.

Эта процедура заняла немало времени — ведь прежде всего надо было узнать, не заложено ли в Клетса других тайных инструкций, запечатанных иными паролями. Нет, инструкций не было. Все было закреплено одной-единственной фразой: «Очень пунктуально». Странно было думать, что многие годы Клетсом управлял другой человек. Молли жалела гипнотизера, ей хотелось узнать, каким образом он попался в сети к Люси Логан.

— Но почему Люси выбрала именно вас? — спросила она.

— Потому что — когда-то — она — любила меня, — ответил Праймо. — В университете — она — научила меня — всему — что я знаю — о гипнотизме. Дала — мне — кристалл. У нее — были — большие планы. Она хотела — остановить — войны и — избавить — людей — от страданий. Хотела — принести — планете — мир. Мы были счастливы.

— Что случилось дальше? Когда она начала терять рассудок?

— После того, как у нас родился ребенок, — ответил Праймо.

— У Люси Логан есть ребенок? — изумленно спросила Молли. Она никак не могла представить себе жестокую убийцу Логан в роли матери. В ее доме Молли не заметила ничего, что говорило бы о ребенке. Ни игрушек, ни фотографий.

— Бедный малыш. Ну и мать ему досталась, — вздохнул Рокки.

— Где сейчас ее ребенок? Вырос и ушел из дома?

— Наш ребенок — никогда — не жил — дома у Люси, — ответил Праймо. — Люси — отдала — дочь — в сиротский приют. Я — никогда — не видел — свое дитя. Так — подстроила — Люси.

— Ну и ужас! — пробормотала Молли. — А в какой приют она ее отдала? Куда-нибудь в другой город? — Молли перебирала в уме всех детей, кто вырос в Брайерсвилльском приюте. Если девочке тринадцать лет, то это может быть Синтия. Но у Синтии есть брат-близнец.

— В Хардвикский приют, — ответил Праймо Клетс

— У нее родились близнецы? — уточнила Молли.

— Нет. У Люси — был — только один — ребенок. Дочка.

Молли задумалась. Наверняка это не Гизела, Та прибыла в приют шести лет от роду. Вдруг сердце у Молли болезненно заколотилось, на нее нахлынуло странное ощущение — будто она спит и видит страшный сон.

— Сейчас — девочке — было бы — одиннадцать — с половиной — лет, — размеренно продолжал Праймо Клетс

В Молли посыпался град воображаемых, но очень острых стрел. Она

пыталась уклониться от них, однако никак не могла уйти с линии огня. До нее дошла чудовищная правда,

— Его... ее... принесли... в приют... в ко... в ко... — Она никак не могла выговорить нужные слова. Потом набрала полную грудь воздуха и попыталась снова: — В коробке из-под зефира?

— Может быть, — легко согласился Праймо. — Люси — очень — любила — зефир — особенно — когда — была — беременна. Ела — целыми — коробками.

— Зе... зефир в шоколаде? Фабрики Муна? — Молли отказывалась верить своим ушам.

— Да. Это — ее любимый сорт, — подтвердил Клетс без всякого выражения. Нет. Не может быть. — Молли отвела глаза.

У нее в голове отчаянно спорили два голоса.

«Не будь душой, — сердито рокотал один. — Это неправда. Почему ты должна верить этому человеку? Он лжет».

«Не будь идиоткой, — вопил другой. — Какие еще тебе нужны доказательства? Он сказал тебе чистую правду».

Молли сжала голову руками, чтобы усмирить перекатывавшийся в ней шум. Рокки положил подруге ладонь на плечо.

— Вот ты и нашла родителей, — тихо произнес он. Молли стиснула его руку.

— Но... но кто они! — в ужасе проговорила она. — Я в это не верю. Не хочу верить.

Девочке казалось, что жизнь чудовищно обманула ее. Получалось, будто она много лет мечтала о каком-то чудесном подарке, а когда наконец его, то он оказался грудой мусора. Этот подарок Молли совершенно не нравился. Но и вернуть его было нельзя. Он дается один раз в жизни и навсегда: хочешь не хочешь — а носи его на плечах до конца своих дней.

— Рокки, ты только посмотри, кто они... Мне совсем не хотелось находить родителей здесь., сейчас., вот так. Не нужны мне такие родители!

— Молли, ты всегда их искала, — напомнил Рокки. — Мы оба искали. Тебе повезло. Теперь ты знаешь, кто они.

— Но мой отец — убийца! — вскричала Молли. — Он мне не нужен!

Праймо незрячими глазами смотрел в пространство. Синклер встал и вышел на кухню. Разыгравшаяся у него на глазах драма привела его в смущение.

— Не хочу говорить Клетсу, что я его д-дочь, — пробормотала Молли, содрогнувшись от ужаса, и схватила Рокки за рукав. — А еще сильнее не

хочу встречаться с ней. — При мысли о Люси Логан девочка впала в отчаяние.

— Тебе и не обязательно говорить ему, кто ты такая, — сказал Рокки. — Если ты сейчас выведешь его из транса, он никогда ничего не узнает. Но подумай, Молли, может быть, он всю жизнь печалился из-за того, что не виделся с тобой. Не забудь, ему только под гипнозом внушили не думать о дочери. — Помолчав, мальчик добавил: — Помнишь, что он говорил о Дивине? Сказал, что она каким-то образом пробудила его чувства, хотя ему запрещено что-то чувствовать. Сказал, что в ней есть нечто такое — возможно, ее возраст — что оживляет в нем воспоминания о чем-то давно забытом. Он говорил: «Мне казалось, я люблю ее почти как дочь». Помнишь? Хоть Люси Логан и заставила Праймо забыть о дочери, Дивина все-таки напомнила ему тебя. Видишь, Молли? Он о тебе никогда до конца не забывал.

Молли кивнула, но от расстройства не могла произнести ни слова. Она подхватила Петульку и вышла из комнаты, чтобы подумать.

* * *

Рокки и Синклер трудились еще полчаса, уничтожая заложенную в Клетса программу. Они сказали ему, что теперь для него открылся доступ к чувствам, что он полностью свободен от влияния Люси Логан. Рокки оставил Клетсу все его познания по части гипнотизма. Потом они отвели его в спальню Синклера и уложили спать.

Синклер долго смотрел на безвольное тело Праймо, лежащее на круглой кровати.

— Из-за всего пережитого он устал как собака, — сказал юноша. — Наверно, проспит целую вечность. Пусть спит как можно дольше, чтобы, когда проснется, его разум полностью впитал наше распрограммирование. И не забудь, Рокки: для всей страны он до сих пор является избранным президентом. Надо прятать его здесь, потому что если Люси Логан доберется до него раньше, чем он публично откажется от президентства, у нее все еще будет возможность осуществить свои планы. Для надежности мы запрем его в моей комнате. Когда он снова придет в сознание и его голова прояснится, мы доставим его в студию «Айсберг», и оттуда он объявит по телевидению, что больше не желает становиться президентом. После этого с Люси Логан будет покончено.

С этими словами Синклер закрыл дверь в спальню, где лежал Клетс, и

повернул ключ в замке. Рокки пожалел бывшего гипнотизера. Когда он придет в себя, ему нелегко будет примириться с мыслью, что

Люси Логан украла у него одиннадцать лет жизни использовала его в своих целях как марионетку

* * *

Молли с трудом отходила после череды обрушившихся на нее потрясений. Хватило бы и того, что Люси обманывала ее и управляла Праймо Клетсом. Но мысль о том, что Люси — ее мать, что Люси хотела ее убить и что ее отец — Праймо Клетс, пронзила ее электрическим током такого напряжения, с каким у Молли не было сил совладать. И Рокки тут ничем не мог помочь. Девочке необходимо было побыть одной. Она поднялась на крышу особняка и села погреться на солнышке.

Глава тридцать восьмая

Молли несколько часов просидела с Петулькой на крыше Синклера дома, изо всех сил стараясь осмыслить чудовищные открытия.

Она велела себе дышать спокойно и глубоко, закрыла глаза и уплыла далеко-далеко, как учил ее Лес, а потом мысленно посмотрела на себя сверху вниз. В своем воображении она летала высоко над Лос-Анджелесом, и толстая красная линия соединяла ее с Праймо Клетсом. Другая красная черта вела к Люси Логан, где бы та сейчас ни была. Молли осознала, что эти линии всегда были с ней, просто раньше она их не замечала. Больше всего Молли ненавидела ту нить, которая привязывала ее к Логан. Но стереть эту линию было невозможно никакой силой. Молли, хотела она того или нет, была накрепко привязана к Люси Логан. Эта злобная, бессердечная женщина была ее матерью.

Чтобы успокоиться, Молли провела воображаемые золотистые линии ко всем, кого она хорошо знала и любила: к Рокки, миссис Тринкелбери, Джемме и Джерри, маленьким Руби и Джинксу. Она разослала во все стороны серебристые, бронзовые, зеленые, синие, фиолетовые линии. Они помогали перечеркнуть ту единственную, ужасную красную черту, которая привязывала ее к Люси.

Люси Логан. Даже ее имя было ненавистно для Молли.

Когда Логан узнает, что ее планы нарушены, то наверняка постарается вернуть дело на прежние рельсы. Снова сделать Клетса покорной марионеткой. Снова загипнотизировать его. Заставить повиноваться их всех. Страшно было подумать, насколько сильны ее гипнотические способности.

Молли мысленно устремилась ввысь, пока ее тело не превратилось в микроскопическую точку на поверхности Земли. Глядя оттуда, с небесной высоты, она попыталась представить, где сейчас находится Люси Логан. Закрыла глаза и сосредоточилась, но в то же время позволила разуму расслабиться. Затем она посмотрела по сторонам, взглянула на скрытые в дымке горы Сан-Габриэль, но не почувствовала там присутствия Логан. Потом посмотрела на юг, в сторону Санта-Моники, но интуиция подсказала, что Логан нет и там. Затем девочка направила мысленный взгляд прямо вниз, на Голливуд. И тут, словно у нее внутри был радар, она с уверенностью ощутила, что Логан здесь. Молли сфокусировала взгляд, будто настроила подзорную трубу, и нацелила его туда, где чувствовалось

присутствие гипнотизерши. Разум Молли прояснился и наполнился солнечным светом и картинами зеленых лесов, видимых с высоты птичьего полета. Потом перед мысленным взором очутилась голова Люси Логан. Молли перевела дыхание и позволила картине расшириться. Она видела, как Люси идет по тропе, обсаженной кустами герани и магнолиями.

И в тот же миг девочка поняла, что видит дорожку, ведущую к дому Синклера. Открыв глаза, она обнаружила, что видение было не воображаемым, а вполне реальным.

Зазвенел дверной колокольчик. Молли услышала, как Синклер отвечает по интеркому:

— Алло.

— Синклер, — донесся из-за входной двери низкий женский голос — Синклер, не могли бы вы спуститься ко мне? Я давняя подруга вашего отца и хотела бы поговорить с ним. Меня зовут Люси Логан.

Молли подскочила как ужаленная и зажала руками мордочку Петульки, чтобы та не залаяла.

— Простите, — услышала девочка ответ Синклера. — Но если вы хотите побеседовать с Праймо Клетсом, то следует договориться о встрече с его секретарем.

— Синклер, мне необходимо поговорить... — Интерком щелкнул и отключился. Снизу донесся раздраженный вздох. Люси осталась стоять на крыльце. Молли вытянула шею и услышала удаляющиеся по дорожке шаги. Решив, что теперь ее уже нельзя увидеть снизу, Молли торопливо протиснулась в дверь солярия, захлопнула ее за собой и вместе с Петулькой побежала по крутой лестнице вниз, в дом.

На нижней площадке лестницы она столкнулась с Рокки и Синклером и испуганно отшатнулась.

— Молли, у меня...

— Знаю. Плохие новости. Она здесь, я ее слышала.

— Она наверняка знает, что Праймо в доме, — в панике бормотал Синклер, расхаживая взад и вперед. Молли никогда не видела его таким напуганным. — Ты проследила, куда она пошла?

— Похоже, удалилась через сад, — ответила Молли.

— Спальня, где Праймо, заперта? — спросил Синклер.

— Вы сами ее заперли, — напомнил Рокки.

— Заднюю дверь я тоже запер. Ей сюда никак не проникнуть. А вы оба держитесь подальше от окон.

— Может быть, лучше разбудить Праймо и увезти его прямо сейчас? — предложила Молли.

— Слишком рискованно, — тотчас же отозвался Синклер. — Он все еще не пришел в себя. Мы только повредим распрограммированию. Да и неизвестно, кого мы можем повстречать по дороге. — Синклер стоял, потирая пальцы, будто разминал кусок невидимой замазки.

— Я думаю, вам следует заняться успокаивающими упражнениями из йоги, — посоветовал Рокки. — А то вы сорветесь. Хотите, позову Леса?

— О Лесе-то я совсем забыл! — воскликнул Синклер. — Что, если она войдет через его комнаты? Он часто оставляет дверь открытой. Надеюсь, с ним ничего не случилось.

— Он собирался после обеда пойти прогуляться, — сообщила Молли.

— Надеюсь, он не изменил своих планов, — прошептал Синклер.

Минуты медленно текли одна за другой. Все оставались на том же месте, у дверей в гостиную, и сражались со страхом, от которого по спинам бежали мурашки.

— Как вы думаете, с ней кто-нибудь есть? — спросила Молли, покусывая манжету. — Вдруг она привела с собой целый отряд, чтобы захватить нас?

Внезапно Молли и Синклер почувствовали, что от висящих на шее кристаллов по коже расползается холодок. Молли схватила Рокки, помогая сопротивляться, и в тот же миг время остановилось. Затих шум транспорта на шоссе в долине. Застыла в воздухе вода из фонтана, питающего кольцевой бассейн. Замерла Петулька. Повсюду стояла тишина

— Что она затевает?

— Чувство надвигается оттуда — Молли вошла в гостиную и указала в ту сторону, где дорога, взбегающая на холм, скрывалась за деревьями.

— Как вы думаете, она может остановить полицейскую машину и заставить полисменов арестовать нас?

— Я бы выглянул, — сказал Синклер, входя в гостиную вслед за Молли, — да боюсь, что меня расстреляют в упор.

— Мне кажется, нужно забирать Клетса и уматывать, — сказал Рокки. — Если она на другой стороне дома, мы сможем незаметно добраться до машины. Надеюсь.

— Пожалуй, рискнуть стоит, — согласился Синклер.

И в то же мгновение мир снова начал двигаться, так же неожиданно, как остановился.

— Не знаю, для чего ей была нужна остановка времени, но, видимо, она уже закончила свое дело, — сказала Молли. — Не уверена, что нам нужно уходить. Она ведь не знает, что Праймо здесь. И не знает, что мы с Рокки тоже здесь, — она думает, что нас нет в живых. Если мы уйдем, то

рисуем по дороге столкнуться нос к носу с ней или с загипнотизированными ею копами. Она отберет у нас Праймо Клетса, и кто знает, что она сделает с нами? Будет лучше, если мы дождемся, пока враг подойдет к двери. На нашей стороне — преимущество неожиданности. Я попробую загипнотизировать ее взглядом.

Они уселись в самом дальнем конце комнаты на неудобных проволочных стульях в форме звезды, которые на самом деле были декоративными, не предназначенными для того, чтобы на них сидеть. Все ожидали, что с минуты на минуту задребезжит дверной звонок. Рокки уцепился за дыру на джинсах и вскоре расковырял ее до гигантских размеров. Синклер перелистывал записную книжку в мобильнике, как будто разглядывание номеров могло подсказать ему, что делать. Молли уставилась на узкий водяной желоб, который тянулся вдоль боковой стены огромной комнаты к фонтану и там снова наполнялся. В фонтане неумолчно плескалась вода, но этот звук не помогал снять напряжение. Вдруг навстречу спокойному течению в желобе побежала рябь, вода начала выплескиваться через края кольцевого бассейна. Взгляд Молли пробежал вдоль желоба туда, где он изгибался к окну, и тут девочка с тошнотворным страхом заметила, что они упустили из виду еще один вход в дом. Молли охватил ужас: она поняла, откуда бежит рябь. В бассейне кто-то плывет. И тут, будто утка-мишень в тире, из воды прямо напротив них вынырнула голова Люси Логан.

Глава тридцать девятая

Голова начала медленно подниматься, и из воды, будто смертоносное чудовище, возникла Люси Логан. С ее одежды потоками лилась вода, в зубах она сжимала серебристый пистолет. На женщине больше не было ни повязок, ни гипса, в которых она щеголяла в Брайерсвилле. Петулька разразилась оглушительным лаем.

Люси окинула Синклера, Молли и Рокки холодным, убийственным взглядом. Она совсем не походила на брайерсвилльскую библиотекарку, которую знала Молли. На ней были все те же твидовая юбка и строгий кардиган, хотя сейчас они промокли до нитки, а светлые волосы были уложены все в тот же пучок на макушке, но вид у нее был совсем не такой, как раньше. Из глаз исчезла вся бывшая доброта, а нос изогнулся хищным крючком.

— Не смотрите ей в глаза, — прошептал Синклер. Но в напоминании никто не нуждался. Молли уже устремила взгляд на пистолет в руке Люси. — И не слушайте ее.

— Но у нее пистолет, — сказала Молли, как будто этого никто не заметил.

— И он заряжен, — предупредила Люси таким спокойным тоном, будто приглашала их на экскурсию по дому. Она нацелилась в Петульку. — Пусть собачонка прекратит лаять, а то я ее пристрелю. — Молли схватила Петульку и зажала ей пасть, инстинктивно отступая в глубину комнаты, подальше от Люси. Синклер и Рокки отодвинулись вслед за ней.

— Где он? — рявкнула Люси, поднимая пистолет. — Лучше отдайте его по-хорошему, а не то я вас застрелю и все равно доберусь до него.

— Ты в любом случае нас убьешь, — возразил Синклер.

Молли сглотнула. Страшно было подумать о том, что в ее тело со скоростью света вонзится твердая стальная пуля. Но еще мучительнее страха была мысль, что безумная женщина, стоявшая перед ними, была ее матерью. Логан подняла пистолет.

— Если выстрелите, то никогда не узнаете, где Клетс, — солгала Молли. — Мы распрограммировали его и спрятали в надежном месте, там, где вы его ни за что не найдете.

Люси Логан опустила револьвер, метнула взгляд в сторону кухни и другой двери, ведущей из комнаты. Двери в спальню Синклера. Люси шагнула к ней, продолжая целиться во всю компанию. Подергала ручку —

та не поддавалась. Громко, но ласково, как будто приглашая к завтраку, окликнула:

— Праймо!

— Кто там? — послышался сонный голос Праймо Клетса Логан хитро улыбнулась.

— Без сомнения, у одного из вас есть ключ, — вежливо сказала она. Молли впилась в нее взглядом. Удивительно — сейчас, сквозь пелену ненависти, Люси казалась ей намного уродливее, чем раньше.

— Он запрограммирован, — сообщила Молли. — Он никогда больше не будет вам подчиняться.

— Ты недооцениваешь мое влияние, — холодно промолвила Люси. — Так же, как я недооценивала твоё везение.

— Вы считали, что сорока давным-давно убила и меня, и Рокки? — спросила Молли.

— Да, я считала тебя мертвой. Следовало быть осторожнее, вложить в тебя кое-какие гипнотические инструкции на случай, если ты выживешь.

— Вам ни за что не удалось бы загипнотизировать меня в тот день, у вас дома, — с вызовом заявила Молли. — Я была настороже.

— О, поверь, я смогла бы, если бы захотела, — ответила Люси. — Зря я расслабилась. Будь ты по-прежнему у меня под каблуком, сейчас было бы куда легче. Но у такой штучки, как ты, не было никаких шансов уцелеть в лапах у Клетса. А если и были, то микроскопические. — Петулька зарычала.

— Это по-вашему не было, у вас, наверно, микроскоп сломался, — сказала Молли. Логан пропустила ее слова мимо ушей и прицелилась в Синклера.

— Сдается мне, ты приложил руку к ее спасению. Я помню, Синклер, твои фотографии, когда ты был маленьким цирковым оборванцем. Мы с Праймо в тебе ошиблись. Мне казалось, у тебя большие возможности. Думала, тебе можно доверять. А ты, — она перевела взгляд на Рокки. — Возможно, ты более талантлив, чем я полагала — Колбочие синие глаза Люси с презрением оглядывали друзей.

— Надеюсь, вы понимаете, что мне придется убрать вас с дороги, либо загипнотизировав, либо застрелив. Какой способ вы предпочитаете? Мои глаза или пулю? Выбор за вами.

Никто не произнес ни слова. Терпение, видимо, не относилось к числу добродетелей Люси Логан, и, не получив ответа, она резко заявила:

— Честно говоря, вы мне до смерти надоели. Придется пристрелить вас всех. Прощайте. — Она прицелилась в Рокки.

Молли видела, как палец Люси нажимает на спусковой крючок. Только в этот миг она осознала, что все происходящее — не игра Люси Логан вот-вот убьет Рокки. Со скоростью, на которую она сама не считала себя способной, Молли втянула прямо из воздуха холодное чувство слияния и мгновенно остановила мир. В этот кратчайший отрезок времени ей в уши ударил гром выстрела.

Весь мир застыл. Кроме Логан, Молли, Петульки и Синклера. Пуля, словно крохотная ракета, замерла в воздухе в трех дюймах от горла Рокки. Логан улыбнулась и прицелилась в Молли.

— Хорошо справляешься, — похвалила она — Попробуй-ка еще раз.

Молли пришла в замешательство. Она и так держала мир в неподвижности. Можно ли заморозить его еще раз, поверх первой остановки? Мир, в котором повисла замершая пуля, оставался недвижим. Молли следила за рукой Люси, стараясь уловить миг, когда она снова начнет нажимать на спусковой крючок. Синклер спрятался за стулом.

Молли заметила, как сухожилие на крепком запястье Логан чуть-чуть дернулось, и снова остановила время. Момент был рассчитан идеально. На этот раз пуля повисла в воздухе на полпути между нею и Люси. Эта пуля была устремлена в грудь Молли.

— Гм, — прокомментировала Люси. — Я должна была пробить тебе сердце.

Молли сражалась с леденящим страхом. Надо сохранять спокойствие, иначе конец. До сих пор она не догадывалась, что в застывшем мире можно останавливать время снова и снова. Она поглядела на Синклера, ожидая его реакции, но он, подобно Рокки, стал неподвижен, как статуя. Молли торопливо опустила Петульку за диван, и та тоже оцепенела,

Молли не знала, сколько раз можно останавливать мир. Но гадать оставалось недолго, потому что Люси опять собралась ее прикончить. И Молли вновь остановила время. С мгновение убийца и ее жертва не обращали друг на друга внимания — обе боролись с остановившимся временем.

Логан быстро приспособилась к застывшему миру и прорычала:

— Ну погоди, Молли, я до тебя доберусь. — И снова выстрелила

Четвертая пуля. Пятая. Ужас охватывал Молли снова и снова: она видела, как Логан целится ей в голову, в сердце, в живот. Остановив мир в восьмой раз, Молли содрогнулась. Она чуть не опоздала. Пуля повисла в воздухе в дюйме от ее лба. Девочка кинулась за диван.

— У вас осталось совсем мало зарядов, — крикнула она сквозь ледяной туман, который начал сгущаться над водой и заполнять комнату.

— Ты слишком много смотришь кино, — ответила Логан. — Я только что перезарядилась.

Молли выглянула из-за диванной спинки. Логан заметила ее, и прогремел еще один выстрел. Но девочка снова остановила время, и звук мгновенно оборвался. Молли задрожала. Логан тоже. В комнате стало очень, очень холодно.

— Вы трусиха, — проговорила Молли, задыхаясь. — Это нечестно. Я ведь не вооружена.

— Я не трусиха, — возразила Логан. — Просто хочу воспользоваться преимуществом, вот и все. В конечном счете, Молли, я не могу проиграть.

Логан нахмурилась. Ей надоело играть с девчонкой в кошки-мышки. Пора заканчивать. Эти остановки времени стали очень утомительны. Но еще тяжелее было сознавать, что она не ожидала от Молли такой прыти. Чтобы останавливать мир снова и снова, требовалась необычайная сосредоточенность разума. Логан никогда не подозревала, что ребенок способен на такое. Но знала она и другое: складывать лист бумаги можно лишь до определенного предела — то же самое и с остановками времени. Лже-библиотекариша понимала, что в конце концов Молли больше не сумеет уворачиваться от пуль. Поэтому, хоть силы у Логан и были на исходе, она знала, что обязательно победит. И подняла пистолет.

Молли совсем заковенела. Каждый раз, когда она выпускала из себя холодное чувство, ей казалось, что остановившийся мир высасывает частичку ее тепла. В воздухе висела густая пелена морозного тумана, Люси Логан в нем была почти неразличима, и Молли с трудом улавливала момент, когда палец женщины нажимает на курок. Она не столько видела, сколько чувствовала, когда Логан собирается выстрелить.

Перед глазами Люси Логан тоже стоял туман. В ушах звенело. Казалось, она летит в холодном самолете на огромной высоте. Она раз за разом стреляла в Молли, но, сделав шаг, обнаруживала, что ее мишенью было пальто или стул, а вовсе не девочка. Тут слева от нее шевельнулась расплывчатая фигура.

Мир снова застыл — на этот раз за мгновение до того, как Люси Логан выстрелила. Она попыталась сопротивляться очередному маневру времени, но ноги онемели от холода. Чтобы устоять, Люси схватилась за спинку дивана. Они, наверно, приближаются к тому моменту, когда складка во времени станет невозможной. Если уж она слабеет, то девчонка, должно быть, близка к обмороку. Преимущество было на стороне Люси. Она годами тренировала свой разум. Она выиграет это состязание, непременно выиграет. Под мокрым кардиганом она нащупала кристалл — он был

холоден как лед. Собрав все силы, она заговорила.

— Ну, Молли, сиротка Молли, что ты сделаешь я скажу, что знаю, кто твои мама и папа?

Из-за кресла у окна послышался голос Молли:

— Скажу, что ваша новость устарела. Вы опоздали, Логан. Я знаю... знаю, что моя мать — вы, а отец — Клетс, и не волнуйтесь, я от вас отказываюсь.

Молли изо всех сил сражалась за жизнь. По ночник превратился в ледяной столб. Казалось, он вот-вот сломается. Холод кристалла на шее обжигал кожу, замораживал душу. Молли думала только об одном: о том, как она ненавидит Люси Логан. Ей не верилось, что человек может настолько обезуметь, стать таким злым. Но тяжелее всего было сознавать, что сама Молли — плоть от плоти этого злобного существа, размахивающего пистолетом. Всю жизнь Молли хотела найти свою мать. В мечтах та виделась ей женщиной доброй, умной, симпатичной. А наяву ей досталась убийца с манией величия. Молли ненавидела ее еще и за то, что эта женщина разрушила ее мечту. Она не позволит этой маньячке отнять у нее еще и жизнь. Но как же холодно... как холодно... и как она устала...

Молли закрыла глаза. Сквозь сомкнутые веки она увидела себя в комнате вместе с Люси. Потом представила, что взлетает в космос как ракета, оставив свое тело внизу. Такие грезы были для нее привычными. В долю секунды Молли воспарила ввысь.

На этот раз в космосе все было по-иному. Внизу расстился неподвижный мир. Вокруг замерли на своих орбитах планеты Солнечной системы, звезды в далеких уголках вселенной замедлили ход.

Молли почувствовала, что пространство вокруг нее тянется в даль, в самую глубину вечности. И в этой застывшей бесконечности парит она сама, крохотная, как мельчайшая пылинки, мельче самого ничтожного атома. Молли почувствовала себя очень маленькой, сжалась практически в ничто. И нашла внутри себя нану мельчайшее.

Но все-таки...

Ощущения Молли внезапно изменились. Из крохотной пылинки она вдруг стала большой-пребольшой громадиной. Из-за нее остановилась вся вселенная. Из-за нее застыли в неподвижности земные стихии — земля, ветер, огонь и вода. Молли стала очень маленькой, потом опять огромной, опять маленькой, как нану, и снова неизмеримо большой. Она была на равных со всей вселенной, и душу ее наполнило неисчерпаемое чувство любви ко всему на свете.

Она ощущала, что в целом свете движется только один человек —

Люси Логан. Весь мир превратился в один огромный Северный полюс. Девочка поняла: на самом деле лед не кажется холодным. Если впитать в себя самую сущность льда, то, может быть, ей больше не будет холодно. Она расслабила разум, расслабила тело и мысленно превратила его в лед. И внезапно ей и вправду стало не холодно. Кристалл на шее потеплел. Молли поняла, что сумеет еще раз остановить время.

Не открывая глаз, Молли остановила время еще раз. Это было не труднее, чем задуть свечу. Теперь с каждым вздохом она призывала время к неподвижности. В девятнадцатый раз, выдох, вдох. В двадцатый раз, выдох, вдох... В двадцать первый раз...

И вдруг сопротивление исчезло. Молли осталась единственным движущимся существом во вселенной. Вся жизнь застыла. Девочке было так одиноко, как будто она умерла, хотя на самом деле она была жива. На миг она задумалась, а действительно ли она одна в этом мире. Неужели она — единственное мыслящее существо в бескрайности пространства и времени? Она чувствовала, что, хоть весь мир и застыл, но все же за ней наблюдает самая сущность жизни, невидимые силы внутри и снаружи нее. И снова девочка показалась себе жалкой букашкой под громадным, таинственным оком микроскопа. Ей стало хорошо. А таинственная сила, казалось, благодарила ее.

Молли открыла глаза. Туман и холод рассеялись, комната снова наполнилась теплом и красками. Воздух был прозрачен и тих. А Люси Логан застыла в неподвижности с лицом, искаженным от ненависти и боли.

Молли обошла комнату и тщательно собрала все зависшие в воздухе пули. Потом выкинула их в окно. Взяла пистолет из руки Люси Логан и обыскала ее сверху донизу, проверяя, нет ли у нее другого оружия.

Убедившись, что враг обезврежен, Молли разожгла в глазах самую мощную гипнотическую силу. Встала так, чтобы глаза Люси Логан были устремлены прямо на нее. Потом, коснувшись плеча оцепеневшей дамы, вернула ее к жизни.

Если у Люси Логан и оставалась хоть капля энергии для борьбы, Молли высосала ее в один миг. Люси не успела насторожиться, не успела даже понять, что пребывала в неподвижности и снова ожила. Глаза Молли мгновенно взяли ее в плен.

Молли загипнотизировала противницу.

Глава сороковая

— Теперь вы полностью в моей власти, — сказала ей Молли. — Понятно?

Люси Логан кивнула, и Молли взгляделась в ее лицо, стараясь уловить хоть малейшее сходство между собой и этим ужасным существом. Челюсть у Люси была тяжелее, а лицо — костлявее, чем запомнила Молли. И тело стало жилистым. Молли надеялась, что сама она с возрастом не станет такой же.

— С этой минуты, — заявила девочка, — вы смиритесь с тем, что все ваши планы, выношенные до нашей встречи, никогда не осуществляются. У вас и так есть все необходимое. Вы разучитесь гипнотизировать. Вы позабудете, как останавливать время. Выйдя из транса, вы станете вести себя смирно, как... — Молли попыталась вспомнить самое добронравное на свете существо. — Смирно, как овечка. — Девочка замолчала. Ей не хотелось делать следующий шаг, но, когда имеешь дело с таким опасным человеком, без этого не обойтись. — Эти инструкции будут запечатлены в вас навеки и зафиксированы словами, которых вы не запомните. Этими словами будут... — Молли покосилась на кофейный столик — «Зефир в шоколаде». — Потом добавила: — Когда я хлопну в ладоши, вы очнетесь.

Молли отпустила плечо Люси, и в тот же миг библиотекарьша снова застыла. Девочка сняла у нее с шеи кристалл. Потом встала неподвижно, опустив руки вдоль туловища, и расслабилась. Она позволила холодному чувству слияния вылиться из тела и ощутила, как оно утекает из кончиков пальцев. Один за другим оттаивали слои замороженного времени. Наконец рассеялись промежутки, в складках которых завязли Рокки, Синклер и Петулька, потом ожил и весь остальной мир. Пули, выброшенные девочкой, одна за другой с громким стуком падали на землю. Обессиленная Молли рухнула на диван.

Рокки и Синклер не сразу сообразили, что произошло.

— Все в порядке, — успокоила их Молли. — Она никого не застрелила. И больше не застрелит.

Логан доброжелательно улыбнулась и проблеяла:

— Бе-е, бе-е, бе-е-е-е.

Рокки подбросил в воздух подушку.

— Ур-ра! Молли, у тебя получилось! Молли откинула голову на спинку дивана.

— Да, получилось. Но до чего же я устала! Синклер взял со столика серебряный пистолет

Люси, осмотрел его, потом положил в шкаф и запер.

Рокки присел рядом с Молли и взял ее за руку.

— Спасибо, Молли, — сказал он. Из спальни постучался Праймо.

— Это Люси пришла? — спросил он. — Что там происходит?

— Теперь его уже можно выпустить, — разрешила Молли. Рокки открыл дверь.

— Люси Логан здесь? — спросил Праймо, выходя из спальни. — Где она? — Он бросил взгляд на Люси, затем продолжил осматривать комнату. — Где она?

Молли покосилась на женщину, которая столько лет держала Клетса под гипнозом. Видимо, он так давно не видел ее, что теперь даже не узнал.

— Вот она, — мотнула головой Молли. — Она сильно постарела.

— Не говори глупостей, — возразил Праймо Клетс — Это не Люси. Это «Это самозванка — Он подошел к библиотекарше и схватил ее за руку.

— Кто вы такая? Где настоящая Люси Логан? — сердито спросил он.

Дама овечьим голосом проблеяла:

— Она в Брайерсвилль-парке.

Молли оторопела. Она вгляделась в женщину, стоявшую перед ней, и вдруг поняла, что та не имеет ничего общего с Люси Логан. Женщина была очень похожа на нее, но черты лица казались намного грубее. Нос был крупнее. Телосложение — более костлявое. Молли давно обратила внимание, что эта Люси намного некрасивее той доброй библиотекарши, которую она помнила по Брайерсвиллю, но не особенно задумывалась нал этим. Теперь, разглядывая ее лицо и фигуру, она поняла, что это никакая не Люси. И тем более эта женщина ей не мать.

— Настоящей Люси ничего не грозит? — спросила Молли.

— Да, она заперта, до нее никто не доберется.

— А кто вы такая?

— Я... — нежным голосом проворковала странная дама, потом запнулась, будто ей было нелегко говорить, и заявила: — Я... Я Корнелиус Логан.

— К-корнелиус? Но это же мужское имя, — изумленно полепетала Молли.

— Верно. — Человек внезапно заговорил басом. — Конечно, это мужское, то есть баранье имя. Я баран.

Глава сорок первая

— Кто-кто? — переспросил Рокки, недоуменно подняв брови. — Вы шутите?

Корнелиус Логан покачал головой.

— Это правда Я баран, — заявил он и принялся скакать по комнате, как будто, сказав правду, испытал невероятное облегчение. — Бе-е-е, — проблеял он, пробегая мимо панорамного окна. Петулька зарычала.

— Мужчина? Но как?

— Просто я таким родился, — Корнелиус Логан, пробегая трусцой по дивану.

— Корнелиус Логан! — вскричал Праймо Клетс — Я уже много лет не слышал этого имени. — Он обернулся к остальным. — Это брат-близнец Люси Логан. Вот почему он так похож на нее — точнее, на ее карикатуру.

Все изумленно взирали на странного человека, который рыл землю воображаемым копытом. Вся его маскировка, которая обманывала их на протяжении двадцати минут — волосы в пучке, строгая библиотечарская юбка, кардиган, жемчуга, — разваливалась на глазах. Корнелиус встряхнул головой, и парик съехал набок. Он снова помчался галопом вдоль кольцевого бассейна, задрал мокрую юбку, и все увидели волосатые и жилистые, совсем не женские ноги. Потом он скинул кардиган, и под ним обнаружился джемпер с короткими рукавами, из которых торчали мускулистые руки.

В памяти у Молли снова всплыл тот мартовский вечер, когда она приходила в гости к Люси в Брайерсвилле. Значит, в тот день ее встретила вовсе не Люси Логан, а переодетый Корнелиус

И тут она поняла, как виртуозно он ее одурачил. Гипс на ноге и повязки отвлекли ее внимание. Корнелиус знал, что детей приучают не смотреть пристально на тех, с кем случилось несчастье. И, разумеется, Молли не хотела вглядываться в его «израненное» лицо. Вместо этого она сосредоточила взгляд на ярко накрашенном розовом ногте, торчащем из гипса, Молли лихорадочно соображала. Неужели не было никаких намеков на то, что это не Люси? И тут ей припомнилось, каким низким был голос Корнелиуса в телефонной трубке в тот вечер, когда она позвонила ему из отеля. Ясно: в тот раз она захватила его врасплох.

А обычно вы носите мужскую одежду? — спросила она.

— Конечно. Неужели мне нравится одеваться по-женски? — проблеял

Корнелиус. — Или говорить этим дурацким писклявым голосом? — Он расхохотался как безумный. — Бе-е-е-е! Бе-е-е! Мне пришлось занять место Люси, чтобы заставить Молли Мун прилететь сюда и взяться за дело Клетса. Было совершенно необходимо, чтобы она с ним разобралась. Он стал вести себя очень странно, не сумел загипнотизировать Дивину, да еще и пошел на похищение, мысль о котором я ему не внушал. А мне самому надо было держаться в тени, чтобы снова ослабить Люси. — Корнелиус поковырял землю копытом.

— Снова? О чем это вы?

— О настоящей Люси Логан, — Корнелиус, тихонько проблеяв. — О моей сестре Люси, которая много лет находилась в моей власти. Одиннадцать с половиной лет. Ровно столько же, сколько и Клетс. Мне подчинялись все — и она, и Клетс. Это было гениально! Чудесно! Я планировал выдать Люси за него замуж. Она стала бы женой президента. А я, Корнелиус, повелевал бы ими обоими. Бе-е-е-е-е!

При этих словах Праймо Клетс бессильно опустился в кресло. Его лицо стало оливково-зеленым.

— Мне плохо, — наконец простонал он и метнулся в ванную.

— Бедняга, — вздохнул Рокки.

— Ну и потрясение для него, — сказала Молли. Корнелиус, не обращая внимания на Клетса, продолжал:

— Все шло хорошо, пока Люси не встретила в библиотеке эту девчонку, Молли Мун.

Молли вспомнилась та, самая первая встреча

— Что случилось дальше? — требовательно спросила она.

— Случилось то, на что я не рассчитывал, — проблеял Корнелиус — Хотя я и загипнотизировал Люси, велел ей — забыть — про ребенка, хоть и наложил на нее постоянный гипноз, все-таки, когда она познакомилась со своей дочерью Молли Мун и поговорила с ней, гипноз — начал — постепенно — рассеиваться. Можете себе предста-а-а-авить?

У Молли к горлу подступил комок.

— И как только она вспомнила своего ребе-бе-бенка, — продолжал Корнелиус, — она вышла — у меня — из повиновения. Это было неразумно, потому что я все равно был сильнее. Она всегда — повиновалась — зову сердца Глупая женщина. Надо было думать головой.

— Что вы с ней сделали? — спросила Молли.

— Запер ее в комнате — в Брайерсвилль-парке. В начале января. И с тех пор — старался — ослабить ее, потом — загипнотизировать снова — и вернуть — мои планы — в прежнее русло. Думаете, мне хочется всю жизнь

ходить в женском платье? — Корнелиус с истерическим смехом сорвал с шеи жемчужное ожерелье. Нитка лопнула, жемчужины рассыпались по полу. — Напрасно я — допустил — чтобы эта — Молли Мун — нашла книгу — по гипнотизму.

— Почему же тогда вы разрешили ей найти эту книгу?

— Потому что мне не терпелось — посмотреть — каковы ее гипнотические способности. Много лет назад я отдал ее в сиротский приют — бе-е — чтобы у нее не было нормального детства. Чтобы ей — пришлось — тяжело. Одиннадцать лет я ждал — чтобы ее — бе-е — гипнотическая сила начала расти.

Потом я позволил ей найти книгу. Бе-е. как я был глуп. Она слишком — походила — на свою мать. Никакой пользы для меня. И, конечно, она была сильнее меня — у меня была сестра-близнец — поэтому моя сила — разделилась — надвое, но в Молли Мун она была целостной. Как я был слеп — когда отправил ее — разбираться с Клетсом. Не думал, что ее сила настолько возрастет — и так быстро. — Корнелиус принялся свирепо дергать полы кардигана.

— Надо бы дать ему во что-нибудь переодеться, — сказала Молли Синклеру. — Ему так не терпится вернуться в свое истинное обличье, что через минуту он останется голышом. — И впрямь, Корнелиус уже стащил с себя джемпер и остался в странном нижнем белье. Спереди торчали накладки, имитировавшие женскую грудь.

— Невероятно! — воскликнул Рокки. — Кого он рассчитывал обмануть своим маскарадом?

— Обманывал же, — пожал плечами Синклер и рассмеялся, на этот раз с облегчением. — Корнелиус, идите ко мне в спальню и переоденьтесь. В шкафу висит синий спортивный костюм, он вам подойдет.

Корнелиус немедленно отправился в комнату Синклера. Как только дверь за ним закрылась, Молли и Рокки покатались со смеху. Зрелище скачущего по комнате и на ходу срывающего с себя одежду Корнелиуса сначала огорошивало и пугало, но потом стало казаться таким смешным, что ребята не могли удержаться от хохота.

— Ничего смешного, — проворчал Синклер. Но Молли и Рокки его едва слышали, а когда Корнелиус вышел из спальни, облаченный в синий спортивный костюм, но все еще в парике и с макияжем, и принялся ощипывать листья с папоротника в горшке, они снова захихикали.

Наконец ребята взяли себя в руки.

— Уф, — пропыхтела Молли. — А ведь сначала я подумала, что этот тип — моя мама.

— Да, печальное известие, — посочувствовал Рокки. — Ну, теперь-то обнаружилось, что он всего-навсего твой дядюшка — И дети снова захихикали.

На самом деле в этом безудержном смехе ребята сбрасывали накопившуюся усталость. Они находились в страшном напряжении с того самого дня, как приехали в Лос-Анджелес. Как хорошо было наконец скинуть с плеч эту тяжкую ношу!

Нахохотавшись всласть, Молли пошла на кухню, сделала себе бутерброд с кетчупом и налила концентрированного гранатового сока. Рокки соорудил хрустящий сэндвич и взял банку «кьюта». Когда они вернулись, Синклер допрашивал Корнелиуса, и ребята, растянувшись на диване, прислушивались к словам правдивого рассказа, слетавшим с ярко накрашенных губ лже-библиотекарши.

Корнелиус Логан нырнул в кольцевой бассейн с дороги, которая проходит под акведуком. Он остановил мир, чтобы поместить грузовик прямо под бассейном и с него вскарабкаться через бортик. Разобравшись с мелкими деталями, Синклер перешел к более серьезным вопросам.

Настоящая Люси Логан жила в Брайерсвилле, в маленьком коттедже, и там, находясь под гипнозом, вела для Корнелиуса исследовательскую работу, а сам он поселился в Брайерсвилль-парке, громадном имении за городом. Именно там он разрабатывал свои планы. Много лет он закладывал основы своей власти, запускал щупальца в правящие органы многих стран, подчинял себе полицейское руководство, военачальников, редакторов газет, владельцев телеканалов.

Конечной целью его интриг была Америка. По замыслу Корнелиуса, Праймо Клетс, загипнотизированный президент, должен был жениться на тихой, непритязательной библиотекарше — загипнотизированной Люси Логан. Как только она в качестве первой леди переселится в Белый дом, он, Корнелиус, тоже переедет туда. И с той минуты Корнелиус станет путешествовать по всему миру в обществе своей сестры-близнеца и ее супруга, президента Клетса

— Наша троица стала бы — бе-е — неуязвимой. Я бы достиг вершин могущества. Другие страны — бе-е — подчинились бы нам, и в конце концов Аме-ме-мерику переиме-ме-меновали бы в Логанию.

Потом ребята узнали, что Корнелиус с раннего детства безумно завидовал своей сестре. Когда много лет назад Люси Логан ждала ребенка, Корнелиус так бесился из-за ее счастья, что загипнотизировал ее жениха Праймо Клетса. А когда Люси родила дочку, он воспользовался слабостью сестры и загипнотизировал, и ее тоже.

Потом он убрал с пути ребенка — положил его в коробку из-под зефира и оставил у ворот Хардвикского приюта для сирот. Вот так и началась эта история.

Закончив свой рассказ, Корнелиус устало закрыл глаза, и его голова свесилась на плечо.

— Мне никогда не удавалось ладить с людьми, бе-е-е. Вот почему мне и пришлось в голову сделать Клетса своим пре-е-бе-е-зидентом.

Его голос безумно надоел Молли. Она возненавидела этого жестокого безумца, который на свой лад перекроил всю ее жизнь.

— С этой минуты вы забудете все свое прошлое, — неожиданно сказала она. — И будете рады этому. Потом вы уснете и будете спать долго-долго. А когда проснетесь, не произнесете ни слова о своей гнусной жизни, пока я вам не велю. Не желаю ничего слышать.

Корнелиус Логан кивнул и, свернувшись калачиком на полу у камина, погрузился в глубокий сон. Молли закуталась в одеяло и сидела, глядя в огонь. Течение ее мыслей нарушалось только сонным бормотанием

Корнелиуса.

— Бе-е-е-е, — умоляюще блеял он. — Не-е-ет. Не на-а-адо, не ешьте меня!

Глава сорок вторая

Когда Молли проснулась, за окном сгустились сумерки. Она отлежала щеку, и теперь та покраснелась и пылала. Девочка открыла глаза и увидела, что Корнелиус Логан все еще дрыхнет на полу. Рокки и Праймо сидели за столиком и пили кофе из больших кружек. У них за спинами переливался мириадами огней Лос-Анджелес. Вид у Праймо был усталый. Он рассказывал. Рокки о том, что натворил под влиянием Корнелиуса. Молли накинула одеяло на плечи и села рядом с ними. На миг ей стало интересно, поведал ли Рокки Клетсу, что Молли — его дочь. Потом, решив, что Рокки никогда ее не выдаст, девочка успокоилась,

— А, проснулась, — с улыбкой приветствовал ее Праймо и указал на Корнелиуса. — Наверно, сказывается смена часовых поясов.

— Сказывается смена гипнотического состояния, — предположила Молли.

— Все-таки он силен в гипнозе как черт, правда? — сказал Рокки, и все рассмеялись.

— Как истинный черт, — подтвердил Праймо более серьезным тоном. — Нескоро я сумею привыкнуть к мысли о том, что одиннадцать лет жил, как радиоуправляемая игрушка. Не будь Корнелиуса с его оковами, я бы построил свою жизнь совсем по-другому.

Молли и Рокки не знали, как утешить его. Они оба хорошо помнили, какими обманутыми почувствовали себя, когда Синклер отобрал у них целое лето, решив за них, как его провести. А ведь Праймо, в отличие от них, вынуждали совершать очень плохие поступки...

— Постарайтесь думать о том хорошем, что случилось с вами, — предложила Молли. — Например, вы завели множество друзей. Теперь вы можете по-настоящему подружиться с ними.

— Молли, я их всех загипнотизировал. Когда я их освобожу, то уже не покажусь им таким же блистательным и остроумным, как раньше.

— Может, кому-нибудь и покажется.

— Может быть.-

— И послушайте, у вас осталась целая уйма процветающих предприятий, вы по-прежнему управляете ими. У вас остались телевизионные каналы. И вы можете сделать много добрых дел, чего Корнелиус никогда бы вам не позволил.

— Верно.

— И вы очень, очень богаты, — добавил Рокки. — У вас денег куры не клюют.

— Времени не купишь, — угрюмо возразил Праймо. — У меня украли одиннадцать лет жизни. Хуже того, любовь тоже нельзя купить. Меня никто не любит. Никто. У меня нет даже собаки или рыбешки аквариумной.

Молли пожалела Праймо, потому что его слова были правдой. Она не знала, как его подбодрить. Разумеется, девочка не собиралась ему говорить, что она — его давно утерянная дочь. Не нужны ей слезливые сцены.

— Послушайте, Праймо, — все-таки отважилась заговорить она. — Мне вас очень жалко, и знаете что? Вряд ли я вас пожалела бы, если бы хоть капельку не любила.

— Я тоже, — поддержал ее Рокки.

— Всякая любовь имеет свое начало, и, как видите, любовь людей к вам начинается с нас. Вы меня понимаете? Вы не одиноки. У вас есть мы.

Петулька успокоительно твякнула, как будто тоже немножечко любила Праймо.

— Спасибо вам, — вздохнул Клетс — Но я этого не заслуживаю. — Его лицо потемнело, он невольно содрогнулся. — Простите. Я продолжаю вспоминать свои поступки, и мне делается очень плохо... — Праймо закрыл глаза.

— Это потому, что вам много лет не позволяли испытывать никаких чувств, — сказала Молли. — Корнелиус отгородил вас от всяких эмоций. И теперь чувства выбираются из клеток, в которых они были заперты.

Праймо печально вздохнул.

— Да, это так, — кивнул он. — Я не могу поверить в то, что натворил.

Молли взглянула на своего отца. Еще несколько лет он останется чокнутым, поняла она. Эти годы уйдут на то, чтобы справиться с прошлым. Его нельзя бросать одного. Придется ей, Рокки и Синклеру посте быть рядом с ним. Тут она вспомнила о Лесе.

* * *

Молли отыскала Леса на первом этаже — он жевал проросшую люцерну и распаковывал недавно купленные целительные кристаллы.

— Привет, Молли, — обрадовался он. — Рад тебя видеть. Помоги мне повесить эту карту тела Видишь, здесь показаны точки, на которые надо воздействовать для укрепления здоровья.

Оказалось, что Лес знает все о Праймо Клетсе и гипнотизме. Именно он и посоветовал Синклеру начать борьбу против отца. Когда Лесу рассказали, что Корнелиус похитил у Клетса одиннадцать лет жизни, он выпучил глаза и хмыкнул.

— Ух ты! Бывают же люди бестолковые, как петух без головы. — А когда Молли попросила его помочь исцелить Клетса, он ответил: — Конечно, Молли, с космическим удовольствием,

— Разумеется, вам будет нелегко, — предупредила девочка — Он убил немало людей.

— Убивать людей нехорошо, — согласился Лес. — Но не забудь — когда Клетс это делал, он не владел собой. Я справлюсь с этим, Молли. Не волнуйся. Не забудь — я жил среди людоедов.

Молли обняла Леса.

— И, пожалуйста, помогите нам еще и с Дивиной. Придумайте, как вернуть ее к нормальной жизни так, чтобы она не узнала, где была и что с ней случилось.

— Как скажешь,

— И еще, Лес, — попросила Молли. — Окажите мне самую последнюю услугу. Не говорите Праймо, что я его дочь. Для меня это будет слишком тяжело. Мне и без этих проблем хорошо живется.

— Вижу, что хорошо, — сказал Лес и протянул ей репку с соевым творогом. — Ты, Молли, славная малышка,

— Спасибо, Лес, — поблагодарила Молли и взяла липкую кашицу. — На вид... гм... интересно. Я заберу это наверх и съем там.

Глава сорок третья

Молли и Рокки не могли усидеть на месте: им не терпелось снова встретиться со своими приятскими друзьями. И на следующий день у ребят появилась такая возможность.

На вечер была назначена премьера фильма «Раскаты грома», в котором снималась Петулька. Поставил этот фильм Джино Туччи, а главную роль сыграла Глория Сердсенс, поэтому на первый показ должно было съехаться немало прославленных личностей. Праймо еще не успел разгипнотизировать своих знаменитостей и, по просьбе Молли, пригласил к себе многих из них. Молли понимала, что обитатели Счастливого Приюта, особенно миссис Тринкелбери и Гизела, в душе мечтают хоть на миг прикоснуться к миру звезд. Девочка хотела устроить им праздник, которого они не забудут. Поэтому, пока Праймо Клетс выполнял нелегкую миссию — объявлял Конгрессу и всему миру, что отказывается от должности президента, Молли взялась за более приятное дело — отвела Петульку в собачий салон красоты. Потом купила себе и Рокки красивые костюмы.

В шесть часов вечера Клетс припарковал свой любимый «роллс-ройс» возле дома на холме, рядом с «Астон Мартином» Синклера. Рокки, Молли, Петулька, Синклер и Лес, разряженные в пух и прах и готовые к выезду в город, спустились на лифте. Лес был в неизменных носках и шлепанцах, но ради торжественного случая надел коричневый костюм и любимую футболку с надписью «Пижонов на мыло!». К несчастью, им пришлось взять с собой Корнелиуса, потому что ни у кого не хватило смелости оставить его дома одного. В синем спортивном костюме, обросший щетиной, он выглядел вполне нормальным, если не считать того, что в пути то и дело высовывал голову из машины и жалобно блеял. Впрочем, никто не обращал на него внимания.

Доехав до Голливудского бульвара, все вышли из машины и пешком направились к кинотеатру. Вот они приблизились к парадному входу, залитому лучами прожекторов. У дверей толпились возбужденные зрители. Сердце Молли отчаянно заколотилось: ей очень хотелось встретить старых друзей.

И вдруг она увидела их: вся компания собралась на тротуаре. Ребята были нарядно одеты и волновались не меньше, чем Молли и Рокки.

— А в-в-вот и они! — вскричала миссис Тринкелбери и ринулась к ним сквозь толпу, как фиолетовая шифоновая ракета. — Боже м-м-мой, как

я по вам обоим с-с-соскучилась! — воскликнула она и обняла ребят так крепко, что они чуть не столкнулись лбами.

Стиснутые в объятиях, Молли и Рокки вдохнули знакомый запах. От миссис Тринкелбери пахло домашним сыром, пирожками и розовой водой, ванилью, лавандовым медом и сливочным маслом. Этот запах оживил в ребятах воспоминания о детских считалочках и игре в прятки.

— О, миссис Тринкелбери, — всхлипнула Молли, ей на глаза навернулись слезы. — Как я рада снова видеть вас!

— И я т-т-тоже, деточка моя, — проворковала миссис Тринкелбери и еще раз стиснула Молли в объятиях. Как хорошо было снова оказаться рядом с близкими людьми!

— Поздравляем вас... с обручением

— Спасибо, м-м-милочка. Мы п-п-поженимся не сразу, но посмотри, какое у меня кольцо! — Миссис Тринкелбери гордо показала Молли кольцо в виде золотого лютика, сжимавшее толстый палец.

— Очаровательное!

Кто-то дернул Молли за платье. На девочку снизу вверх смотрели Руби и Джинкс

— Молли, я научилась читать, — похвасталась Руби. — И писать. Смотри. — Она вскрыла конверт с надписью «Дабро пажаловать домой!» и достала оттуда собственноручно нарисованный портрет Петульки.

— Это вам, — заявила она и гордо сунула конверт в руки Молли.

Все стремились поздороваться с давними друзьями. Молли только диву давалась, как изменились ребята. Все подросли, особенно Джемма и Джерри. Гордон, Синтия и Гизела сильно похудели. Крейг стал мускулистее. Труднее всего было узнать Гизелу, потому что она выкрасила волосы и стала платиновой блондинкой. И у всех был очень здоровый вид, как будто они тоже провели лето под жарким солнцем,

— Привет, ребята, — сказала Гизела и поцеловала их.

— Что у тебя за акцент? Ты говоришь как настоящая американка, — заметила Молли.

— Тренируюсь. Я получила роль статистки в фильме, — сообщила Гизела, — Мне нужно столько всего вам рассказать!

— Привет, привет. Рад вас видеть, — улыбнулся Нокман из-за спины Гизелы. На нем был зеленый вельветовый костюм и гавайская рубашка с тропическими птицами. Молли изумилась — его немецкий акцент как ветром сдуло.

Из всего населения Счастливого Приюта не доставало только Роджера, Молли заметила его метрах в десяти от дороги — он стоял и беседовал с

пальмой, не обращая никакого внимания на Корнелиуса, который громко блеял и бегал трусцой по газону.

Синклер пошел успокаивать горе-гипнотизера.

* * *

Под вспышки фотоаппаратов гости один за другим вступали на короткий красный ковер перед входом в кинотеатр. Начали прибывать кинозвезды. Геркулес

Стоун поцеловал руку миссис Тринкелбери и провел ее вдоль заграждений, за которыми толпились восторженные поклонники. Миссис Тринкелбери скромно опустила ресницы и по-королевски величественно помахала зрителям. Космо Ас галантно представился Гизеле. Кинг Лосс прошел в кинозал рука об руку с Синтией, а Стефани Гулляш подхватила зардевшегося мистера Нокмана и Гордона. Дасты Голдмен провел Джинкса и Руби, Синклер не спускал глаз с Корнелиуса, а Рокки неожиданно для себя подружился с Билли Бобом Бимблом. Молли охотно сопровождала в кинозал Джемму, Джерри и Праймо Клетса.

Петулька и Глория Сердсенс показали себя истинными профессионалами. Петулька твякнула на аплодирующую толпу, повертелась на задних лапках перед фотографами и терпеливо сносила пахнущие духами поцелуи Глории. Она купалась во всеобщих восторгах.

Фильм оказался одной из лучших работ Джино Туччи. И, без сомнения, самыми волнующими эпизодами были те, в которых участвовала Петулька. Все аплодировали собачке, особенно когда она вместе с Глорией выпрыгнула с парашютом из горящего самолета.

* * *

После премьеры Праймо Клетс устроил торжественный ужин для Молли с друзьями и загипнотизированных звезд.

Лос-Анджелес — город великолепных ресторанов. В нем можно отведать блюда японской кухни, китайской, тайской, испанской, английской, мексиканской и, конечно же, американской. Но ресторан, куда повел всю компанию Праймо Клетс, был французским. Назывался он «Оранжери» и славился виртуозным искусством шеф-повара. Здесь готовили суп из омаров и улиток с чесноком, хитроумные соусы, которые

надо было варить часами, на гарнир подавали картошку фри, а не просто жареную, на десерт — пышные суфле и нежные желе.

Вечер удался на славу. Блюда заказывались наугад, потому что никто не разбирался во французской кухне, но все было очень вкусно, и гости наелись до отвала. Молли и Рокки с интересом слушали, чем занимались этим летом их друзья.

— Крейг научился здорово кататься на доске по волнам, — сообщил Джинкс, набивая рот картошкой. — Но он говорил, что на первых порах чувствуешь себя мухой, которую смывают в унитаз. Я тоже скоро научусь. Только не знаю, будем ли мы здесь следующим летом. — Джинкс обернулся к миссис Тринкелбери. — Мы долго еще пробудем в Калифорнии?

Как только уши приютских ребятишек уловили вопрос Джинкса, веселая застольная болтовня мигом утихла. Все, как радары, повернулись к миссис Тринкелбери.

— П-п-понимаешь, малыш, — пробормотала миссис Тринкелбери, дожевывая салат. — Я, по правде сказать, и не з-з-знаю. А вы в-в-все как думаете?

Молли и Рокки в-в-вернулись. Н-н-аверное, пришло нам время возвращаться домой. Вряд ли мистер Синклер будет в-в-вечно оплачивать нам жилье в отеле. А мы с Саймоном поженимся, как только он сдаст в Брайерсвилле экзамен на слесаря и сможет чинить людям замки.

Праймо Клетс перебил ее:

— Можете все пожить у меня.

Миссис Тринкелбери закашлялась, подавившись листиком салата. Мистер Нокман похлопал ее по спине.

— Разумеется, я приглашаю и вас, миссис Тринкелбери, с мистером Нокманом, — продолжил Праймо. — Разве что вы предпочтете жить где-нибудь в другом месте... Но боюсь, если вы поселитесь дальше, чем домик у ворот, дети будут скучать по вам.

— Замечательная м-м-мысль, — согласилась миссис Тринкелбери. — Правда, Саймон, д-д-дорогой?

— Единственная трудность в том, что у нас очень много зверей и птиц, — сказал Нокман.

— Да, у меня уже тридцать три мышки, — сообщил Джерри. — У Хрустелки, я думаю, как раз сейчас рождаются малыши.

— Ничего, у меня дом большой. Можем устроить зверинец, — сказал Праймо,

Было решено поставить вопрос на голосование. Все пожелали остаться

у Праймо. Дело казалось решенным, но тут Молли вспомнила о Роджере, который сидел в вестибюле ресторана под апельсиновым деревом.

* * *

Роджер доедал орехи пекан из чашки.

— Роджер, как поживаешь? — тихо спросила Молли. Мальчик оглянулся и бросил в нее синий бумажный самолетик.

Молли развернула бумажку. Внутри обнаружилась записка:

«Прости, но я слишком много об этом знаю».

— О чем ты слишком много знаешь, Роджер?

Роджер печально посмотрел на нее.

— О человеке «он — она», — объявил он.

В памяти у Молли всплыли слова из других записок Роджера.

«Скорее пришлите подмогу! Инопланетяне пожирают мой разум!»

«Осторожно! Мозговые сороконожки уже здесь!»

«Не судите о себе по внешнему виду».

Девочке вспомнился выстриженный на кусте заяц из причудливой коллекции Корнелиуса. Что это — безумный мартовский заяц? Может быть, он олицетворял Роджера?

И в этот миг, подчиняясь внутреннему голосу, Молли остановила мир. Она взяла руку Роджера и послала в нее импульс холодного чувства, чтобы он мог двигаться. Потом заглянула в его смятенные глаза.

— С этой минуты, — заявила она, — ты, Роджер, не повинешься ничьей власти. Ты станешь самым собой, — И добавила старый, давно знакомый пароль; — Очень пунктуально.

Роджер заморгал, с его лица исчезло бессмысленное выражение.

Молли отпустила мир. Роджер огляделся по сторонам и вцепился в Моллину руку, как будто боялся не устоять на ногах. Он совсем потерял ориентацию, ему казалось, что все вокруг перевернулось вверх тормашками. Потом мальчик положил руку на грудь, словно проверяя, бьется ли еще сердце. Через мгновение он осознал произошедшую в нем перемену.

— Ох, спасибо, Молли. Ты меня спасла, — вскричал он и бросился девочке на шею. От него пахло листьями, травой и корой. — Я был заперт внутри самого себя. Ужасное ощущение, — заплакал он. — И все время пытался рассказать людям, но меня никто не понимал. Это сделал Корнелиус. Он насрал на меня галлюцинации. Загипнотизировал, чтобы мне

казалось, будто меня преследуют голоса. Было так страшно! Слов не хватает, до чего страшно...

— Не волнуйся, Роджер, все будет хорошо, — успокоила его Молли и тоже обняла,

— Спасибо, Молли, — всхлипывал Роджер. — Ты меня освободила. Спасибо, спасибо, спасибо.

— Значит, тебе удалось узнать о Корнелиусе Логане слишком много? — догадалась Молли. — А что именно?

— Ты ведь помнишь, как я любил копаться в мусорных баках, — начал Роджер. — Однажды я добрался до баков библиотеки, куда выбрасывала мусор Люси Логан. Я нашел инструкции, написанные Корнелиусом. И видел, как Люси Логан с ним спорит. Они были очень похожи — так, что даже жутковато делалось. Я видел, как он втолкнул ее в машину и куда-то увез. Корнелиус меня засек. Я был свидетелем. И он меня загипнотизировал. Я на много месяцев погрузился в безумие.

— Роджер, все это позади, — сказала Молли.

Она подумала о Лесе. Этой зимой ему предстоит лечить сразу двоих помешанных. Роджер, как и Праймо, нуждается в заботе и уходе. Ему придется остаться на попечении у йога. И девочка еще тверже укрепилась в решении, что все приютские ребята должны остаться в Лос-Анджелесе.

Но только не сама Молли. Ей придется уехать. Потому что рано или поздно Праймо Клетс узнает, что она его дочь, а она к этому еще не готова. Ей хотелось свыкнуться с мыслью о том, что у нее есть отец, а потом уже предстать перед ним в качестве дочери. Кроме того, у нее оставались и другие важные дела.

* * *

В тот же вечер, гораздо позднее, когда шумная приютская компания прибыла в серый особняк Праймо Клетса и радостно осматривала новый дом, Молли, Рокки и Петулька вышли на бетонную полосу Лос-Анджелесского аэропорта. Личный самолет Клетса с черно-золотой эмблемой на хвосте ждал свою единственную пассажирку.

— Я буду скучать по тебе, — сказала Молли.

— И я тоже, — вздохнул Рокки. — Ты не передумала? По-прежнему хочешь лететь без меня?

— Да, Рокки. Я сама должна закончить это дело. Тебе будет совсем не интересно. Тебе нужно отдохнуть. А Билли Боб Бимбл охотно запишет с

тобой несколько новых песен. Для тебя это очень важно. А я скоро вернусь.

— Ладно, Молли, лети, раз думаешь, что так будет лучше. Но если я тебе понадобится, звони в любое время, хоть в полночь.

— Хорошо.

Друзья обнялись. Потом Молли свистом подозвала собачку.

— Пойдем, Петулька.

Рокки долго смотрел вслед лучшей подруге. Она поднялась по трапу в самолет, загудел мотор. Молли еще раз помахала другу и улетела.

Глава сорок четвертая

До чего здорово было возвращаться домой на личном самолете Праймо Клетса! Пассажирский салон был оформлен как гостиная — с коврами кремового цвета, небольшими столиками и зелеными кожаными креслами.

Стюардесса была очень приветлива. Вскоре Молли уже сидела в кресле, пристегнув ремни, со стаканом газировки в руке. Рядом пристроилась Петулька. Мотор взревел, и Лос-Анджелес, освещенный миллионами электрических ламп и тысячами звезд кино, остался далеко внизу.

Почти весь одиннадцатичасовой перелет Молли проспала на большой, удобной кровати. К приземлению она отлично отдохнула.

В аэропорту ее ждала машина, и вскоре девочка катила на заднем сиденье большого «мерседеса» по сельской дороге.

* * *

До дома Корнелиуса Логана было пятьдесят минут езды.

Все эти годы Корнелиус, в отличие от сестры, жил отнюдь не в скромном коттедже. В деньгах он нужды не знал — у него в распоряжении были золотые горы Праймо Клетса. Поэтому, купаясь в роскоши, Корнелиус выстроил себе за городом великолепный особняк.

К Брайерсвилль-парку вела проселочная дорога длиной в четыре мили. Молли загипнотизировала охранника у ворот, и машина свернула на парковую аллею. Девочка и Петулька выглянули в окно и с удивлением заметили стадо лам, пасущихся под старыми дубами. Парк заканчивался каменной стеной с высокими воротами; по другую сторону тянулись поля, усыпанные темно-зелеными кустами. И на всех кустах были выстрижены разнообразные звери, один другого причудливее. Лошадь, слон, кошка, мышь, обезьяна. То тут, то там девочка видела рабочих в желтых костюмах с садовыми ножницами в руках — вскарабкавшись на лестницы, они подравнивали живые скульптуры. Молли не сомневалась, что каждое кустарниковое животное символизировало человека, загипнотизированного Корнелиусом Логаном.

Наконец за широким поворотом показался и сам особняк — белый,

роскошный, величественный, с портиком на четырех высоких колоннах, как во дворце, и с парадной лестницей, спускающейся на круглую гравийную площадку. На лужайке перед домом толпились выстриженные кустовые звери — казалось, им не терпится войти внутрь. В самом центре круга восседала гигантская зеленая сорока, будто готовая вот-вот взлететь.

Молли подхватила Петульку и остановила мир.

Девочка вышла из машины и поднялась по широкой лестнице. Она миновала застывшего у парадных дверей дворецкого и очутилась в холле. Со стен на нее взирали бесчисленные чучела — головы животных: бизонов, тигров, леопардов, антилоп, оленей. Петулька зарычала на них. Коллекция старинных садовых ножниц напомнила Молли о том, где она находится.

Девочка сверилась с планом, который нарисовал для нее Корнелиус, и поднялась по главной лестнице. Здесь стены были увешаны часами. На верхней площадке ее встретила горничная, неподвижная, как статуя. Молли побежала по коридору, уставленному столами. На каждом из них росло в горшочке карликовое дерево-бонсай. Молли пролетела по еще одной лестнице.

Теперь она оказалась на верхнем этаже дома. Здесь располагались комнаты прислуги. Молли поудобнее подхватила Петульку и зашагала по длинному коридору.

В конце его у красной двери сидел замерший охранник.

Молли глубоко вздохнула и отперла дверь.

Внутри у окна сидела обездвиженная Люси Логан. Она была одета в белый домашний халат и выглядела усталой, изможденной. Но это была настоящая Люси, с красивыми небесно-голубыми глазами.

Молли остановилась, внезапно осознав, до чего смутно ее будущее.

Пройдет еще минута, и она разбудит свою мать. Но Молли не была до конца уверена, нужна ли ей мама. Одно дело — знать, кто твои родители, совсем другое — жить с ними вместе и постоянно общаться. А вдруг они будут приказывать Молли, что делать, а чего нет? Такая мысль пришла ей совсем не по вкусу. Она привыкла быть сама себе хозяйкой. Придется растолковать это Люси Логан. Но как только девочка приготовилась отпустить остановленное время, ей в голову пришла другая пугающая мысль.

Раз обнаружилось, что она, Молли, дочь Люси Логан и Праймо Клетса, то не придется ли ей сменить имя? Ей совсем не улыбалось превратиться в Молли Клетс или Молли Логан. Девочка заранее собралась заартачиться.

Но мало того — вдруг ей придется менять себя и в других отношениях? Ей вовсе не хотелось становиться человеком, которого желают видеть перед собой ее новые родители. Она собиралась всегда оставаться такой как есть, Молли Мун.

Молли опустилась в кресло. Поглядела на ноги мамыны ноги, обутые в тапочки, и на свои — в кроссовках. И вдруг поняла; нет никакой разницы, кто твои родители. У них своя жизнь, а у нее своя. И она, Молли, вправе быть такой, как захочет сама

Но при этом она все равно будет меняться. Молли выглянула в окно, посмотрела на повисший в воздухе осенний лист и задумалась о том, насколько сильно она изменилась с тех пор, как в последний раз видела Люси Логан. С того дня прошел почти год, и это время пролетело как одна минута. Были в этом году радостные моменты, были и ужасные.

Удерживая мир в неподвижности, Молли дрожала от страха перед будущим — ее пугала его неопределенность. Боязно было пускать время в путь.

Но жизнь всегда непредсказуема, осознала девочка. Этим она и интересна. Никто не знает, что ждет его за углом. Будут, разумеется, и невзгоды, но жизнь полна хороших людей и забавных зверей, интересных событий и красивых мест. И поэтому бояться нечего.

* * *

Небо за окном сияло ослепительной голубизной.

Внутри Молли проснулась радость. Она рвалась наружу, как птица, стремящаяся взлететь. Молли отбросила все сомнения. Теперь она была готова и к солнечным дням, и к дождливому сумраку. Она раскрыла свое сердце и выпустила время из плена.

* * *

В доме на Голливудских холмах посреди птичьего двора сидела, скрестив ноги, девочка в фиолетовой пижаме и солнечных очках. Возле нее клевал зерно бентамский петух, а напротив сидел человек, похожий на древнее божество. Его большие глаза сверкали из-за очков с толстыми стеклами, по плечам рассыпались длинные седые волосы

— Хочешь еще репку с соевым творогом, Дивина?

- Да, конечно. И, Лес, можем мы опять съесть ее стоя на голове.
- Конечно. С космическим удовольствием.